

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 4 (4), 2016

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2016

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 4 (4), 2016

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 4 (4), 2016

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Иностранные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Gulyamova Z.R., Kudratov S.*
STYLISTICS IN THE CONTEXT OF NEW ASPECTS OF LINGUISTICS 10
- Rudenok O.A.*
PROJECT ACTIVITY AS ONE OF THE METHODS OF DEVELOPING
SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY AND COMMUNICATIVE COMPETENCE
OF STUDENTS (BASED ON TEACHING ENGLISH AT THE MSU FACULTY OF JOURNALISM) 12

Literary Studies

- Aliev A.V.*
THE SYSTEM OF MINOR CHARACTERS
IN THE NOVEL “THE IDIOT” BY F.M. DOSTOYEVSKY 15
- Litvinenko N.A.*
THE MOTIF OF MEMORY IN THE NOVEL “L’HERBE DES NUITS” BY P. MODIANO 17
- Sharafutdinova K.R.*
“LES MISERABLES” BY V. HUGO AND “WAR AND PEACE”
BY L. TOLSTOY: SOME FEATURES OF EXPOSITION IN EPIC NOVELS 19
- Yudina I.A.*
“FATES INTERTWINED”: ON THE BOOK
“SOUL THAT HAD ONCE BEEN BORN SOMEWHERE:
MARINA TSVETAeva AND KRISTIN LAVRANSDATTER” BY LINA KERTMAN 23

Literature of Peoples of the Foreign Countries

- Boinitska O.*
THE SYNTHESIS OF POSTMODERN AND REALISTIC NARRATIVE STRATEGIES
IN THE HISTORIOGRAPHIC NOVEL “MASTER GEORGIE” BY BERYL BAINBRIDGE 26
- Mardanova Z.A.*
THE THEME OF VIOLENCE IN THE NEW WOMEN’S WRITING IN AUSTRIA 29

Literary Theory. Textology

- Grigoryeva L.Yu.*
THE FIELD OF IMPERSONAL MEANINGS
IN DOSTOYEVSKY’S “THE IDIOT” AND HESSE’S “STEPPEWOLF” 34

Linguistics

- Drozdova E.S.*
THE NOTION OF CONCEPT IN MODERN LINGUISTICS 39
- Matveeva E.*
LANGUAGE ALTER EGO - THE KEY TO MULTICULTURAL LINGUISTIC PERSONALITIES 42

The Russian Language

<i>Kondrat N.V.</i> PRACTICING VERBAL NOUNS WITH PROCESSUAL MEANING IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT BASIC AND FIRST CERTIFICATE LEVELS	45
--	----

Slavic Languages

<i>Dyakova T.A.</i> ETHNOCULTURAL BASIS OF PHRASEOLOGIZATION OF THE ENTERTAINING WEDDING CUSTOMS AND RITES (ON THE MATERIAL OF UKRAINIAN EAST SLOBODA AND STEPPE SUBDIALECTS).....	48
---	----

Germanic Languages

<i>Baeva G.A., Djubo B.A.</i> GRAMMATICAL DISCOURSE IN GERMANY IN THE PERIOD FROM XV TO EARLY XVI CENTURY.....	51
<i>Baeva G.A.</i> DISCOURSE PARTICLES DÔ / DÂ IN GERMAN HEROIC EPIC.....	55
<i>Glushenko O.A., Murray S.</i> 'PARKING ON CAMPUS TERRITORY' INVOLVES SPECIFIC VOCABULARY	58
<i>Nasyrova G.N.</i> SPEECH ACTS FUNCTIONING IN SMALL-FORM BUSINESS TEXTS.....	61

Latin Languages

<i>Gradova I.V.</i> AESTHETICS OF FRENCH AND RUSSIAN PERCEPTION OF REALITY IN "DANS LES FORÊTS DE SIBÉRIE" BY S. TESSON: LINGUISTIC ASPECT.....	64
<i>Savolyuk P.N.</i> RECOMMENDED PRACTICE FOR LEARNING THE CHANGE FROM DIRECT TO INDIRECT SPEECH BY SPANISH-SPEAKING AUDIENCE.....	67

Linguistic Theory

<i>Buzuk L.G.</i> CURRENT ISSUES OF TRANSLATION AND INTERPRETING STUDIES	70
<i>Nebylitsin A.A.</i> PERCEPTUAL FEATURES OF INTENSIVE INFORMATION	73

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

<i>Mikhaylov I.V., Koroteeva V.V.</i> PRECEDENT NAMES OF TOLSTOY AND DOSTOYEVSKY IN THE NEW YORKER: DIACHRONIC ASPECT (1925-2015)	75
---	----

Applied and Computational Linguistics

Mamarajabov M.E., Normatova R.N.

USING COMPUTER PRESENTATIONS AT THE LESSONS OF ENGLISH LANGUAGE 82

**Languages of Peoples of European, Asian,
African countries, Aborigines of America and Australia**

Zharkova N.S., Kondrat N.V., Savolyuk P.N.

PRACTICAL CORRECTION OF THE MOST COMMON ERRORS

MADE BY TURKISH STUDENTS LEARNING GENITIVE CASE 84

Semenov A.V.

RHETORICAL FEATURES OF THE CHINESE PRESIDENT'S NEW YEAR SPEECHES 87

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Гулямова З.Р., Кудратов С.
СТИЛИСТИКА В СВЕТЕ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИНГВИСТИКИ..... 10

Руденок О.А.
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН
ИЗ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ (НА ОСНОВЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ).....12

Литературоведение

Алиев А.В.
СИСТЕМА ВТОРОСТЕПЕННЫХ
ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»..... 15

Литвиненко Н.А.
МОТИВ ПАМЯТИ В РОМАНЕ П. МОДИАНО «НОЧНАЯ ТРАВА»..... 17

Шарафутдинова К.Р.
«ОТВЕРЖЕННЫЕ» В. ГЮГО И «ВОЙНА И МИР» Л. ТОЛСТОГО:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОЗИЦИИ В РОМАНАХ-ЭПОПЕЯХ 19

Юдина И.А.
«СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ»: О КНИГЕ ЛИНЫ КЕРТМАН «ДУША,
РОДИВШАЯСЯ ГДЕ-ТО: МАРИНА ЦВЕТАЕВА И КРИСТИН, ДОЧЬ ЛАВРАНСА» 23

Литература народов стран зарубежья

Бойницкая О.
СИНТЕЗ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ И РЕАЛИСТИЧЕСКИХ НАРРАТИВНЫХ
СТРАТЕГИЙ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ Б. БЕЙНБРИДЖ «МАСТЕР ДЖОРДЖИ» 26

Марданова З.А.
ТЕМАТИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ В «НОВОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» АВСТРИИ 29

Теория литературы. Текстология

Григорьева Л.Ю.
ПОЛЕ ИМПЕРСОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РОМАНАХ
ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» И ГЕССЕ «СТЕПНОЙ ВОЛК» 34

Языкознание

Дроздова Е.С.
ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 39

Матвеева Е.
ЯЗЫКОВОЕ АЛЬТЕР ЭГО – КЛЮЧ К МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫМ ЯЗЫКОВЫМ ЛИЧНОСТЯМ42

Русский язык

- Кондрат Н.В.*
ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА НАД ОТГЛАГОЛЬНЫМИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ В АУДИТОРИИ БАЗОВОГО И ПЕРВОГО СЕРТИФИКАЦИОННОГО УРОВНЕЙ.....45

Славянские языки

- Дьякова Т.А.*
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНО-ИГРОВЫХ СВАДЕБНЫХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ВОСТОЧНОСЛОБОЖАНСКИХ И СТЕПНЫХ ГОВОРОВ)..... 48

Германские языки

- Баева Г.А., Дюбо Б.А.*
ГРАММАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ГЕРМАНИИ XV – НАЧАЛА XVI ВВ..... 51
- Баева Г.А.*
ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ DÔ / DÂ В НЕМЕЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ 55
- Глуценко О.А., Мюррей С.*
«СТУДЕНЧЕСКАЯ ПАРКОВКА» КАК ОСОБАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ 58
- Насырова Г.Н.*
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ МАЛЫХ ФОРМ..... 61

Романские языки

- Градова И.В.*
ЭСТЕТИКА ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В КНИГЕ С. ТЕСОНА «В ЛЕСАХ СИБИРИ»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 64
- Саволюк П.Н.*
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ИСПАНОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ В КОСВЕННУЮ..... 67

Теория языка

- Бузук Л.Г.*
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ..... 70
- Небылицин А.А.*
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕНСИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ..... 73

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

- Михайлов И.В., Коротеева В.В.*
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО
В «НЬЮ-ЙОРКЕРЕ»: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1925-2015) 75

Прикладная и математическая лингвистика

Мамаражабов М.Е., Норматова Р.Н.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕЗЕНТАЦИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 82

**Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,
аборигенов Америки и Австралии**

Жаркова Н.С., Кондрат Н.В., Саволюк П.Н.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА НАД ТИПИЧНЫМИ ОШИБКАМИ, ВОЗНИКАЮЩИМИ
У ТУРЕЦКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА 84

Семенов А.В.

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГОДНИХ РЕЧЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР 87

UDC 80

STYLISTICS IN THE CONTEXT OF NEW ASPECTS OF LINGUISTICS

Z.R. Gulyamova¹, S. Kudratov²

¹ Teacher of “Practical Course of English Language” Department, ² Student of “Foreign Languages” Faculty
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

***Abstract.** The given article states the issue of the given section including definition of interrelations, things in common in stylistics and new directions of linguistics, such as cognitive linguistics, cultural linguistics and gender linguistics.*

***Keywords:** cognitive linguistics, categorization, communication, concept.*

Last decades are characterized by rough process of scientific integration in the sphere of humanities. In linguistics, scientific researchers have generated the whole series of directions, which have arisen on a joint of several disciplines and have turned to independent sciences.

Cognitive linguistics is a modern science, it has developed last two decades of the XX century, but its subject – features of mastering and processing of the information by means of language signs – has been planned in XIX century in theoretical works on linguistics. Cognitive linguistics gives possibility to treat the language phenomena in their communication with thinking processes, to describe and explain mechanisms of human mastering of language and principles of their structuration. First of all, it is necessary to note works of outstanding German philologist Wilhelm Humboldt’s background which ideas are still actual. Researches in Humboldt’s background on linguistics have begun to a paradigm in linguistics. The reference to the person, its role in the world, culture and a society has led to reorientation of a linguistic problematic from studying of internal structure of language to research of the person as to the language person [1].

Under the influence of cognitive linguistics in stylistics, there is a revision of traditional sights, introduction of new methods of research. Many positions of cognitive linguistics, such as conceptualization, categorization, concept, the conceptual and linguistic picture of the world, a national picture of the world find reflexion and are fruitfully used in stylistic researches. We will consider some positions of cognitive linguistics, which are initial in our work.

All informative activity of the person, cognition, is directed on world around development, by formation and ability development to be guided in this world on the basis of the received knowledge. In its turn, it is connected with necessity to identify and distinguish objects and events. Here it is important to allocate processes of conceptualization and categorization, which differ on the result and the purpose.

Conceptualization is an assessment of the information received, mental designing of subjects and the phenomena, which leads to formation of certain notions about the world in a form of concepts, (i.e. fixed in consciousness of the person of senses). For example, concept at home, time, space, eternity, movement etc. The basic part of these concepts is fixed in language by value of certain words that provides storage of the received knowledge and their transfer from one person to another and from generation to generation.

Process of conceptualization is directed on allocation of minimum substantial units of human experience – knowledge structures, and process of categorization – on association of similar units to larger categories.

Conceptualization in an antithesis is caused:

- character of information structures united in it and the put in pawn structures of knowledge;
- representation of cultural concepts can reflect the most significant for each cultural wealth.

Categorization is this division of the world into categories (including conceptual categories as generalization of certain senses, or objects). At the same time, categorization as informative process is a mental correlation of object or event with a certain category. Accordingly, information interchange by means of language is reduced to correlation with system of knowledge available for the person, to identification of subjects and events, i.e. from definitions of categories. Function of categorization, thus, i.e. division of the world into categories and reference of certain subjects and events to these categories, is the major function of human consciousness, underlying all informative activity of the person.

In our research, categorization of antitheses is spent on character presented in concepts. Also for the comparative analysis of concepts, verbalized by antitheses in English and Uzbek languages, for the purpose of revealing similarities and distinctions in them categorization is made.

Other concept widely used both in stylistics, and as in cognitive linguistics is the concept. Here we will notice that this concept is widely used at the analysis of the art text, as its thematically substantial dominant. Besides, it is necessary to underline, that a number of researches devoted to the analysis of linguistics is the nature of stylistic receptions.

Also the important concept as cognitive linguistics, and stylistics are concepts of conceptual, linguistic and national picture of the world. In our research we consider these concepts basic as the antithesis as a component of a language, national picture of the world and an individual author's picture of the world. The importance of these concepts of stylistic researches is defined by that the world picture receives reflexion, first of all, in the text, basic object of studying of stylistics being, as it is known.

Материал поступил в редакцию 17.05.16.

СТИЛИСТИКА В СВЕТЕ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИНГВИСТИКИ

З.Р. Гулямова¹, С. Кудратов²

¹ преподаватель кафедры «Практический курс английского языка», ² студент факультета иностранных языков
Ташкентский государственный университет им. Низами, Узбекистан

***Аннотация.** В задачу данного исследования входит определение взаимосвязей, точек соприкосновения стилистики и новых направлений лингвистики, таких как когнитивная лингвистика, лингвокультурология и гендерная лингвистика.*

***Ключевые слова:** когнитивная лингвистика, категоризация, коммуникация, концепт.*

УДК 811.111'24

**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ (НА ОСНОВЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ)**

О.А. Руденок, старший преподаватель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

***Аннотация.** В данной статье автор рассматривает идею проектного обучения в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетентности обучающихся, а в дальнейшем формирования вторичной языковой личности, являющейся одним из важнейших элементов на всём этапе обучения студентов факультетов журналистики, которым приходится не только читать и слушать информацию, получаемую из иноязычных СМИ, но и активно участвовать в её отборе, систематизации, анализе с учетом знания менталитета населения страны изучаемого языка, становясь, таким образом, активным участником межкультурных коммуникаций.*

***Ключевые слова:** коммуникативная компетентность, вторичная языковая личность.*

Идея проектного обучения в современном образовании рассматривается как один из наиболее эффективных методов учебной деятельности. Е. С. Полат сформулировала это так: «...идея метода проектов ... в настоящее время становится интегрированным компонентом ... разработанной и структурированной системы образования» [6]. Наш век, век глобальных процессов, предъявляет высокие требования к поиску новых педагогических технологий, способных служить формированию иноязычной коммуникативной компетентности студентов, и тем самым стимулирует к поиску новых путей и подходов к ее развитию. Однако практика подготовки будущих журналистов в стенах университета показывает, что даже в том случае, если иноязычная коммуникативная компетентность сформирована, этого недостаточно: для специалиста, работающего в медиасреде, в высшей степени необходима развитая вторичная языковая личность. Говоря о иноязычной коммуникативной компетентности, мы подразумеваем готовность и способность вторичной языковой личности студента осуществлять межкультурный диалог в рамках его профессиональной деятельности [1]. По словам Н. Д. Гальсковой, результатом образования в области иностранных языков должна быть вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации [2]. В этой статье мы предполагаем осветить и проанализировать те возможности, которые может обеспечить проектная деятельность для развития ведущих компетенций, составляющих иноязычную коммуникативную компетентность, а также для развития и формирования вторичной языковой личности, что в настоящее время почти неоспоримо считается основной стратегической целью обучения языку.

Опираясь на идею «языковой личности», разработанную Ю. Н. Карауловым [4], мы сошлемся на три уровня, которые он определяет как структурнообразующие: вербально-семантический, лингвокогнитивный, или тезаурусный, и мотивационный, или прагматический. Эта классификация широко известна, но нам она понадобится для того, чтобы показать, насколько точно соответствуют ей классические этапы проектной деятельности. Приведем традиционную схему работы над проектом, и сопоставим эти этапы с уровнями развития вторичной языковой личности и с фазами речевой деятельности, которые были отмечены несколькими учеными, например, И. Ф. Птицыной [8], чьей классификацией уровней речевой деятельности мы предполагаем воспользоваться в данной статье.

Подготовительный (вводный) этап работы над проектом, или, как его еще называют, погружение в проект, полностью соответствует вербально-семантическому уровню развития вторичной языковой личности и побудительно-мотивационной фазе речевой деятельности. В основе этого этапа лежит, по И. Ф. Птицыной, «коммуникативно-познавательная потребность». Целью его является выбор темы, определение характера деятельности (индивидуальной или групповой), определение проблемы и вытекающих из нее задач исследования. На подготовительном этапе в ходе работы над таким, например, проектом, как создание англоязычной интернет-газеты, одной из задач является использование учебного материала в объеме изученных лексических единиц, грамматических структур и основ социокультурной информации. Этот этап предоставляет все возможности для развития коммуникативной компетенции и является предпосылкой к формированию тезаурусного этапа вторичной языковой личности. Важным инструментом в этом случае являются такие виды работы, как групповой мозговой штурм, поиск англоязычных источников информации, выбор способов оформления конечных результатов, установление критериев оценки результата. На этом этапе в случае, упомянутом выше, разрабатывалась модель газеты с определением конкретных действий и операций. Таким образом, мы видим, что эта стадия также работает на формирование и развитие языковой и дискурсивной компетенций.

Второй этап формирования вторичной языковой личности – лингвокогнитивный, или тезаурусный – связан с ориентировочно-исследовательской фазой речевой деятельности и прямо соответствует второму, исследовательскому этапу работы над проектом. Здесь идет речь о формировании картины мира, смыслов и духовных ценностей путем развития навыков анализа межкультурных различий. В ходе подготовки проекта основные действия этого этапа очерчиваются сбором, систематизацией и анализом полученных данных. Говоря об учебных действиях, одним из основных здесь является навык критического анализа информации. Студент-журналист должен научиться видеть разницу между фактом и мнением, должен уметь видеть разницу между различными типами медиатекстов (например, рекламными текстами и новостными), уметь выбирать достоверные медиаресурсы, оценивать полученную информацию, научиться систематизировать отобранный материал и все слои и уровни текста, особенно в иноязычных СМИ, поскольку, как писала И. И. Халеева, «формирование вторичной языковой личности самым тесным образом связано с привитием учащемуся особой перцептивной способности постигать иную ментальность, иную стратегию и тактику жизни, а значит, иной способ осмысления информации, затрагивающий любые стороны этой жизни» [9].

В тех случаях, когда проект является творческим, а не полностью исследовательским, мы можем говорить о трансляционно-оформительском этапе, который также нацелен на формирование и дальнейшее развитие страноведческой и предметной компетенций, а также социокультурной компетенции, если речь идет о распознавании социокультурного контекста.

В нашем представлении два заключительных этапа проектной работы – этап презентации продукта проекта и этап рефлексии – могут быть соотнесены с мотивационным (прагматическим) уровнем развития вторичной языковой личности и исполнительной, реализующей фазой речевой деятельности. Этот этап работы решает задачи по синтезу навыков межкультурной компетенции. Важно помнить, что презентационный этап имеет косвенное отношение к сфере ролевых игр, моделируя ситуацию межкультурной коммуникации, что делает его действенным инструментом, развивающим иллокутивную [7] и стратегическую компетенции. Одной из важнейших задач на данной стадии является студенческое обсуждение представленного продукта и последующая рефлексия. Обсуждение способствует созданию новой картины мира, структурирует совершённые действия и является существенным фактором деятельностного типа обучения, одновременно предъявляя высокие требования к коммуникативному поведению преподавателя, целью которого в этом случае является моделирование ситуации, приближенной к тем, которые могут ожидать в будущем молодого журналиста в иноязычной среде.

Федеральный Государственный Образовательный Стандарт Высшего Профессионального Образования по направлению подготовки «Журналистика» отмечает проектно-аналитическую деятельность в числе основных видов деятельности, к которым готовится студент-журналист [10]. Учитывая сказанное выше, мы видим, что работа над англоязычными студенческими медиапроектами находится в полном соответствии и с нашими задачами, поскольку это отвечает целям обучения будущего журналиста, включающим развитие коммуникативной компетентности студентов и создание и развитие их вторичной языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко, А. С. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов в условиях применения новых информационных технологий обучения / А. С. Андриенко // Журнал «Известия Южного федерального университета. Технические науки». – 2009. – Выпуск № 4, том 93.
2. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
3. Зимняя, И. А. Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
5. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей педагогической психологии / А. А. Леонтьев. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2003. – 536 с.
6. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие / Е.С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева и др.; под ред. Е. С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 1999–2005.
7. Потемкина, Е. В. К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности / Е. В. Потемкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 2, том 1.
8. Птицына, И. Ф. К вопросу о формировании вторичной языковой личности (на материале обучения японскому языку и культуре) / И. Ф. Птицына // Современные проблемы науки и образования. – 2007. – № 3. – С. 59–63.
9. Халеева, И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / И. И. Халеева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: РАН ИРЯ, 1995. – С. 7–286.
10. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт Высшего Профессионального Образования (по направлению подготовки 031300 «Журналистика») – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm775-1.pdf.

Материал поступил в редакцию 27.06.16.

**PROJECT ACTIVITY AS ONE OF THE METHODS OF DEVELOPING
SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY AND COMMUNICATIVE COMPETENCE
OF STUDENTS (BASED ON TEACHING ENGLISH AT THE MSU FACULTY OF JOURNALISM)**

O.A. Rudenok, Senior Teacher
M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia

***Abstract.** In this article the author addresses the idea of project-based learning in the process of students' foreign-language communicative competence development followed by secondary linguistic personality formation, which is one of the key elements of the teaching process for students of journalism, who are actively engaged not only in reading and listening to foreign-language media information, but also in selecting, systematizing and analyzing it with regard to the mentality of people associated with the language being learnt, and in so doing get extensively involved in intercultural communication.*

***Keywords:** communicative competence, secondary linguistic personality.*

Literary Studies
Литературоведение

УДК 882

**СИСТЕМА ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»**

А.В. Алиев, магистрант

Дагестанский государственный университет (Махачкала), Россия

***Аннотация.** В этой статье мы исследуем образы второстепенных персонажей. К ним относятся: Афанасий Иванович Тоцкий, два генеральских семейства – Епанчиных и Иволгиных, группа молодых позитивистов, в которую входят боксер Келлер, Докторенко, Антип Бурдовский и Ипполит Терентьев. Эти герои являются носителями авторских идей, в их уста писатель вложил те мысли, которые хотел донести до читателя. Посредством этих героев Достоевский поднял актуальные темы и проблемы времени, в котором он жил. Но как сейчас эти проблемы не потеряли своей актуальности, так и изучение этих образов не перестало быть значимым, интересным, многогранным для исследования.*

***Ключевые слова:** князь Мышкин, второстепенные персонажи, группа «современных позитивистов», трагикомические персонажи, «случайное семейство», генеральские семейства.*

Полемика Достоевского с революционной мыслью 60-х годов нашла отражение не только в образе Мышкина. Полемика эта заставила Достоевского ввести в состав героев романа «Идиот» общество молодых людей, охарактеризованных им в одном из своих писем как «современных позитивистов из самой крайней молодежи» [3, с. 253].

В это общество молодых позитивистов входят бывший поручик – боксер Келлер, Антип Бурдовский (мнимый сын Палищева), племянник Лебедева – Докторенко, а также Ипполит Терентьев. Нигилистические взгляды шестидесятников, отрицающие религию, которая, по мнению Достоевского, является единственной нерушимой основой морали и нравственности, привели к практике вседозволенности и взаимопоедания.

Одним из серьезных теоретиков и критиков молодых позитивистов является Докторенко. Это двадцатилетний молодой человек, умный, волевой, достаточно образованный, но весьма самоуверенный, ограниченный и черствый. Он не верит в добро без корысти, в Бога, не признает сложностей и противоположностей в характере человека, смеется над чувствами, верит лишь в разумный эгоизм и право силы. Боксер Келлер, отставной поручик, фигурирует в произведении то как участник пьяной и разгульной «фрогужинской компании», то как заступник и искренний друг молодежи. Он не лишен благородных порывов, но они чрезвычайно редки и быстропроходящи. Келлер легко доходит до крайнего цинизма. Он необразованный и давно спившийся беспринципный человек. Не кто иной, как он, оказывается автором возмутительной клеветнической статьи о князе. Не случайно, что даже друзья Келлера сконфужены и спешат от нее отступить. Но следует сказать, что Достоевский в характере Келлера, и особенно Бурдовского, отмечает доброту, отзывчивость, способность на искреннюю предрасположенность к князю и даже стыдливость [2].

Ипполит, четвертый из группы «современных позитивистов», – персонаж совсем не комический. Он главный идейный противник Мышкина. Он единственный из действующих лиц романа, кроме самого князя, кто приносит на страницы романа законченную и цельную философско-этическую систему взглядов. Достоевский относится к ней с достаточной серьезностью, он не принимает её и старается опровергнуть. Более того, Достоевский стремится показать, что неприемлемые для него убеждения Ипполита не являются каким-то случайным вывихом мысли одного человека или даже целого разряда молодежи, а представляют объективно закономерную, хотя и требующую преодоления, ступень духовного развития личности. Из размышлений Мышкина выясняется, что он в жизни пережил такой же момент, как и Ипполит.

Но для князя выводы Ипполита оказались лишь переходным моментом на пути развития к другому, более высокому (с точки зрения Достоевского) этапу духовного развития. Сам же Ипполит задержался на ступени мышления, которая, трагически обостряя все проклятые вопросы жизни, не дает на них ответа. В этом и состоит, по Достоевскому, трагедия Ипполита [3, с. 255].

Достоевский так же, как и Шекспир, вводил в свои произведения образы гримасничающих трагикомических героев, своего рода современных шутов и буффионов. В их речах горькая правда о себе и окружающем мире скрыта под оболочкой добровольного, нередко вымученного шутовства и паясничества.

В романе к категории добровольных шутов относятся генерал Иволгин и чиновник Лебедев. Через их комические и нелепые речи читатель слышит страдание, отзвуки перенесенных унижений, сообщивших им своеобразную ироническую мудрость. Толкование Лебедевым Апокалипсиса является одной из центральных сцен в романе. Здесь Достоевский возлагает на Лебедева роль иронического судьи окружающего его общества. Называя XIX век «веком пороков и железных дорог», Лебедев заявляет, что причиной страданий человека этой

эпохи является утрата той объединяющей мысли и тех нравственных связей, которые соединяли людей в прежнее, более грубые и примитивные времена. В результате в современном промышленном обществе достигло своего предела нравственное разобщение людей, «помутились источники» живой жизни [1].

Тема «случайного семейства» – одна из основных тем всего творчества Достоевского – занимает важнейшее место и в романе «Идиот». Достоевский рисует в «Идиоте» несколько вариантов «случайных семейств». Такова семья спившегося, отставленного и потерявшего «благообразие» генерала Иволгина, такова семья и мелкого чиновника, ходатая по разным темным делам Лебедева, вдовы-ростовщицы капитанши Терентьевой. Всё это семьи, в которых, в отличие от семьи Епанчиных, разброд и нравственное одичание не скрыты от глаз внешнего наблюдателя «красивыми» формами, а откровенно выступают наружу во всем своем «безобразии».

Показанные в «Идиоте» два генеральских семейства – Иволгиных и Епанчиных – не случайно занимают в нем столь важную роль. Изображая жизнь и психологию этих генеральских семейств, которые стоят на различных ступенях социальной лестницы и образуют между собой яркий контраст, Достоевский показывает те процессы социальной и моральной деградации, роста буржуазного богатства одних и обнищания других, разрушения «благообразия» дворянской семьи, которые находились в центре его внимания как художника и мыслителя.

Образ Афанасия Ивановича Тоцкого – один из самых гневных образов Достоевского, в котором воплощена вся жгучая ненависть писателя к лицемерию и фарисейству «европеизированного» либерального барства. Тоцкий отнюдь не грубый, необразованный помещик-самодур. Напротив, это вылощенный и уточненный, «европейски»-образованный джентльмен, считающий себя стоящим на уровне наивысших достижений современной цивилизации, большой знаток французских романов, изящный рассказчик и человек с изысканным «гастрономическим» вкусом. Тоцкий считает себя абсолютно «порядочным человеком», едва ли не идеалом джентльмена. Да и знакомые Тоцкого смотрят на него так же – в своем кругу он считается выгодным женихом, и генерал Епанчин полагает за честь брак между Тоцким и одной из своих дочерей [3, с. 226].

Несмотря на то, что Вера Лебедева, несомненно, является героиней второго плана, ее роль в идейном отношении оказывается чрезвычайно важна. Во всех сценах, где присутствует Вера, на несчастных героев, мятущихся во мраке лжи, «проливается свет». Подлинное, а не мнимое, как в случае с Аглаей, сияние исходит от ее улыбки, от ее добрых глаз и теплого человеческого сострадания. Невинность и чистота этой девушки располагают к ней всех, кто ее узнает. Сразу после первой встречи к ней становится особенно расположена Лизавета Прокофьевна; ей вверяет свою судьбу Ипполит – читать или не читать «Исповедь»; она пользуется доверием сестер Епанчиных, наконец, именно Вера с отцом пытаются удержать Ипполита от самоубийства, а затем она ухаживает, сначала за ним, а потом за больным князем и особенно сильно последнему сострадает.

Герои романа, соприкоснувшись с князем Мышкиным, обнаружили высокие качества, некогда присутствовавшие в них, но оказавшиеся загубленными жизнью. В глубине души окружающих его людей он видит своим взглядом ясновидящего нравственную борьбу между злом и добром, знакомую ему по его собственному опыту. Князь пытается подавить тайные эгоистические страсти в душе других героев. Он пытается способствовать победе светлых чувств и побуждений. Мышкин хочет внести «связующую мысль», ему это не удаётся, он достигает обратного эффекта. Желая примирить, он разъединяет всех своим посредничеством и ещё больше ссорит. Своим появлением герой усиливает борьбу между добром и злом, происходящую в душах людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков, П. В. Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – М., 1960. – С. 315.
2. Мегаева, К. И. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой (романы 60–70-х годов): Учебное пособие по спецкурсу / К. И. Мегаева. – Махачкала, 2002.
3. Фридендер, Г. М. Реализм Достоевского / Г. М. Фридендер. – Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) – М.–Л.: Наука, 1964 – 404 с.

Материал поступил в редакцию 24.06.16.

THE SYSTEM OF MINOR CHARACTERS IN THE NOVEL “THE IDIOT” BY F.M. DOSTOYEVSKY

A.V. Aliev, Candidate for a Master’s Degree
Dagestan State University (Makhachkala), Russia

Abstract. In this article we perform a minor character study. It includes Afanasy Ivanovich Totsky, two general’s families – the Yepanchins and the Ivolgins – and the group of “youthful positivists” consisting of Keller, “the boxer”, Doktorenko, Antip Burdovsky and Ippolit Terentyev. These characters carry the author’s ideas, and it is them in whose mouths the writer placed the message that he wanted to get over to his readers. Through these characters Dostoyevsky raised the most challenging topics and questions of the times he lived in. But just as many of them remain live issues today, so those characters retained their significance and attractiveness as a target of a multi-faceted research.

Keywords: Prince Myshkin, minor character, group of “contemporary youthful positivists”, tragicomic characters, “accidental family”, general’s families.

УДК 82.09.133.1.0

МОТИВ ПАМЯТИ В РОМАНЕ П. МОДИАНО «НОЧНАЯ ТРАВА»

Н.А. Литвиненко, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежных литератур
Московский государственный областной педагогический университет, Россия

Аннотация. В статье анализируются особенности трактовки центрального мотива в романе «Ночная трава» П. Модиано.

Ключевые слова: Модиано, память, постмодернизм, фантастическое, вымышленное, автобиографическое.

Творчество П. Модиано, лауреата многих литературных премий, в том числе Большой Французской академии (1975), Гонкуровской (1978), наконец, Нобелевской (2014), – предмет серьезного внимания французских и англоязычных литературоведов [6], исследующих место писателя в современной литературе, трактовку центральной темы и проблемы его романов – памяти, специфику интертекстуальности, биографизма и автобиографизма, соотношения «фактов» и вымысла... «Modiano's approach to autobiography is famously oblique, through his game-playing with his readers, his repetition-with-difference of fictionalized elements pertaining to his life, and what appears sometimes as ludic coyness and sometimes as an emotional block about speaking in a directly autobiographical mode», – пишет современный литературовед [6] [См.: 2, 3]. Все обозначенные здесь особенности нашли своеобразное воплощение в одном из последних романов писателя – «Ночная трава» («L'Herbe des nuits»). Gallimard, 2012) [5].

Тема памяти – одна из вечных, к ней литература обращается в стремлении восстановить распавшуюся связь времен, в поисках личностной, коллективной и исторической идентификации. Интерес к ней Модиано не раз связывал с датой своего рождения (1945), с опытом поколения, пережившего трагедию второй мировой войны, оккупации, истребляемых народов, исчезнувших городов, – военного и послевоенного периода жизни Франции. «Все его книги, – пишет Э. Н. Шевякова, – жажда постижения прошлого, себя в этом прошлом, это приглашение к путешествию во времени, в воображении, в головокружительном потоке возможных вариантов судеб, историй, спонтанных воспоминаний, родственных отношений. «Заблудившаяся» эпоха ищет себя в произведениях П. Модиано, чтобы понять свое настоящее» [3, с. 348].

Наверно, никто из современников писателя не владеет «искусством памяти» в таком масштабе и своеобразии, как Модиано. В Нобелевской речи он подчеркнул отличие своего подхода к проблеме поисков утраченного времени, от того, который сложился во времена М. Пруста. Писатель считает, что эти поиски уже нельзя осуществить с такой силой и отчетливостью. «Общество, которое описывал Пруст, – XIX века, было еще стабильным (stable). Память Марселя Пруста заставляет прошлое вновь возникнуть в малейших деталях, как живую картину. Мне кажется, что сегодня память гораздо менее уверена в себе, она должна постоянно бороться против амнезии и забвения. Массив забвения охватывает все, поэтому возможно ухватить только фрагменты прошлого, прерывистые следы, судьбы, исчезающие и почти неуловимые». Свое призвание романист видит в том, чтобы заставить появиться на белой странице забвения «несколько полустертых слов». Модиано сравнивает их с айсбергами, которые дрейфуют на поверхности океана [7].

Действительно, общество, в котором жил и которое описывал М. Пруст, было устойчивым, стабильным, и память писателя претендовала на достоверность, могла с точностью фиксировать его особенности и детали. Для писателя второй половины XX – начала XXI вв. все стало другим. Изменился философский и художественный контекст времени, само представление о времени; окружающий писателя мир приобрел новую динамику, сформировался новый художественный опыт осмысления погруженного в «фантомность» [3, с. 348–362] «я» [4], изображения сознательного и бессознательного, сформировалось новое понимание семиотической специфики слова, интертекстуальности как феномена культуры. И память, как художественный феномен, становится «неустрашимой субъективностью» эстетического опыта – или новым фантомом, симулякром... Концепция человека в постмодернизме не отменила, но трансформировала подход к решению вечных проблем. В условиях нового времени оказались востребованными новые художественно-образительные и художественно-познавательные стратегии [7].

П. Рикер, давая определение онтологической герменевтики, написал: «Под слоем памяти и истории обнаруживается мир забвения, мир, в котором вопреки ему самому существуют две возможности: либо окончательного стирания следов, либо их сохранения, обеспечиваемого средствами анамнесиса» [1, с. 15]. Философ разграничивает воображение и память. Первое, по мысли П. Рикера, нацелено на «фантастическое, вымышленное, ирреальное, возможное, утопическое»; второе – «на предшествующую реальность, на предшествование, образующее главную временную отметку вспомненной вещи, «вспомненного» как такового» [1, с. 23]. Очевидно, что художественное познание – в эпоху постмодернизма – выстраивает, синтезирует, обыгрывает, включает в лабиринт поисков, переплетая и те, и другие смыслы.

Для Модiano – по технике видения и письма, по эстетической установке – кажется гораздо значимее второе – «вспомненные» вещи и события, но к «чистоте» эксперимента он не стремится, это тоже одна из иллюзий сознания познающего субъекта. Романист исходит из постмодернистской концепции следа, специфика которого определяет и процесс, и результаты художественного познания, где «как таковое» становится субъективным, по существу воображаемым слепком исчезнувшей или исчезающей или воображаемой реальности.

Создатель одной из разновидностей психологического романа, вновь и вновь разрабатывающий эту тему, писатель выработал особые приемы изображения, умение передавать в тексте и подтексте «расследовательскую» деятельность сознания, направленную на постижение, реконструкцию прошлого, заведомо неполную, но чрезвычайно – жизненно важную для читателя и героя. По внешним признакам расследование порой напоминает психологический детектив, в котором интерес связан с персонажем, слегка, но постепенно все отчетливее окрашенным оттенком неприкаянности, аутсайдерства, криминальности.

За этой работой памяти стоит процесс новой не только «надличностной», но и личностной идентификации персонажа-повествователя, чреватый потерями и обретениями. Прошлое, которое не отпускает, притягивает, удерживает – как тайна, как прожитое и пережитое, опасное, неразгаданное приключение, переплетается с настоящим, скрываемым от себя нежеланием – или желанием встретить ту, которая исчезла и осталась единственным и самым ярким воспоминанием. Если бы было иначе, рассказ о Данни вписывался бы в иной контекст, хотя бы условно намеченных, как в «Горизонте» (2010), фактов и впечатлений повествователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рикёр, П. Память, история, забвение. Пер. с франц. / П. Рикёр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века).
2. Трофимова, Ю. С. Особенности художественной целостности тотального романа П. Модiano: Диссертация на соискание уч. степени канд. фил. наук / Ю. С. Трофимова. – М., 2004.
3. Шевякова, Э. Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы / Э. Н. Шевякова. – М., 2009.
4. Ильин, А. Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма / А. Н. Ильин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Plyin_Subject/.
5. Europe n°1038 octobre 2015: "Patrick Modiano" 30 sept. 2015. Maxime Decout: Les intermittences du monde selon Patrick Modiano. Pierre Favre: Tel un témoin non attendu [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fabula.org/actualites/europe-n-1038-octobre-2015-patrick-modiano_70397.php.
6. La Porte de l'ombre. Regards sur l'œuvre de Patrick Modiano (Acta ... 7 mai 2008 ... La critique universitaire, surtout en France, montre toujours une certaine pudeur face aux auteurs contemporains, aux romanciers en particulier ... [Электронный ресурс]. – URL: www.fabula.org/acta/document4129.php.
7. P. Modiano, Discours de réception du Prix Nobel (7/12/14): 8 déc. 2014 ... Patrick Modiano. Discours de réception du Prix Nobel de Littérature, à Stockholm, 7 décembre 2014. «Je voudrais vous dire tout simplement ...» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fabula.org/actualites/p-modiano-discours-de-reception-du-prix-nobel-7-12-14_66054.php.

Материал поступил в редакцию 14.06.16.

THE MOTIF OF MEMORY IN THE NOVEL “L’HERBE DES NUITS” BY P. MODIANO

N.A. Litvinenko, Doctor of Philological Sciences, Professor of World Literature Department
Moscow Region State Pedagogical University, Russia

Abstract. *The article analyses the peculiarities of the interpretation of the central motif – the motif of memory in P. Modiano’s novel “L’Herbe des nuits”.*

Keywords: *Modiano, memory, post-modernism, the fantastic, the fictional, the autobiographical.*

УДК 82.09.133.1.0

«ОТВЕРЖЕННЫЕ» В. ГЮГО И «ВОЙНА И МИР» Л. ТОЛСТОГО: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОЗИЦИИ В РОМАНАХ-ЭПОПЕЯХ

К.Р. Шарафутдинова, аспирант

Московский государственный областной педагогический университет, Россия

Аннотация. В статье проанализированы некоторые особенности экспозиции реалистической и романтической поэтики каждого из произведений.

Ключевые слова: семейная проблематика, деталь, символ, экспозиция, романтизм, реализм, роман-эпопея.

Близость «Отверженных» (“Les Misérables”, 1862) гуманистическому и социально-обличительному духу русской литературы отмечали уже французские современники Гюго. Толстой высоко оценил роман Гюго, считал его лучшим романом XIX века. Социально-исторический пафос романа Гюго привлек внимание многих исследователей [4, 7, 8].

Наша цель – исследовать некоторые особенности экспозиции реалистической и романтической поэтики каждого из произведений. «Отверженных» и «Войну и мир» разделяет 7 лет. Сходство и различие повествовательных стратегий романистов находят проявление в экспозиции к романам, в специфике используемых писателями в этом компоненте жанровой структуры художественных деталей. В рамках статьи мы выскажем отдельные наблюдения.

Романтический роман Гюго построен по принципу сменяющих друг друга картин, относительно самостоятельных частей. Первая часть «Отверженных», подобно первым главам в романе «Война и мир», выполняет функцию экспозиции к произведению в целом.

Автор начинает роман с главы «Праведник», в которой описывается история жизни епископа Мириэля. С этим персонажем связана важнейшая этическая доминанта романа – идея милосердия. Писатель датирует начало действия романа 1815 г., а предысторию героя начинает с 1806.

Гюго-романтик отбирает детали и факты, имеющие оценочную семантику. Писатель акцентирует внимание читателей на деталях-поступках своего героя, связывая судьбу Мириэля с событиями революции: «Мириэль не имел состояния», «его семья была разорена во время революции», «епископ занял больничный домик», «он в тот же день, раз и навсегда, распределил эту сумму следующим образом...». Эти детали-поступки задают вектор дальнейшего развития сюжета: «На следующий день все двадцать шесть больших бедняков были переведены в епископский дворец, а епископ занял больничный домик. Мириэль не имел состояния, его семья была разорена во время революции... Как епископ, Мириэль получал от государства содержание в пятнадцать тысяч ливров. Перебравшись в больницу, он в тот же день, раз и навсегда, распределил эту сумму следующим образом...» [2, с. 11].

Перечисляемые факты выполняют в сюжете функцию деталей, они информативны, не «развернуты», перечислены лаконично. Важной становится не мотивировка поступков, а реакция персонажа: конкретные факты резко, почти мгновенно переключаются в «результат» – поступок героя, подытоживающий предшествующую информацию – и формируют нравственную оценку персонажа, а в контексте целого – идею эгалитаризма.

Детали в первой части романа выполняют не только описательную функцию. В этой связи особенно важна сцена встречи епископа Мириэля с членом Конвента. Она расширяет семантические границы экспозиционных глав, затрагивает актуальные проблемы революционной и послереволюционной эпохи: смертной казни, права на насилие, на революцию: «Что касается Людовика Шестнадцатого, – то я сказал: «Нет». Я не считаю себя вправе убивать человека, но чувствую себя обязанным искоренять зло. Я голосовал за уничтожение тирана, то есть за уничтожение продажности женщины, рабства мужчины, невежества ребенка. Голосуя за Республику, я голосовал за все это. Я голосовал за братство, за мир, за утреннюю зарю! Я помогал искоренять предрассудки и заблуждения...» [2, с. 44]. Уже не детали, а слова-символы определяют риторический эффект произнесенных членом Конвента слов.

По-другому выстраивает начало экспозиции Толстой в романе-эпопее «Война и мир». Он начинает не с утверждения идеи, а с прорисовывания целого комплекса, совокупности исторических и психологических противоречий, характеризующих русское общество середины 1800-х гг. Они введены в речи персонажа Анны Павловны Шерер и точно датированы июлем 1805 года. “Eh bien, mon prince. Gènes et Lucques ne sont plus que des arapages, des pomestья, de la famille Buonaparte. Non, je vous prévient que si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j’y crois) – je ne vous connais plus, vous n’êtes plus mon ami, vous n’êtes plus мой верный раб, comme vous dites...” [6, с. 35–36].

Французский язык, сама речевая стилистика Анны Павловны Шерер, фрейлины и приближенной императрицы Марии Феодоровны, подчеркивают социальный статус персонажей, создают исторический колорит

повествования. Детали акцентируют внимание читателей на отношении к государю, России и Наполеону и формируют логику последующего монолога: «Россия одна должна быть спасительницей Европы. Наш благодетель знает свое высокое призвание и будет верен ему. Вот одно, во что я верю. Нашему доброму и чудному государю предостой величайшая роль в мире, и он так добродетелен и хорош, что Бог не оставит его, и он исполнит свое призвание задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея» [6, с. 37].

Интонация светской речи, повторение общепринятых в этой среде суждений сочетаются с акцентированной контрастно трактуемых исторических тем и мотивов. Уже в самом начале Толстой вводит антитезу: Россия – и гидра революции, Европа, наш благодетель, добрый и чудный государь – и убийца, злодей, антихрист. Оценочные элементы выстраивают доминантные мотивы, которые пройдут через все произведение Толстого. Автор тоже вводит нравственно-этическую проблему, но она гораздо сложнее, чем у Гюго, переплетается с историей, социальной спецификой персонажей, нравственным и безнравственным в истории.

Уже в экспозиции для Толстого важно создать отчетливый психологический контур своих персонажей. Лицом, организующим пространство салона, становится Анна Павловна Шерер. Характеризуя ее, писатель не скрывает своего отношения к ней. «Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Анны Павловны, хотя и не шла к ее отжившим чертам, выражала, как у избалованных детей, постоянное сознание своего милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным избавляться» [6, с. 37]. Деталь, связанная с энтузиазмом как определяющим тип поведения героини, явно иронична. На рубеже XVIII – XIX веков эта деталь соответствует реалиям формирующегося в европейских странах романтизма. Толстой сочетает ее с «отжившими чертами», «избалованными детьми», называет «милым недостатком», как бы смягчая иронию, и это усложняет характеристику персонажа, углубляет одну из центральных метафор-деталей в сцене салона – «шумящего веретена».

Как и Толстого, французского романиста интересует проблема добра и зла: «Богатый трактирщик закрыл перед ним (Жаном Вальжаном) свои двери; теперь он искал какой-нибудь скромный кабачок, какую-нибудь убогую лачугу» [2, с. 69]; «Он попал в собачью конуру. Он и сам был силен и страшен; вооружившись палкой и превратив свой ранец в щит, он кое-как выбрался из землянки, причем прорехи в его рубище сделались еще шире» [2, с. 73]. Гюго, в отличие от Толстого, делает центральным сюжетным героем представителя социальных низов. Детали: «закрыл перед ним свои двери», «исксал какой-нибудь скромный кабачок, какую-нибудь убогую лачугу», «попал в собачью конуру» – подчиняются закону градации, подчеркивая бесправие и униженное положение героя.

Описывая встречу епископа и Жана Вальжана, автор акцентирует внимание на поступке епископа и чувствах каторжника: «Всякий раз, как он (епископ) произносил слово сударь ласковым, серьезным и таким дружелюбным тоном, лицо пришельца озарялось радостью. «Сударь» для каторжника – это все равно, что стакан воды для человека, умирающего от жажды» [2, с. 82]. Писатель показывает, как доброе отношение пробуждает добрые чувства в герое: ласковый, серьезный, доброжелательный тон вызывает радость.

Важным в экспозиционных главах становится то, что Гюго описывает мораль неимущего, отверженного обществом, нравственно падшего персонажа: «... первое, что он (Жан Вальжан) увидел, была корзинка с серебром; он взял ее, прошел большими шагами... и, с ловкостью тигра перепрыгнув через забор, скрылся» [2, с. 108]. Тем разительнее будет воспроизведенный писателем эффект: Гюго важно изобразить потрясение, которое испытывает Жан Вальжан, «тигр», вор, приведенный в следующей сцене в дом священника жандармами: «Жан Вальжан, стоявший с угрюмым и подавленным видом, в изумлении поднял голову» [2, с. 109]. Гюго соотносит слова епископа и реакцию персонажа. «– Ах, это вы! – воскликнул он (епископ), обращаясь к Жану Вальжану. – Очень рад вас видеть. Но послушайте, ведь я вам отдал и подсвечники. Они тоже серебряные, как и все остальное, и вы вполне можете получить за них франков двести» [2, с. 110].

Как отмечали исследователи, подсвечники становятся деталью, перерастающей в образ-символ [1, 3, 7]. Е. Добин, как известно, исследовал биографический материал, легший в основу образа Мириэля. Критик отметил, что при всей точности рисунка образа в реальной жизни сцены с кражей серебра не было. Гюго придумал ее [3, с. 13]. Эта сцена служит кульминацией в первой части романа, являющейся своеобразной экспозицией к произведению в целом.

Повествование об униженных и отверженных в романе французского писателя разворачивается на фоне исторических событий. При этом детали выполняют роль сюжетных компонентов, выстраивающих развитие интриги, порой мотивов, подчеркивая социальную проблематику романа, создавая, формируя психологический подтекст. Уже в экспозиции просматривается центральный конфликт в романе: насилие или милосердие способны преобразовать общество.

Бедности, смиренности и христианской добродетели Мириэля, переданной в лаконично и эффектно описанных сценах, деталях, в романе Толстого «соответствует» по-другому прорисовываемый пласт намеченных уже в экспозиции семейных проблем, занимающих в романе-эпопее центральное место: «– Я часто думаю, – продолжала Анна Павловна после минутного молчания, подвигаясь к князю и ласково улыбаясь ему, как будто выказывая этим, что политические и светские разговоры кончены и теперь начинается задушевный, – я часто думаю, как иногда несправедливо распределяется счастье жизни. За что вам судьба дала таких двух славных детей..., – таких прелестных детей? А вы, право, менее всех цените их и потому их не стоите» [6, с. 39].

Автор обращает внимание на то, что речь приближенной императрицы строится на деталях-контрастах: «славных детей», «менее всех цените их и потому их не стоите». Толстой, как и Гюго, использует прием контраста, только этот контраст мнимый, не между различными слоями общества, а внутри него.

Формируя в экспозиции вектор нравственной проблематики романа, писатель уже в следующем предложении подчеркивает неестественность отношений между отцом и детьми:

«— Que voulez-vous? Lafater aurait dit que je n'ai pas la bosse de la paterienité, — сказал князь.

— Что делать? Лафатер сказал бы, что у меня нет шишки родительской любви» [6, с. 39].

В экспозиции органично возникает имя княжны Болконской, предполагаемого – возможного сватовства. Толстой расставляет акценты, использует для этого слова-детали: «petite personne, которая очень несчастлива с отцом, une parente à nous, une princesse Болконская». Писатель выстраивает сюжетные коллизии, намечает проблемы, знакомит с будущими героями романа.

Семантические границы повествования уже в экспозиции чрезвычайно широки, в репликах, деталях, не получая разрешения, звучат мотивы, которые пройдут через все произведение писателя. Здесь появляются главные герои – Андрей Болконский и Пьер Безухов. Как и Гюго, Толстой вводит оценочный компонент, позволяющий почувствовать позицию повествователя. Центром, стягивающим историческую и личностную проблематику произведения, становится фигура Наполеона.

В романе Гюго детали социально обусловлены, в романе Толстого психологические детали позволяют осмыслить повествовательную стратегию Толстого, формируют читательское восприятие персонажей и семейной жизни героев:

«— Твой доктор велит тебе раньше ложиться, — сказал князь Андрей. — Ты бы шла спать.

Княгиня ничего не сказала, и вдруг короткая с усиками губка задрожала; князь Андрей, встав и пожав плечами, прошел по комнате» [6, с. 65].

Портретная деталь, как отмечали исследователи [5], говорит об отношении князя Андрея к своей жене. Толстой на ее основе создает психологический подтекст. Портретных деталей в экспозиции романа-эпопеи много: «...раскрасневшаяся Соня, сквозь слезы что-то злобно шепчущая» [6, с. 85], кукла [6, с. 86], поцелуй Наташи [6, с. 86], «заплаканные прекрасные глаза» княжны Марьи [6, с. 170], образок [6, с. 165], который она дарит князю Андрею, граф Безухов, «с седою гривой волос, напоминавших льва, над широким лбом и с теми же характерно-благородными крупными морщинами на красивом красно-желтом лице» [6, с. 130].

Толстой по-иному, чем Гюго, использует прием контраста. В экспозиции, изображающей жизнь Ростовых, Толстой, создает атмосферу, далекую от чопорности, лицемерия, холодности, условностей. Это атмосфера естественности и любви как выражения ценностей семейной жизни: «— Ну, поди, поди с своим уродом! — сказала мать, притворно сердито отталкивая дочь. — Это моя меньшая, — обратилась она к гостье» [6, с. 80]. Описательные детали подчеркивают любовь графини и гордость за меньшую дочь, представленную гостье.

Расширяя экспозиционное пространство романа, Толстой противопоставляет Ростовым и Болконским семейство Безуховых, сцены приближающейся смерти графа, сосредоточивая внимание на поведении тех, кто окружал его: «— Как ты не понимаешь, наконец, Катишь! Ты так умна, как ты не понимаешь: ежели граф написал письмо государю, в котором просит его признать сына законным, — стало быть, Пьер уж будет не Пьер, а граф Безухов, и тогда он по завещанию получит все. И ежели завещание с письмом не уничтожены, то тебе, кроме утешения, что ты была добродетельна..., ...ничего не останется» [6, с. 122].

Описательные детали: «...тогда он по завещанию получит все, ...тебе, кроме утешения, ничего не останется» — формируют не только портрет героев, но и семантику главы, описывающей смерть Безухова. Ключевым словом, выполняющим важнейшую функцию в романе, становится дилемма законный-незаконный, от решения которой зависит будущее не только Пьера.

В заключительной части главы детали яснее подчеркивают позицию писателя, обличающего порочность семьи Безуховых.

Толстой создает сложное сюжетное целое, в котором семейная экспозиция разворачивается в уже отчетливо проступающем фоне исторических событий. Каждая глава становится экспозицией, обладает своей собственной экспозицией, оказывая влияние на развитие сюжета не только определенной главы, части, но и романа-эпопеи в целом.

Особенность экспозиции в первой части романа-эпопеи Толстого связана со стремлением писателя изобразить в первую очередь не социальную, историческую, а семейную проблематику, показать счастье и несчастье каждой семьи, предопределенное человеческими взаимоотношениями, присущими данному обществу, в данный исторический период.

Портретная деталь особенно важна у Толстого, она позволяет читателю не выносить «окончательных» суждений о персонажах, их поведении и облике, но отчетливо намечает в тексте и подтексте доминантные черты, характеризующие героев. Этим чертам еще предстоит глубоко и полно «раскрыться» в сложном пространстве художественного целого.

У Толстого семейно-общественная экспозиция предшествует исторической (2 часть), но в глубине содержит ее проблемные узлы.

У Гюго исторический аспект существует как будто самостоятельно, он мотивирует логику поведения персонажей, но без исследования процессов ее воздействия на психологию персонажей. Центральная проблемная коллизия сосредоточена на социальных, символически заостренных аспектах послереволюционной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брахман, С. Виктор Гюго / С. Брахман // Писатели Франции. – М., 1964.
2. Гюго, В. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 2 / В. Гюго. – Тула, 1993.
3. Добин, Е. С. История девяти сюжетов / Е. С. Добин. – СПб., 2007. – С. 13.
4. Некора, Л. С. Социальный роман Виктора Гюго / Л. С. Некора. – М.-Л., 1932.
5. Сливичкая, О. В. «Война и мир» Л.Н. Толстого. Проблемы человеческого общения / О. В. Сливичкая. – Л., 1988.
6. Толстой, Л. Н. Собр. соч. в 4-х томах. Т. I / Л. Н. Толстой. – Вступит. Ст. и коммент. Л. Опульской; А. В. Николаева. – М., 1986. – 413 с.
7. Евнина, Е. М. Виктор Гюго после революции 1848 / Е. М. Евнина // История французской литературы. – М., 1956. – С. 684. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/evnina-o-tvorchestve-gyugo.htm> (дата обращения: 01.10.2015).
8. Толмачов, М. О романе В. Гюго «Отверженные» / М. Толмачов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/tolmachev-gyugo-otverzhennye.htm>.

Материал поступил в редакцию 21.06.16.

**“LES MISERABLES” BY V. HUGO AND “WAR AND PEACE” BY L. TOLSTOY:
SOME FEATURES OF EXPOSITION IN EPIC NOVELS**

K.R. Sharafutdinova, Postgraduate Student
Moscow Region State Pedagogical University, Russia

Abstract. In this article some features of the narrative exposition of realistic and romantic poetics in each of the works are analyzed.

Keywords: family perspective, detail, symbolism, exposition, romanticism, realism, epic novel.

УДК 82-95

**«СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ»: О КНИГЕ ЛИНЫ КЕРТМАН «ДУША,
РОДИВШАЯСЯ ГДЕ-ТО: МАРИНА ЦВЕТАЕВА И КРИСТИН, ДОЧЬ ЛАВРАНСА»***

И.А. Юдина, преподаватель культурологии
Частная школа-студия (Омск), Россия

***Аннотация.** Книга «Душа, родившаяся где-то: Марина Цветаева и Кристин, дочь Лавранса» – первая в ряду крупных литературоведческих монографий специалиста, занимающегося жизнью и творчеством Марины Цветаевой и ее окружения, Лины Львовны Кертман. Впервые эта книга увидела свет в далеком уже 2000-ом году. Выпущенная издательством «Возвращение» тиражом в 1000 экземпляров, она моментально стала библиографической редкостью. В 2016 году в том же издательстве «Возвращение» вышло переиздание книги.*

***Ключевые слова:** монография, норвежская литература, биография, письма, переиздание.*

Семейная сага «Кристин, дочь Лавранса» была написана Сигрид Унсет в 20-е гг. XX века. В 1928 году с формулировкой «за запоминающееся описание скандинавского средневековья» она принесла писательнице Нобелевскую премию по литературе. Все, кто погружен в жизнь и творчество Марины Цветаевой, знают, что значила для нее эта трилогия Сигрид Унсет.

Из писем Цветаевой своей чешской корреспондентке Анне Тесковой (в цитируемых письмах сохранены орфография и пунктуация Марины Цветаевой – И.Ю.):

«Замечательная книга. Норвежский эпос. Трилогия. <...> Лучшее что написано о женской доле. Перед ней Анна Каренина – эпизод. <...> Когда-нибудь да эту книгу приобрету! После нее долго ничего не хотелось читать» [4, с. 170].

«К Вам бы я приехала домой, в мир Сигрид Унсет и ее героев, не только в их мир и в их век, но в их особую душевную страну такую же достоверную как Норвегия на карте. Я знаю что я оттуда. Я там все узнаю» [4, с. 204].

В 1932 г А. Тескова подарила Цветаевой трилогию Унсет, на что Марина Ивановна немедленно откликнулась: «... огромное счастье, сбывшаяся мечта двух, если не трех лет. Смотрю и не верю (что – моя, что не нужно отдавать). Главная же радость <...> что почти 600 страниц, что на так долго – радости. Так книгам я радовалась только в детстве» [4, с. 209].

В своем прощальном письме А. Тесковой в 1939 г. (Цветаева уезжала в СССР и понимала, что их переписка оборвется) Марина Ивановна писала: «Спасибо за Lawrens-Tochter, увожу, не расстанусь никогда...» [4, сс. 372–373].

Даже из этих кратких упоминаний Мариной Цветаевой трилогии Сигрид Унсет в письмах становится понятно – Цветаева жила в ней и ею.

Лина Кертман – первая (и на сегодняшний день – единственная) из исследователей цветаевского творчества – задала себе и широкому кругу читателей вопрос: в чем же именно состояли те, не бросающиеся в глаза при чтении, отвлеченном от личности Цветаевой, точки притяжения этой исторической трилогии для самой Марины, и попыталась прочитать книгу ее, цветаевскими, глазами. Такой подход к теме не мог не вызвать огромный интерес и у профессиональных литературоведов, и у любителей творчества Марины Цветаевой.

Интерес вызывало и то, что редактором книги «Душа, родившаяся где-то: Марина Цветаева и Кристин, дочь Лавранса» была Софья Николаевна Клепинина – дочь Николая Андреевича и Антонины Николаевны Клепининых, в детстве жившая с родителями на печально знаменитой Болшевской даче, которую Клепинины делили с Эфронами после возвращения обеих семей в СССР. Софья Николаевна хорошо помнила и Марину Ивановну, и Сергея Яковлевича, и Ариадну, дружила с Муром (Георгием Эфроном). Именно благодаря ей и основателю и главе историко-литературного общества «Возвращение» Семену Самуиловичу Виленскому эта – первая из книг Лины Кертман – увидела свет. Сама Лина Львовна в очерке, посвященном С. Н. Клепиной «Счастливое “скрещение судеб”», описывает эту историю так: «На одной из конференций Софья Николаевна познакомила меня с Семёном Самуиловичем – и приложила усилия, чтобы заинтересовать его моей рукописью, и вызвалась редактировать её. <...> Семён Самуилович тоже заинтересовался, и в ответ на моё робкое сомнение – имеет ли тема моей книги <...> какое-нибудь отношение к тематике издательства «Возвращения», связанной в основном с судьбами политических заключённых, – с доброжелательной иронией ответил «вопросом на вопрос»: «А по-Вашему, судьба семьи Марины Цветаевой и Сергея Эфрона не имеет к этой теме никакого отношения?!» И началась работа...» [3, с. 112]. В 2000-ом году монография, посвященная трилогии С. Унсет «Кристин, дочь Лавранса» в жизни Марины Цветаевой, была издана.

Прошло 16 лет, и в том же издательстве «Возвращение» состоялось ее переиздание. Хотелось бы обратить внимание на то, что это именно переиздание той первой книги, над которой как редактор работала С. Н. Клепинина (к сожалению, этот факт никак не упоминается в издании 2016 года). Поэтому всех, кто интересуется вновь изданной книгой Лины Кертман, хочется предупредить: когда книга выходила в свет в 2000-ом году, еще не был открыт архив Марины Цветаевой, мы не знали многих документальных свидетельств жизни семьи Цветаевых-Эфронов, но что, на наш взгляд, особенно ценно и еще раз подчеркивает уникальный исследовательский талант Лины Кертман, многие ее предположения, версии, догадки, высказанные в этой работе

о пересечении в судьбах Марины Цветаевой и героини трилогии Сигрид Унсет, нашли свое подтверждение после открытия архива семьи Цветаевых-Эфронов широкому читателю.

Какие же параллели проводит Лина Кертман между судьбами Марины Цветаевой и Кристин, в чем видят главные причины **такого** присутствия книги С. Унсет в жизни Цветаевой, что, по ее мнению, могла «узнавать» Цветаева в этой трилогии, описывающей скандинавское средневековье, и что ей было особо дорого там? Прочитывая «глазами Цветаевой» страницу за страницей этой многотомной семейной саги, Лина Кертман находит тонкие взаимосвязи и филигранно связывает воедино две женские судьбы – великого поэта XX века Марины Цветаевой и Кристин – героини исторического романа, женщины из норвежского средневековья.

Приведем лишь несколько примеров таких «узнаваний» и пересечений в двух женских судьбах – реальной и вымышленной, на которых акцентировала внимание читателя автор монографии.

Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (мать поэта Максимилиана Волошина) – легендарная Пра, создавшая особый мир Коктебеля, который сыграл в судьбе юной Марины исключительную роль и который с особой тоской и нежностью вспоминала она до конца своей жизни, восторженно воспев вместе с ним и Елену Оттобальдовну: «...седые, отброшенные назад волосы, орлиный профиль с голубым глазом, белый, серебром шитый, длинный кафтан, синие, по щиколотку, шаровары, казанские сапоги. <...> Первое впечатление – осанка. Царственность осанки. Двинется – рублем подарит. Чувство возвеличенности от одного ее милостивого взгляда. <...> ... лицо старого Гёте, явно германское и явно божественное») [2, сс. 30–31]. И героиня трилогии «Кристин, дочь Лавранса» фру Осхильд: «Вся она была стройная, как свеча, и Кристин скорее почувствовала, чем подумала, что никогда не видывала такой красивой и величавой женщины, как эта старая колдунья, с которой не хочет видеться окрестная знать...» [2, с. 30]. «... думается, с особым волнением должна была всплывать в ее памяти (*Марины Цветаевой – И.Ю.*) – в связи со всей линией фру Осхильд в трилогии – линией женщины, решившей жить не как все, вдали от всех, выстроившей в глухой усадьбе свой мир, вызывающий у многих «традиционных» людей опасливое недоверие, причудливо смешанное с глубоким уважением, а у более понимающих – и доверие тоже... – самая яркая женщина Марининой юности – мать Максимилиана Волошина», – пишет Лина Кертман [2, с. 30].

Особое чувство могли вызывать у Марины Цветаевой и страницы трилогии, посвященные необычной дружбе Кристин с монахом братом Эдвином – одним из самых дорогих людей в жизни героини. «Кристин казалось, что она еще никогда в жизни не встречала такого веселого и ласкового человека, как этот монах; словно он носил в себе какую-то светлую и тайную радость, и о ней-то девочке и хотелось узнать, когда отец Эдвин начинал говорить» [2, с. 34]. С образом монаха Эдвина из мира Кристин, по мнению Лины Кертман, переключается очень значимая личность мира Марины Цветаевой – личность Макса Волошина: «Светлая и тайная радость. Веселье. Ласковость. Полный теплого взаимопонимания смех. Могла ли не вспомнить Марина Цветаева человека, научившего ее – далекую от такого мироощущения в романтически грустном одиночестве своей ранней юности – всему этому!» [2, с. 34].

Не могла, по мнению Лины Кертман, не узнавать Марина Цветаева и отзвуков личности своего выдающегося отца – Ивана Владимировича Цветаева, крупного филолога и искусствоведа, основателя и первого директора Музея Изящных Искусств имени императора Александра III в Москве (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина) – в образе Лавранса – отца Кристин. Подробное сравнение характеров таких, при поверхностном взгляде, разных людей – убеждает в их «родственности коренных подходов к жизни» [2, с. 56]. «С годами, – цитирует Лина Кертман слова С. Унсет, – она (Кристин – Л.К.) поняла, что безграничная кротость отца объяснялась не тем, что он не замечал человеческих пороков и несовершенств...». Замечал, но был убежден, что жестокостью и нетерпимостью никакие пороки не исправишь...» [2, с. 56]. «“Ты считаешь, что я желаю им всяких благ, только потому, что не желаю им самого что ни на есть худого?” <...> Лавранс умеет быть терпимым и к ослепленным, нетерпимым людям, не способным понять его позицию» [2, с. 57]. «“Что делать, голубка, людей не переделаешь, а обижать не надо” – такими словами Иван Владимирович Цветаев убеждал жену не пренебрегать традиционным визитом к духовно чуждым ей родственникам. Поражает здесь и близость разговорной интонации отцов – она не могла не быть услышана слухом Марины. Та же усталая грустная мудрость... Эти слова очень запомнились Марине. Она не унаследовала от отца этот подход к жизни, более того, он во многом несовместим с ее страстной – и часто пристрастной – натурой. <...> (Кристин тоже с раскаянием признает, что не смогла в жизни удержаться на позициях мудрой терпимости, свойственной Лаврансу, – ни в отношениях с мужем, ни – с детьми...» [2, с. 57].

Отдельная глава монографии «Душа, родившаяся где-то: Марина Цветаева и Кристин, дочь Лавранса» названа «Мать и сын. Уход матери». В ней автор раскрывает тяжелую и неоднозначную тему цветаевского материнства и ее отношений с сыном Георгием (Муром), и, помимо параллелей с материнской судьбой Кристин, в этой главе вновь встает образ Елены Оттобальдовны Волошиной и ее отношений с сыном Максимилианом. «Матери и сыновья... Это тема “не отпускает” ее (*Марину Цветаеву – И.Ю.*) теперь» [2, с. 75]. Проживая вслед за Кристин ее материнскую историю с каждым из семи сыновей, Лина Кертман ищет прямые и косвенные ассоциации, которые могли возникнуть при чтении страниц романа у Марины Цветаевой, уже растившей в тот период Мура (по известному и очень точному определению Марии Белкиной, «трудного сына трудной матери») [1, с. 362]. Какие эмоции и чувства испытывала Марина Ивановна, читая и перечитывая слова одного из сыновей Кристин: «И Вы, и отец позабыли обо всем, кроме вашей распри <...> Вы и не заметили, как мы стали взрослыми. Ни разу не вспомнили Вы о тех, кто стоял меж вами и истекал под ударами ваших мечей...» [2, с. 90]. «С глубоким состраданием и беспокойством, – пишет Лина Кертман, – думала Марина Ивановна, особенно во второй половине 30-х годов о неизбежно тяжелом состоянии мальчика (*Георгия Эфрона – И.Ю.*), вынужденного

(в таком возрасте!) делать какой-то выбор, когда все более резко стали расходиться взгляды родителей по коренным вопросам жизни: “Мур живет разорванным между моим гуманизмом и почти что фанатизмом – отца” (декабрь 1935 г.)» [2, с. 90]. Анализируя тему ухода матери (уход в монастырь Кристины в романном мире Сигрид Унсет и трагический уход из жизни Марины Цветаевой), Лина Кертман старается найти объективные причины поступков и вымышленных персонажей, и реальных людей, понять их и защитить всех (в первую очередь, Мура – сына Марины) в фатальной ситуации разрыва матерей и сыновей, заканчивая главу словами самой Марины Цветаевой: «Но как бы далеко не отошел сын от матери, он не может уйти, так как она в НЕМ, шагает рядом с ним, и даже из матери он не может шагнуть, так как и его будущее она несет в себе» [2, с. 114].

И еще одна важная тема поднимается автором монографии «*Душа, родившаяся где-то: Марина Цветаева и Кристина, дочь Лавранса*» в связи с биографическими перекличками в судьбах Кристины и Марины. Сама Марина Цветаева считала трилогию С. Унсет не только лучшим произведением о женской и материнской доле, но и одним из лучших романов о любви. Мария Белкина вспоминала: «Как-то у нас на Конюшках зашел разговор о той самой книге Сигрид Унсет «Кристина, дочь Лавранса», которую Марина Ивановна так любила. Мы все тогда читали этот роман, и я сказала, что любовь Кристины кажется несколько надуманной <...>. Марина Ивановна возразила, что в наш век любовь просто выродилась и люди разучились любить <...>. Это как если бы художник рисовал не красками, а водой, которой он смыл палитру. И добавила, что, по ее мнению, образ Кристины – самый яркий из женских образов, созданных во всей мировой литературе за все века» [2, с. 117]. Этот разговор, по мнению Лины Кертман, заслуживает особого внимания, поскольку в нем Марина Цветаева едва ли не единственный раз говорит именно о теме любви в романе «Кристина, дочь Лавранса», а не только о материнской судьбе или женской доле его главной героини. Отношения мужа и жены – Кристины и Эрленда и Марины Цветаевой и Сергея Эфрона – на протяжении всей их жизни с удивительным тактом и пониманием рассматриваются Линой Кертман в последней главе монографии, которая названа «Муж и жена». Переключек в судьбах этих пар было поразительно много. Но одно совпадение подчеркивается автором особо: «И еще одно “совпадение” делало историю Кристины и Эрленда такой родной Марине: когда в непростую жизнь семьи врывались внешние опасности – все обиды, все трагические внутренние сложности – отступали, и герои как бы возвращались к своему Началу, к лучшему, к главному, что их связывало. <...> Это осталось неизменным во всех испытаниях» [2, сс. 147–148]. Анализируя сюжетную линию, связанную с арестом Эрленда в романе, и трагическую ситуацию с арестом Сергея Яковлевича Эфрона в жизни семьи Цветаевых-Эфронов, Лина Кертман пишет: «Близость (*Марины Цветаевой – И.Ю.*) к позиции Кристины поражает своей почти “дословностью”» [2, с. 149].

Как сказано в аннотации к монографии «*Душа, родившаяся где-то: Марина Цветаева и Кристина, дочь Лавранса*», среди множества работ, посвященных Марине Цветаевой, эта стоит особняком. И это действительно так. Попытка посмотреть на жизнь поэта Марины Цветаевой через прочтение ее глазами ее любимого произведения мировой литературы уникальна. Лине Кертман, обладающей блистательным исследовательским литературоведческим талантом, она удалась. Переиздание вышло в свет. Это большая удача для тех, кто не смог познакомиться с книгой 10 – 15 лет назад.

* Кертман, Лина. *Душа, родившаяся где-то: Марина Цветаева и Кристина, дочь Лавранса* / Лина Кертман. – М.: Возвращение, 2016. – 160 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкина, М. И. Скрещение судеб / М. И. Белкина. – М.: Рудомино, 1992. – 544 с., ил.
2. Кертман, Лина. *Душа, родившаяся где-то: Марина Цветаева и Кристина, дочь Лавранса* / Лина Кертман. – М.: Возвращение, 2016. – 160 с.
3. Кертман, Л. Л. Счастливое «скрещение судеб» / Л. Л. Кертман // Марина Цветаева в XXI веке: Цветаевские чтения в Болшеве (2007, 2009 гг.): Сб. материалов. – г. Королёв: Дом-музей М.И. Цветаевой в Болшеве, 2011. – 296 с.
4. Цветаева, М. И. Спасибо за долгую память любви...: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922 – 1939 / М. И. Цветаева. – М.: Русский путь, 2009. – 400 с., ил.

Материал поступил в редакцию 30.05.16.

“FATES INTERTWINED”: ON THE BOOK “SOUL THAT HAD ONCE BEEN BORN SOMEWHERE: MARINA TSVETAEVA AND KRISTIN LAVRANSDATTER” BY LINA KERTMAN

I.A. Yudina, Teacher of Culturology
Private Studio-School (Omsk), Russia

Abstract. The book “Soul that had once been born somewhere: Marina Tsvetaeva and Kristin Lavransdatter” is the first among large literary monographs by Lina Lvovna Kertman who specializes in life and works of Marina Tsvetaeva and her circle. This book has first seen the light of day in the now far-off year of 2000. Issued by the “Vozvrashchenie” publishing house in an edition limited to 1000 copies, it became an instant rarity of a book. In 2016 the same “Vozvrashchenie” publishing house made a reissue of it.

Keywords: monograph, Norwegian literature, biography, letters, reissue.

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

УДК 821.111

**СИНТЕЗ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ И РЕАЛИСТИЧЕСКИХ НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ Б. БЕЙНБРИДЖ «МАСТЕР ДЖОРДЖИ»**

О. Бойницкая, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина

***Аннотация.** В статье рассматривается синтез постмодернистских и реалистических нарративных стратегий в целом как характерная особенность британского историографического романа рубежа XX–XXI вв. и, в частности, как способ оригинального и сбалансированного соединения прошедшего временного плана с настоящим, всегда эксплицитно или имплицитно присутствующим в историографическом романе. На примере романа Берил Бейнбридж «Мастер Джорджи» анализируется результат синтеза некоторых типичных для постмодернизма тем и стратегий с приемами, характерными для традиционной реалистической прозы.*

***Ключевые слова:** историографический роман, постмодернизм, реализм, нарративные стратегии, история, историческая репрезентация, принцип фотографии.*

Английский историографический роман занимает отдельное место в контексте литературно-эстетических поисков XX–XXI столетий. Его художественное своеобразие определяется специфическим, иногда даже парадоксальным, соединением новых постмодернистских и традиционных реалистических стратегий. Ведущие теоретики постмодернизма Патриция Во и Алисон Ли обосновывают тезис о том, что британская постмодернистская литература, несмотря на существенный пересмотр реалистической традиции, сохраняет с ней намного более тесную связь, в сравнении с авангардной литературой других стран [3, с. xii; 5, с. 49]. Этот синтез лежит в основе сбалансированной исторической перспективы и представляет собой оригинальный способ соединения прошедшего и настоящего временных планов и вместе с тем – характерную особенность нового типа исторического произведения.

В целом, сравнительно с инновационной модернистской литературой и первыми постмодернистскими произведениями, историографический роман рубежа XX–XXI столетий уже нельзя назвать революционным в формальном плане. Тут очерчивается противоположная тенденция, поскольку историографический роман, скорее, наоборот смягчает радикальный характер предшествующих протестов против условностей реализма, стремясь возродить известные литературные коды, а также переработать некоторые художественные условности прошлого. Зачастую этого требует сам принцип исторической прозы – воссоздание определенного периода, – подразумевающий монтирование специфического исторического референта, и, таким образом, являющийся типичным реалистическим приемом. На практике современный историографический роман в большинстве случаев демонстрирует немало реалистических установок, решительно отвергаемых модернистами и ранними постмодернистами: сообщает историческую информацию, исполняет документальную функцию и связывает поведение персонажей с характерными социальными и историческими силами. Персонажи многих историографических романов описываются в традиционной манере – в прямой связи с четко очерченным окружением; телеологическим развитием сюжета движет нарратив, а композиция нередко хронологически последовательна. Это – заметная перемена по сравнению с радикальным характером раннего постмодернизма, тяготевшего к «децентрализации, детотализации и деконструкции» [4, с. 27].

Повествование в романе Берил Бейнбридж «Мастер Джорджи» (Beryl Vainbridge *Master Georgie*, 1998) охватывает небольшой, четко определенный в самом произведении период – с 1846-го по 1854-й гг. Действие, начавшись в грязных закоулках Ливерпуля, далее разворачивается в раскаленном от жары Константинополе и заканчивается на поле боя в Крыму. Крымская война, на которой по воле обстоятельств оказываются протагонисты – стержневое историческое событие романа. Однако при этом, как уже видно из временных рамок, произведение затрагивает лишь начало войны, в то время как большая его часть касается предвоенного периода.

Историческая перспектива в романе Берил Бейнбридж выстраивается посредством оригинального соединения постмодернистских и реалистических приемов. Поскольку в «Мастере Джорджи» дискурс XIX столетия – единственный и звучит исключительно нарративные голоса, принадлежащие к той эпохе, то и на поверхности преобладают стратегии реалистического романа XIX века. К выразительно реалистическим стратегиям в романе относим воссоздание социального контекста и социальной детерминированности персонажей, сюжетную телеологию с нарративными двигателями, хронологически последовательную композицию. Почтительным поклоном реализму являются также и некоторые точные исторические и географические детали, способствующие «эффекту реальности». Вместе с тем, настоящий временной план, слитый в «Мастере Джорджи» с прошедшим временным планом, имплицитно проявляет себя в виде определенных постмодернистских тем и нарративных стратегий. Настоящее в романе

Б. Бейнбридж актуализируется путем соединения нарративной фрагментации, множественной фокализации с такими «брендовыми» постмодернистскими темами, как, в первую очередь, тема социального неравенства, а также гендерная и антиимперская. Как результат подобного синтеза «Мастер Джорджи» представляет собой историографический роман, в котором прошлое не трансформируется, а уравнивается современной перспективой.

Заметную роль в сюжетной структуре произведения играют разного рода совпадения и случайности. Словами одного из персонажей: «Слишком тут много разных “если бы”» [1, с. 152]. С одной стороны, такой сюжетослагающий элемент приближает роман к традиционной реалистической модели, а с другой – придает большую выразительность постмодернистской иронии в отношении процесса объединения разрозненных событий в когерентную структуру текста, нарративизации как отдельных историй, так и истории в целом. Таким образом, случайности в «Мастере Джорджи» раскрываются не только как фикциональный прием, а и как историографическая проблема.

Кроме того, синтез постмодернистских и реалистических стратегий в романе наиболее выразительно проявляется в распределении нарративных голосов. Центральный персонаж – хирург и фотограф Джордж Харди – не выступает в роли нарратора. Вместо того образ «мастера Джорджи» создают другие голоса: его сводной сестры Миртл, его помощника Помпи Джонса, а также геолога-аматора доктора Поттера. Эти три варианта гомодиегетического нарратива с внутренней точкой зрения дополняются в произведении еще одной очень важной перцепционной позицией – видением извне, читательским взглядом «с высоты птичьего полета». Голосу «официального» нарратора доктора Поттера противопоставляются альтернативные голоса социальных маргиналов, играющих роль имплицитного современного плана. Соответственно, традиционный реалистический нарратив соединяется с постмодернистским.

Почтенный доктор Поттер повествует про «невзгоды» войны с показательным чувством общественной пристойности. Этот персонаж неоднократно высказывает социальные предубеждения. Например, в театре, полном простого люда, он отмечает: «К счастью, мы сидели в ложе, слегка возвышенные над мерзостью» [1, с. 94]. Поттер декларирует также и свое гендерное превосходство: «Когда всего лишь женщина вызывает такую твердость, кто ж себе позволит поддаться малодушию?» [1, с. 99]. Подобные взгляды и утверждения, довольно типичные для викторианского предстателя высшего класса, вызывают возмущение и неприятие у современного читателя. Это ситуация, когда историческая достоверность говорит сама за себя и побуждает к критической оценке. Кроме того, голос аристократа Поттера переплетается с голосами двух других нарраторов – Миртл и Помпи Джонса – социальных маргиналов, изгоев общества, которые существенно уравнивают перспективу.

Миртл – девушка, которую нашли «в одном подвале на Крутой, [она] сидела рядом с мертвой женщиной, и горло ей сглодали крысы» [1, с. 9]. В целом реалистическая манера изображения героини существенно трансформируется современным феминистическим акцентом, а также своеобразным представлением темы социального неравенства и маргинальности. Протагонисты в реалистических романах XIX века зачастую имели низкое происхождение, тем не менее, они нередко получали «повышение» в развязке. Их современные эпигоны, лишенные высокого социального статуса от рождения, остаются изгоями до конца, даже получив «повышение». Миртл по воле случая оказывается в среде, абсолютно отличной от той, в которой родилась, и, превратившись в «мисс Харди», меняет классовую принадлежность, однако девушка постоянно осознает и никогда не забывает о своем происхождении.

Помпи Джонс – грубый аморальный пройдоха, использующий своего господина. Его нарративный голос резко контрастирует с голосом доктора Поттера, поскольку Помпи демонстрирует полное пренебрежение общественными условностями, не использует никаких эвфемизмов и открыто говорит про свой расчетливый гомосексуализм. Рассказывая о том, как ему удалось устроиться помощником джентльмена, Помпи дает циничный отчет о том, как и почему он стал любовником Джорджа, несмотря на полное презрение к этому представителю «лучшего общества». С таким же пренебрежением Помпи говорит о путешествии в Крым и своем участии в войне, с холодным равнодушием описывает кучи мертвых и изувеченных тел. Брутальность приводит персонажа к омерзительной краже, сексуальному надругательству и убийству. Его цинизм кульминирует в одном из финальных эпизодов романа, когда, небрежно упомянув о гибели Джорджа, Помпи рассказывает про фотографа, который, собираясь сделать снимок группы из пятерых солдат, оставшихся в живых, искал еще одного человека для «симметрии»: «Я подошел к Джорджу. Миртл ушла, он лежал в грязи, один. Я взвалил Джорджа на закорки, понес. Солдаты уже стояли, я его воткнул между ними. Он качнулся вперед, и тот солдат, что справа, обхватил его и поддержал. “Улыбаемся, улыбаемся, братцы”, – велел фотограф» [1, с. 189].

Далекое от нарративного очарования, повествование Помпи вызывает неприятие и остается отталкивающим от начала и до конца. Подобная постмодернистская стратегия – своеобразная эстетизация отвратительного [2] – способствует реализации, в конечном итоге, реалистической дидактической функции: такая манера повествования подчеркивает одну из главных тем романа, демонстрирующего жестокую абсурдность войны посредством изображения жестокости и абсурдности нескольких ее участников.

Тема войны в «Мастере Джорджи» также иллюстрирует актуализацию имплицитного настоящего временного плана в историографическом романе с одним временным фокусом, поскольку антивоенная – это, скорее, тема современная, чем викторианская. Реалистические описания ужасных условий существования в военных лагерях, антисанитарии, грязи, болезней, недостатка провианта и медицинских средств, плохого тактического руководства и организации соединяются с постмодернистскими стратегиями. В романе Б. Бейнбридж,

как и в произведениях других историографических романистов (напр., Филипа Хеншера, Пэт Баркер), война изображена фрагментарно. Кроме того, характерно, что в романе о войне ни один из протагонистов не является военным. И наконец, главная точка пересечения постмодернистских и реалистических стратегий – реалистический и натуралистический принцип фотографии – стержневой прием, вокруг которого в «Мастере Джорджи» выстраиваются как другие стратегии, так и проблема исторической репрезентации.

Крымская война была первой войной, широко задокументированной в фотографиях, таким образом, и структура романа Бейнбридж имитирует своего рода фотоотчет. Шесть эпизодов названы не «главами», а «пластинками» (имеются в виду фотографические пластины, на которых в XIX в. фотографы фиксировали изображение) с подписями: «Пластинка первая. 1846 г. Девушка перед лицом смерти»; «Пластинка вторая. 1850 г. Пелена спадает»; «Пластинка третья. 1854 г. Превратности войны на водах Европы» и т. д. Содержание «глав-пластинок» – расшифровка, развернутый комментарий к этим коротким подписям. Другими словами, фотографические пластинки будто бы оживают и становятся историями, отдельными эпизодами общей истории.

С одной стороны, части, размещенные последовательно, дополняют друг друга, создавая в общем разносторонний образ, увиденный сквозь призматический объектив. Но с другой стороны, разные нарраторы предлагают противоречивые версии событий, нередко взаимоотрицающие. Например, Миртл идеализирует и боготворит своего «мастера Джорджи», в то же время Помпи характеризует его как типичного викторианского лицемера. К тому же, уполномоченный «одной важной газетой» делать снимки, иллюстрирующие, «как приятно проводят время войска» [1, с. 133], Помпи сознательно создает неправдивые репортажи про войну. В каждой главе есть явное, часто ироническое несоответствие между сфотографированным образом и историей, которую он иллюстрирует. Реальность иногда предстает такой же размытой, как образы на фотографиях Джорджа, темнеющие вскоре после проявки.

Исторические факты, как и фото в романе, ненадежны – они тускнеют, видоизменяются, да и изначально могут быть предвзято представленными и не соответствовать действительности, не отображать ее с той достоверностью, которую обычно приписывают фотографиям. Подобно тому, как мертвый Джордж Харди позировал и улыбается для снимка, факты укладываются в рамки истории. Роман Б. Бейнбридж содержит скепсис относительно стремления «оживить» историю, попыток увидеть, «что произошло на самом деле» за внешним образом, за так называемыми фактами и документальными снимками. Поэтому и образ центрального персонажа так и не очерчивается, остается расплывчатым – темным пятном на пластинке. Символично, что он предстает живым мертвецом в последнем кадре романа.

Таким образом, принцип фотографии в «Мастере Джорджи» является и структурообразующим принципом, и объектом постмодернистской пародии, посредством которой представляется проблема документализма в историографическом романе. Очевидно, что «исторический реализм» современного произведения отказывается от модели романа-документа. Фотографии, как и факты истории, отображают исключительно те аспекты, которые выбирает сам человек. Поэтому, всматриваясь в историю, недостаточно видеть лишь то, что показано. В романе «Мастер Джорджи» внешняя простота принципа фотографии маскирует сложность нарратива, подвергающего сомнению надежность исторических фактов вместе с одномерной поверхностью фотографий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейнбридж, Б. Мастер Джорджи: Роман / Б. Бейнбридж / пер. с англ. Е. Суриц. – М.: Иностранка: Б.С.Г.–ИРЕСС, 2001. – 190 с.
2. Кристева, Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Ю. Кристева. – СПб.: Алетейя, 2003.
3. Lee, A. Realism and Power: Postmodern British Fiction / A. Lee. – London and New York: Routledge, 1990. – P. 176.
4. Olsen, L. Circus of the Mind in Motion: Postmodernism and the Comic Vision / L. Olsen. – Detroit, Mi.: Wayne State University Press, 1990. – 171 p.
5. Waugh, P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction / P. Waugh. – London and New York: Routledge, 1984. – P. 192.

Материал поступил в редакцию 01.07.16.

THE SYNTHESIS OF POSTMODERN AND REALISTIC NARRATIVE STRATEGIES IN THE HISTORIOGRAPHIC NOVEL “MASTER GEORGIE” BY BERYL BAINBRIDGE

O. Boinitska, PhD, Associate Professor
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

Abstract. The article deals with the synthesis of postmodern and realistic narrative strategies as a general characteristic feature of the British historiographic novel of the end of the 20th – the beginning of the 21st cent. and as a particular mode of an original and balanced merge of the past dimension with the present one – either explicit or implicit in any historiographic novel. 'Master Georgie' by Beryl Bainbridge is taken as an illustrative material for the analyses. The article is intended as a case study of the novel in the context of postmodern conceptualization of history.

Keywords: historiographic novel, postmodernism, realism, narrative strategies, history, historical representation, photography principle.

УДК 80

ТЕМАТИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ В «НОВОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» АВСТРИИ

З.А. Марданова, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, старший научный сотрудник отдела традиционной культуры и фольклора Северо-Осетинский государственный университет, Институт истории и археологии РСО-Алания (Владикавказ), Россия

***Аннотация.** Литературные тексты, созданные в контексте второй волны феминизма и объединенные под общим названием «новой женской литературы», в своей анти-патриархатной направленности неизбежно тематизировали проблему насилия против женщин. Но и в «предфеминистский» период в творчестве отдельных женщин-писательниц, признанных впоследствии в качестве ключевых фигур женской литературной традиции, проблема насилия ставилась чрезвычайно остро. В статье прослеживается определенная смена перспективы в тематизации этой проблемы: от «архаических» форм прямого насилия к «скрытым» формам символического насилия.*

***Ключевые слова:** Верена Штефан, Ингеборг Бахман, Марлена Хаусхофер, Вальтрауд Анна Митгуч, Барбара Фришмут, Вали Экспорт, Марлена Штреерувиц, «треугольник насилия» Й. Галтунга.*

Дебютная книга Верены Штефан «Линька» (Häutungen, 1975), ставшая культовой для разворачивавшегося в 70-е годы женского движения и немецкоязычной «новой женской литературы», обязана своему ошеломительному успеху в первую очередь именно своей обостренной чувствительности по отношению к скрытым формам «патриархатного» насилия, т. е. насилия в отношении женщин в ситуации мужского доминирования. Своего рода толчком к пробуждению сознания главной героини, к процессу «расширения сознания» (“consciousness raising”, в терминах актуальной для того времени феминистской теории) стал не травматический опыт физического насилия, а, казалось бы, безобидное, по сравнению с ним, вербальное унижение – та форма насилия, которая не идентифицируется обществом как таковая, а воспринимается, скорее, как грубоватая форма заигрывания. Рассказываемая история – это попытка (автобиографического) женского Я-повествователя выявить, сделать явными «слепые пятна» женского существования, «бытия женщиной», нарушить долгое «молчание женщин», озвучить в слове все то, что ее «по-настоящему оскорбляет и разрушает» [29, S. 92]. «Автобиографические заметки» Штефан (которые, согласно подзаголовку, определяющему жанровую принадлежность повествования, включают в себя еще и «стихи, мечтания и размышления») предвосхищают многое из того, что впоследствии было сформулировано в резолюции первого Международного трибунала «Преступления против женщин» (“Crimes against Women”) в Брюсселе (1976): «Между экстремальными формами физического насилия и более мягкими формами психологического и социального насилия существует тесная связь. Все они являются проявлением презрения к женщине, которое настолько признано обществом, что мужчинами не воспринимается вовсе, а женщинами принимается как неизбежное зло женского существования или же как биологически обусловленная форма сексуальных отношений между мужчиной и женщиной» [цит. по: 24, S. 177].

Насилие против женщин как неизбежная составляющая женского жизненного опыта – выявленное не в последнюю очередь в текстах женщин-писательниц – стало центральной темой дискуссий среди теоретиков феминизма и активисток женского движения в конце 70-х и на протяжении 80-х годов. В ходе этих дебатов, которые проходили под лозунгом «личное – это политическое», вскрывались доселе табуированные или скрытые аспекты «патриархатного насилия». Разумеется, это не значит, что «предфеминистская» литература женщин-писательниц не обращалась к проблеме насилия. Именно в творчестве Ингеборг Бахман или Марлен Хаусхофер, которые не случайно были восприняты и признаны в качестве ключевых фигур женской литературной традиции [см. 27], тема насилия обрела наиболее радикальную форму.

В *opus magnum* Ингеборг Бахман, романном цикле «Виды смерти» (“Todesarten”), направленном «против длящегося террора» [33, S. 110] (патриархатного) порядка, разворачивается широкий спектр проявления насилия: от «мягкого насилия» [6, S. 358] «борьбы полов» на фоне интернализированного, усвоенного с обеих сторон «закона Отца», основанного на исключении и подчинении женского / женщин, до разрушительных приступов ненависти к самой себе со стороны жертв патриархата, вплоть до чисто физического насилия.

«Вирус преступления» [6, S. 357] остается жизнеспособным, несмотря на все усилия по «преодолению прошлого» (Vergangenheitsbewältigung), несмотря на открытое обсуждение и осуждение в обществе национал-социализма («Кровавая бойня завершена, но убийцы все еще среди нас [...]» [6, S. 358]. «Вирус» сохраняется, поскольку приватная сфера межлических отношений, в первую очередь, отношений между мужчиной и женщиной, пронизана иерархическими структурами и не поддается какой-либо ревизии со стороны общества, сохраняя тем самым питательную почву для произрастания насилия. «Фашизм», термин политический, использовался в творчестве Бахман в качестве «слова для обозначения приватного поведения [...]» [4, S. 416; 21, S. 143–144], которое можно описать с помощью понятий «культ насилия», «жажда уничтожения, необходимость уничтожения другого» [4, S. 422].

Подобный «перевод в “приватную сферу”» (“Übersetzung ins ‘Private’”) [11, S. 633] наблюдается и в творчестве

Марлен Хаусхофер. В ее «совершенно обычных историях» (это определение из заключительного предложения последнего текста М. Хаусхофер «Не переживай» / “Mach dir keine Sorgen”, 1970, который считается ее литературным завещанием) скрытое насилие над женщинами предстает как составная часть патриархального порядка. Но примечательно, что в этих «дофеминистских» текстах при всей критике патриархата, которая зачастую принимает здесь и крайне радикальные формы, удается, тем не менее, избежать упрощенческой схемы «мужчина – преступник / женщина – жертва». У Ингеборг Бахман, резко критикующей патриархальное общество, это «кладбище убитых дочерей» [5, S. 165.], встречаются и такие женские персонажи, которые не столь однозначно могут быть причислены к «жертвам». Так, в сценарии, созданном по раннему рассказу «Портрет Анны-Марии» (“Portrait von Anna Maria”, 1956) / “Anna-Maria-Drehbuch” (1962/63), главная героиня хоть и является несомненной жертвой, но при этом способна и на насилие: если выбирать из «затаптываемых и затаптывающих» ([den] ‘Tretenden und Getretenen’), составляющих любое общество, то «она [...] относится к тем, ‘кто способен затаптать’» [цит. по: 26, S. 100]. Собственно, и Франца, которая узнает, что для ее супруга, психоаналитика Джордана, она является всего лишь интересным медицинским «случаем», и от этого знания постепенно разрушается как личность, т. е. по сути воплощает собой ‘абсолютную’ жертву, восстает под конец против своего существования как жертвы: оживающие в ее памяти травматические воспоминания исторгают у нее вопль отрицания – «и это был ее другой голос» [4, S. 477]. Характерным для основных персонажей Бахман является «жест ухода»: «уходит» ее Ундина, героиня романа «Малина» исчезает в трещине на стене, Франца сбегает в пустыню, а безымянный герой из рассказа «Тридцатый год» выбирает путь вечного странника и т. д. Их «уход» предстает единственно возможным способом избежать ловушки со-участия, причастности к насилию, хоть и в статусе жертвы. Даже в случае с героиней «Малины», испытавшей на себе насилие во всех мыслимых и немыслимых формах, пусть даже большей частью лишь только в своих снах (которые, впрочем, выявляют скрытое, неосознаваемое при свете дня), можно утверждать, что ее противостояние всемогущему и преступному Отцу (Закону) не столь однозначно, как могло бы казаться: в ней бушуют одновременно «буря освобождения и натиск подчинения» (Юлиан Шуттинг) [28, S. 69], стремление освободиться от давления патриархальной власти и столь же сильное тяготение к подчинению.

Подобная балансировка между протестом и подчинением, хоть и в более утонченной форме, изображается и в прозе Марлен Хаусхофер. Но при этом бросается в глаза, что ее героини, в еще большей степени вовлеченные в патриархальные отношения, по-другому организуют свой «уход»: они создают внутри отведенного им (весьма ограниченного) пространства «свое место». Мансарда, потайная дверь в стене, место у окна – это все «женские» пространства «для себя самой» (ср. название известного эссе Вирджинии Вулф “A Room of One's Own”): их «духовный приют» (“geistiges Zuhause”) [27], место силы и защиты. Но в то же время подобная «мансардная жизнь» (“Mansardenleben”) [19, S. 24] дает возможность ограничить этими стенами свой «антибуржуазный загул» (“unbürgerliche Ausschweifungen”) [19, S. 43], обуздать, «одомашнить» его, чтобы не подвергать опасности спокойное существование в качестве примерной супруги и хозяйки благопристойного буржуазного дома. В подобной жизненной установке, которой придерживаются многие героини Хаусхофер, хотя и испытывают при этом «смутное чувство неудовлетворенности» (“ein dumpfes Unbehagen”) [20, S. 66], просматривается модель поведения, основывающаяся на интериоризации традиционных представлений о «женственности».

Поиск ответа на вопрос, почему женщины мирятся с «мужским господством» [1], связанный в том числе и с пересмотром традиционной дуальной пары «насилник – жертва» (Täter – Opfer), находит свое выражение в концепции «добровольного рабства», разрабатываемой Симоной де Бовуар в ее знаменитом, ставшем классическим для феминизма труде «Второй пол» (“Le Deuxième Sexe”, 1949), при этом в явной соотнесенности с трактатом Этьена Ла Боэси «Рассуждение о добровольном рабстве» (1577) [7]. Дальнейшее развитие это понятие получает у французского социолога Пьера Бурдьё, чья статья «Мужское господство» (“La domination masculine”, 1998) также входит в своего рода феминистский теоретический канон. В интерпретации Бурдьё, учитывающего проявление символического насилия в обществе, в соответствии с которым «принуждение, производимое символическим насилием, реализуется посредством вынужденного признания, которое доминируемые не могут не даровать доминирующим, поскольку, чтобы мыслить самих себя и доминирующих, они располагают лишь теми мыслительными инструментами, что являются общими как для доминируемых, так и для доминирующих» [1, с. 299], понятие «добровольного рабства» оборачивается «невольным сообщничеством» (“unfreiwillige Komplizenschaft”) [7]. В контексте нового женского движения 60-х – 70-х гг. прошлого века, когда феминистская программа «самоопределения в процессе становления субъектом» вошла в противоречие с культивируемым в рамках анти-патриархального протеста образом *женщины как жертвы*, эта концепция была переосмыслена и заново сформулирована как идея «соучастия женщин» (“Mittäterschaft von Frauen”) [32]. Но поскольку в этот период «бури и натиска» женского движения на первый план выходит проблема насилия против женщин, которая принципиально скандализируется и драматизируется, чтобы стать, наконец, «видимой», обратить на себя внимание общества, то быть женщиной все еще значит быть жертвой [17, S. 107–125].

Поэтому литературные тексты, созданные в контексте второй волны феминизма (60-е – начало 90-х гг.) и объединенные под общим названием «новой женской литературы», повествуют преимущественно о том, что означает «родиться женщиной» или же, в знаменитой формулировке Симоны де Бовуар, о том, как «женщиной становятся».

В романе Вальтрауд Анны Митгуч с говорящим названием «Наказание» (“Die Züchtigung”, 1985) этот процесс принуждения к «становлению женщиной» изображается на примере отношений матери и дочери, которые выстраиваются преимущественно в рамках модели «насилник – жертва» (Täter – Opfer). При этом роль

«насилника» отводится «самоотверженной» матери, которая в своем стремлении сделать из дочери «самого воспитанного ребенка из всего семейства» [22, S. 8] жестко ее муштрует «во имя побуждения к повиновению, благоразумию и страху Божию» [22, S. 246]. В то же время и сама мать изображается как жертва патриархатного порядка, у которой была «тяжелая жизнь и [не было] никакого выбора» [22, S. 11].

Развитию «новой чувствительности к насилию» [18, S. 8] против женщин способствовала тесная связь феминистской критики патриархата и формировавшегося с начала 80-х гг. дискурса насилия, культивировавшего расширенное понятие насилия, принимающего во внимание, помимо прямого физического насилия, и другие его виды. Так, норвежский исследователь в области изучения проблем мира и разрешения конфликтов Юхан Галтунг поначалу разработал концепт структурного насилия – насилия, «встроенного в систему» и проявляемого в форме «неравного распределения власти и, следовательно, неравных жизненных шансов» [14, S. 62], а затем, расширив понятие насилия за счет включения личного (прямого) и культурного насилия, предложил более дифференцированный подход к проблеме, выдвинув модель «треугольника насилия» [15, S. 341]. Подобное усложненное понимание, при котором различаются три формы насилия с одновременным учетом их взаимосвязи (*прямое* насилие рассматривается при этом как «событие», *структурное* как «процесс», а *культурное* носит перманентный характер, поскольку представляет собой «те аспекты культуры, символической сферы нашего существования [...], которые могут использоваться для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия» [15, S. 341]), с одной стороны, отвечает потребности активисток женского движения и феминисток «сделать невидимое видимым», в том числе и те виды насилия, которые не признаются обществом в качестве таковых. Не случайно у Бахман безмянная героиня в «Малине», испытав на себе – в реальности и в своем воображении – всевозможные формы (структурного) насилия, так настойчиво утверждала: «Это было убийство» [5, S. 320]. С другой стороны, концепция насилия Галтунга неоднократно подвергалась критике со стороны феминистских теоретиков, поскольку он не выделяет в качестве отдельного вида «патриархатное насилие», которое, по его модели, лишь подразумевается под более широким понятием «структурного насилия», и, соответственно, иерархия полов как одна из основных причин структурного насилия не получает должного внимания. Впрочем, когда норвежскому исследователю надо было более наглядно показать различие между прямым и структурным насилием, то он обратился к ситуации мужского насилия против женщин как наиболее показательному примеру: «Если, к примеру, некий муж бьет свою жену, то это явный случай личного насилия; если же миллион мужей держит миллион своих жен в неведении, то это структурное насилие» [16, S. 13]. Тем не менее, феминистский подход к концепции насилия, особо подчеркивающий значимость патриархатного насилия, представляется Галтунгу излишне одномерным. Но здесь он уже сам допускает слишком упрощенное понимание феминистского подхода, для которого даже в начальный, преимущественно «анти-патриархатный», период развития «феминизма второй волны» патриархат хоть и представлял собой основную мишень для обвинений в насилии против женщин, но лишь как часть властной машинерии, представленной и другими институтами власти. Для женщин-активисток и феминисток Австрии патриархат был един в трех своих ипостасях: капитализм – фашизм (национал-социализм) – церковь (христианство / католицизм) или же, в ином варианте, «бабушка Государство, матушка Природа и (мужская) идеология» (*Вали Экспорт*) [цит. по: 34].

Одним из наиболее впечатляющих примеров художественного воплощения этого патриархального триединства, воздействия патриархатного давления на «женщину» является перформанс австрийской медиахудожницы Вали Экспорт (*Valie Export*), впервые проведенный в 1980 году под названием “I [beat (it)]” и представленный позднее как видео-инсталляция в рамках венской выставки «Столетие женщины: от импрессионизма до наших дней» (октябрь 1999 – январь 2000): обнаженная женщина с мучительными усилиями ползет по смазанной маслом поверхности некоего ограниченного пространства к центру, где размещено ее фотографическое изображение в натуральную величину. Это затрудненное движение, символизирующее стремление к самоидентификации, оказывается, в конечном счете, «ложным», поскольку направлено на то, чтобы занять предуготовленное место и слиться с предзаданным образом «женщины». Но и в этом «ложном движении» женщина скованна. И не только потому, что ее запястья и щиколотки закованы в свинцовые браслеты, ограничивающие подвижность суставов: само пространство ее движения ограничено тремя мониторами, на экране которых беснуются овчарки, чей яростный лай сопровождает каждое усилие женщины, направленное на достижение своей цели.

Авторитарное «воспитание подчинения» (“*Erziehung zur Unterordnung*”) в католическо-патриархальной атмосфере интерната для девочек стало темой первого романа австрийской писательницы Барбары Фришмут «Монастырская школа» (“*Die Klosterschule*”, 1968). В 14 маленьких главах от лица безмянной героини рассказывается о тех элементарных событиях, из которых состоит повседневная жизнь в католическом интернате: молитва (глава “*Ora et labora*”, т. е. «молись и трудись», девиз ордена бенедиктинцев), прогулка (глава «Прогулка»), урок английского (глава «Пример школьного занятия»), прием пищи (глава «Счастье»), урок религии (глава «Урок религии») и т. д. Этот маленький ограниченный мир «сборища юных католиков, воспитанников монастыря» [13, S. 7] настолько беден событиями, что здесь практически не о чем рассказывать, разве что только о том, что составляет основное содержание «монастырской школы» жизни: о вербальной «дрессировке» послушания, или, по словам Фришмут, о «любого рода принуждении, то есть ... целой системе принуждений, которые детям с малых лет, как говорится, вбиваются в голову, так что мало кому удастся сквозь них прорваться» [24, S. 99]. При этом и сама героиня, от лица которой ведется повествование, и ее соученицы настолько глубоко усвоили этот навязанный им клерикально-патриархальный дискурс, что они большей частью перестают ощущать его как язык насилия.

В то же время они не оставляют попыток каким-то образом вырваться из удушающей тесноты монастырского мирка. Во время чинной прогулки, соблюдая все правила «порядка передвижения» («идти парами, держаться за руки, не выбиваться из ряда, не привлекать к себе внимания, «соблюдать дисциплину, подчиняться порядку, не забывать о хороших манерах») [13, S. 14–15], маленькая героиня вместе со своей подругой Миллой создает для себя некое пространство свободы: «А мы рассказывали друг другу истории, подталкивали друг друга, смеялись или грустили, [...] вертелись, обменивались знаками, что-то шептали друг другу на ушко, [...] размахивали руками или засовывали их в карманы пальто. Мы делали все, что только могли придумать ...» [13, S. 16]. Игра воображения, умение мечтать, разглядывание себя, несмотря на запрет, в зеркале и, наконец, склонность задаваться вопросами – для героини это разного рода способы хоть на время избежать давления ежедневной «дрессуры». В конце романа в речи героини настойчиво возникает слово «удовольствие» (Spaß) как вербальное проявление внутреннего сопротивления, сигнализирующее о страстном желании самовыражения. Потребность самовыражения – это лейтмотив «женского» романа воспитания в контексте «новой женской литературы» 70-х – 80-х годов.

В конце 20 века выходит роман австрийской писательницы Марлены Штреерувиц «После нее. Путевые заметки» (“Nachwelt. Ein Reisebericht”, 1999), главная героиня которого, Маргарита Доблингер, казалось бы, полностью соответствует идеальному для постфеминистского, неолиберального времени типу женщины, совмещающему в себе образ привлекательной, успешной деловой женщины и супер-матери, но в то же время воспроизводит традиционный образ женщины-жертвы. Основная сюжетная линия романа связана с поездкой Маргариты в Америку для сбора материала для биографической книги об Анне Малер и завершается отказом героини от любых попыток написать биографию («Писать биографию остается делом весьма самонадеянным») [33]. Тем не менее, в этом романе о «невозможности биографии» постепенно выкладывается неким мозаичным узором (из свидетельств знакомых, близких и друзей, размышлений самого биографа, Маргариты, и даже из биографических лакун) история женщины, строившей свой жизненный сценарий в противовес изначально ей заданному. Анна, дочь знаменитого композитора Густава Малера, и сама высокоодаренная музыкантша, отказывается от музыки как жизненного призвания и становится скульптором. Так же решительно она отказывается от «диктата женственности» (Weiblichkeitszwang), которому подчиняется ее мать, Альма Малер-Верфель, не менее знаменитая «роковая женщина» венского модерна. И все же ее творческая судьба оказывается в зависимости от «бытия женщиной» (Frausein), ограничивающего ее возможности. Маргарита, ее неудавшийся биограф, отзывается о творческом наследии Анны Малер как о «копировании» («Ничего своего») [3, с. 312]. При этом попытки объяснить себе причины подобной внутренней несвободы, закрепощенности женщины-скульптора («Это – революция консерватизма. Возвращение к классике. Почему Анна Малер не создала ничего нового?») [3, с. 220] имеют явно гендерное измерение, поскольку Маргарита задумывается над этим, когда рассматривает местную достопримечательность, творение итальянского плиточника Симона Родиа, который в течение 25 лет создавал некое странное сооружение («Башни были абсолютной бессмыслицей» [3, с. 311], известное под названием «Уоттс-Тауэрс» (“Watts Towers”) и вошедшее во все путеводители по Лос-Анджелесу, и получил, в конечном счете, признание потомков (Nachwelt), в котором было отказано профессиональному скульптору Анне Малер. В истории Анны Малер Маргарите открывается ее собственная ситуация – ситуация жертвы, обусловленная «плохими исходными данными», воспитанием девочек, представляющим собой «[м]ешанин[у] из разных воспитательных метод. Барочно-религиозный фашизм»: «Стоит только на минуту расслабиться, как начинаются поучения. Лишают воли, тянут назад.» [3, с. 314]. Американское путешествие Маргариты Доблингер открывает для нее пространство саморефлексии, возможности осознать «вечную неопределенность» [“eine ewige Unsicherheit”] [30, S. 354] как стратегию противостояния давлению гендерного габитуса или, следуя определению Пьера Бурдьё, как «настоящую работу анти-дрессуры» [9, S. 220].

Тематизация насилия в «новой женской литературе» обнаруживает определенную смену перспективы изображения: от «архаических» форм прямого насилия против женщин (впервые детабуизированного и скандализированного в женской литературе 70-х годов) к «скрытым», «мягким» [8, S. 218] формам символического насилия, преобладающим в критической рефлексии «постфеминистской» литературы конца 80-х – 90-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё, П. Мужское господство: пер. с фр. / П. Бурдьё // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетей; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 286–364.
2. Галтунг, Й. Культурное насилие // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 8. – М.: Центр конфликтологии, 1995. – С. 34–55.
3. Штреерувиц, М. Без нее. Путевые заметки: Роман / Пер. с нем. Е. М. Крепак / М. Штреерувиц. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2004.
4. Bachmann, I. Der Fall Franza / I. Bachmann // Bachmann, Ingeborg: Ausgewählte Werke in drei Bänden. Bd. III. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. – S. 360–490.
5. Bachmann, I. Malina / I. Bachmann // Bachmann, Ingeborg: Ausgewählte Werke in drei Bänden. Bd. III. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. – S. 7–320.
6. Bachmann, I. Vorrede zu *Der Fall Franza* / I. Bachmann // Bachmann, Ingeborg: Ausgewählte Werke in drei Bänden. Bd. III. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. – S. 357–359.
7. Böhlke, E. Freiwillige Knechtschaft der Frauen? / E. Böhlke // Böhlke, E. (Hg.): Freiheit, Gleichheit und Geschwisterlichkeit: Beauvoir und die Befreiung der Frauen von männlicher Vorherrschaft. – Berlin: Dietz Verlag. – S. 624–634.
8. Bourdieu, P. Eine sanfte Gewalt. Pierre Bourdieu im Gespräch mit Irene Dölling und Margarete Steinrücke / P. Bourdieu // Dölling, I.; Kraus, B. (Hrsg.). Ein alltägliches Spiel. Geschlechterkonstruktionen in der sozialen Praxis. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.

9. Bourdieu, P. Meditationen. Zur Kritik der scholastischen Vernunft / P. Bourdieu. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2001.
10. Butler, J. Variationen zum Thema Sex und Geschlecht: Beauvoir, Wittig, u. Foucault / J. Butler // Nunner-Winkler, G. (Hrsg.): Weibliche Moral: Die Kontroverse um eine Geschlechtsspezifische Ethik. – Frankfurt / New York: Campus, 1991. – S. 56–76.
11. Fliedl, K. Marlen Haushofer / K. Fliedl // Steinecke, H. (Hrsg.): Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts. – Berlin: Erich Schmidt, 1994. – S. 624–634.
12. Fliethmann, R. Weibliche Bildungsromane: *genderbewusste Literaturdidaktik im Englischunterricht* / R. Fliethmann. – Tübingen: Narr, 2002. – 332 S.
13. Frischmuth, B. Die Klosterschule / B. Frischmuth. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 1992. [1968]. – 89 S.
14. Galtung, J. Gewalt, Frieden und Friedensforschung / J. Galtung // Senghaas, D. (Hg.): Kritische Friedensforschung. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971. – S. 55–104.
15. Galtung, J. Kulturelle Gewalt / J. Galtung // Galtung, J. Frieden mit friedlichen Mitteln. Friede und Konflikt, Entwicklung und Kultur. Opladen: Leske+Budrich (= Friedens- und Konfliktforschung 4), 1998. [1990]. – S. 341–366.
16. Galtung, J. Strukturelle Gewalt / J. Galtung // Beiträge zur Friedens- und Konfliktforschung. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1975.
17. Gerhard, U. Frauenbewegung und Feminismus: eine Geschichte seit 1789 / U. Gerhard. – München: Verlag C.H.Beck, 2009. – 125 S.
18. Günther, K. Einleitung / K. Günther // Lüderssen, K. (Hrsg.): Aufgeklärte Kriminalpolitik oder Kampf gegen das Böse? Band II: Neue Phänomene der Gewalt. – Baden-Baden: Nomos, 1998, S. 7–26.
19. Haushofer, M. Die Mansarde / M. Haushofer. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1992 (claasen Verlag 1984). – 200 S.
20. Haushofer, M. Die Wand / M. Haushofer. – Düsseldorf: claasen Verlag, 1983 [1968]. – 276 S.
21. Koschel, Ch. Ingeborg Bachmann: Wir müssen wahre Sätze finden. Gespräche und Interviews // Ch. Koschel; I. von Weidenbaum (Hrsg.). – München: Piper, 1983. – 164 S.
22. Mitgutsch, W. A. Die Züchtigung / W. A. Mitgutsch. – München: dtv, 1991 [1985].
23. Moser, S. Freiheit und Anerkennung bei Simone de Beauvoir / S. Moser. – Tübingen: edition diskord, 2002. – 256 S.
24. Sauter, J.-H. Interviews mit Barbara Frischmuth, Elfriede Jelinek, Michael Scharang / J.-H. Sauter // Weimarer Beiträge. – 1981. – Jg. 27, № 6. – S. 99–128.
25. Schäfer, A. Der Gewaltbegriff in der Frauenbewegung / A. Schäfer // Doormann, L. (Hrsg.): Keiner schiebt uns weg. Zwischenbilanz der Frauenbewegung in der Bundesrepublik. – Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 1979. – S. 176–180.
26. Schlinsog, E. Berliner Zufälle: Ingeborg Bachmanns “Todesarten”-Projekt / E. Schlinsog. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. – 248 S.
27. Schomacher, E. Freiräume? Über die Frage nach weiblicher Emanzipation und Rebellion in den jüdischen Berliner Salons der Frühromantik 1780 – 1806 / E. Schomacher. – München: GRIN Verlag, 2007. – 22 S.
28. Schutting, J. Gralslicht. Ein Theater-Libretto / J. Schutting. – Salzburg, Wien: Residenz, 1994.
29. Stefan, V. Häutungen / V. Stefan. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1994 [München: Verlag Frauenoffensive, 1975]. – 128 S.
30. Stephan, I. Frauenliteratur ohne Tradition? Neun Autorinnenporträts / I. Stephan, R. Venske, S. Weigel (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1987. – 286 S.
31. Streeruwitz, M. Nachwelt. Ein Reisebericht / M. Streeruwitz. – Frankfurt a.M.: Fischer Verlag, 1999.
32. Thürmer-Rohr, Ch. Mittäterschaft von Frauen: Die Komplizenschaft mit der Unterdrückung / Ch. Thürmer-Rohr // Becker, Ruth / Kortendiek, Ruth (Hg): Handbuch Frauen- und Geschlechterforschung. Theorie, Methoden, Empirie. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. – S. 85–90.
33. Kaindlstorfer, G. “Isabel Allende produziert politischen Stillstand”: Marlene Streeruwitz über ihren Roman “Nachwelt”, den Feminismus der späten Neunziger Jahre und ihr Verhältnis zu Barbie-Puppen / G. Kaindlstorfer // Der Standard, Wien, 25.09.1999. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kaindlstorfer.at/index.php?id=236>.
34. Kruppl, D. Zornige junge Frauen / D. Kruppl // Der Standard, Wien, 21.2.2004. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://derstandard.at/1576891/Zornige-junge-Frauen>.

Материал поступил в редакцию 01.07.16.

THE THEME OF VIOLENCE IN THE NEW WOMEN'S WRITING IN AUSTRIA

Z.A. Mardanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Senior Researcher of the Department of Traditional Culture and Folklore
North Ossetian State University,

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia – Alania (Vladikavkaz), Russia

Abstract. *Violence is a key theme in the literary texts that have been created in the context of the second-wave feminism and united under the name of New Women's Writing by its anti-patriarchal message. But the theme of violence had already been raised even before the feminist movement of the 1970s, in the work of such iconic figures of women's literary tradition as Ingeborg Bachmann and Marlene Haushofer. This article traces a change of perspective in the thematization of the issue: from an archaic form of direct violence to invisible forms of symbolic violence.*

Keywords: *Verena Stefan, Ingeborg Bachmann, Marlene Haushofer, Waltraud Anna Mitgutsch, Barbara Frischmuth, Vali Export, Marlene Streeruwitz, “the Triangle of Violence” by Johan Galtung.*

Literary Theory. Textology
Теория литературы. Текстология

УДК 801.733

**ПОЛЕ ИМПЕРСОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РОМАНАХ
ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» И ГЕССЕ «СТЕПНОЙ ВОЛК»**

Л.Ю. Григорьева, старший преподаватель
Дальневосточный Федеральный Университет (Владивосток), Россия

***Аннотация.** В данной статье приведены результаты дискурс-анализа значений лично-значимых переживаний, объединенных общим семантическим полем значений «имперсональности». Имперсональность представляется нами как внеличностное основание сущности человека, как имплицитный характер социальных связей между личностью и Другим, как нарождающаяся конфигурация формирующейся социальности. «Полифоничность» произведений Ф. М. Достоевского «достраивает» рациональную классическую логику теории социологии, психологии и философии.*

***Ключевые слова:** имперсональность, диалог, идеал, маска, архетип Шута, раздвоенность.*

*«Вы замечаете то, чего другие никогда не заметят. С вами поговорить бы можно,
но ... лучше не говорить!»
Достоевский, Ф. Идиот (1867 – 1869) [6, с. 132]*

Тема имперсональности представлена в ряде теоретических дискурсов. В литературоведении – как одушевление природного мира, в психоаналитических дискурсах – как метафора «объективно» действующей силы в произведениях искусства [14, с. 280], в философских – как переживания трансцендентного, но имеющего характер чувственного, неабстрактного [5, с. 99].

«Языковые единицы с семантикой имперсональности выступают в славянских языках одним из средств характеристики состояния субъекта и опосредованно отражают его внутренний мир» [17].

Парадоксальность великих произведений культуры состоит в том, что «текст, представляющий собой наибольшую культурную ценность, передача которого должна быть высоко гарантирована, оказывается наименее приспособленным для передачи» [8, с. 607], необходимы сознательные усилия возможности коммуникации – как между произведениями, между культурами, так и во временных измерениях прошлого – настоящего – будущего. Для читателя двадцать первого века суть романа «Идиот» представляет собой ещё и попытку найти выход для человека, казалось бы, обладающего этическим, идеалистическим характером, из социальной ситуации, формирующей это сумасшествие.

Именно благодаря коммуникативному парадоксу формируются потенциалы формирования новых смыслов, культурные механизмы «выступают в той же роли, что и творческое сознание мыслящего индивида» [там же]. Но культура станет мёртвым хранилищем базы данных (Ж. Бодрийяр), законсервированных значений в отсутствие живой рефлексии «по поводу», в отсутствие актуальности. Тема «сумасшествия» объединяется в единое концептуальное пространство, характерное и актуальное в XXI веке даже более, чем в XIX или XX веке. На иррациональном, чувственном уровне регистрируется обилие фактов сумасшествия современных сообществ и современного человека, формирования и перманентной трансформации массового сознания в виде таких качеств, как «фрагментарность», «мозаичность», «клиповость», «подвижность».

Вполне возможно поставить и вопрос о том, что «не литература воспроизводит жизнь, а жизнь стремится воссоздать литературу» [9, с. 49]. Произведения сами порождают смысловые ассоциации, обнаруживают разрывы в переживаниях читателя и, таким образом, вступают в диалог в пространстве экзистенциальных значений и вечных повторяющихся динамик.

Литературная форма является, по своей сути, диалогом: диалог Автора с Читателем; диалоги персонажей. Отношения между Автором и персонажем романа в творческом процессе создания произведения М. М. Бахтин называет «онтологической поэтикой» – «само бытие в герое хочет развиваться по своим собственным имманентным законам, а не подчиняться воле автора» [2, с. 159]. Внутренняя речь героя, его размышления – казалось бы, монолог. Но прислушайтесь – различные позиции и высказывания, взвешенное распределение и достижение некоторого согласия и, затем, принятие решения – перед нами проявляется диалогическая природа Человека и Культуры.

Достоевский Ф. М. пишет свой роман «Идиот» в период с 1867-го по 1869-й год. В эссе «Достоевский» (1925) Г. Гессе пишет: «Достоевского надобно читать, когда у нас горе, когда мы уже пострадали, дошли до предела и, кажется, больше страдать не можем, когда вся жизнь становится для нас глубокой, жгучей, пылающей раной, и горло сжимает отчаяние, и мы уже мертвы, ибо лишились последних надежд. Когда мы, одинокие и бессильные в своем горе, как бы со стороны взирая на жизнь, уже не постигаем её неистовой, прекрасной жестокости и уже ничего от неё не ждём, вот тогда мы способны внимать музыке этого страшного и великолепно-го писателя» [3, с. 288–289].

подавляющее большинство персонажей Достоевского выражают аморальные суждения и криминальное преступное поведение, в их характере вряд ли можно определить соотношение социального и морального здоровья. Именно мерцание этой границы и порождает ощущение стагнации и безвыходности на всех социальных уровнях: элиты, интеллигенции, народа.

Континуум «сумасшедших» персонажей в творчестве Достоевского так разнообразен и велик, что волей-неволей возникает чувство обречённости развития человеческого сообщества. Главный герой романа «Идиот» – Лев Николаевич Мышкин – находится вне вышеупомянутого континуума, но по определению окружающих его персонажей он – «идиот», «дурак», «сумасшедший», что часто сообщается ему прямо в лицо. Некоторые критики считают, что в образе Мышкина автор воплотил своё Альтер-Эго. Согласимся, что Достоевский как никто знает состояние помрачения сознания, эпилептического приступа.

Теме психопатологии Ф. М. Достоевского посвящены многие работы, в том числе сочинения З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство», исследование А. Пекуровской [11]. Современник писателя Н. Н. Страхов пишет: «Достоевский, создавая свои лица по своему образу и подобию, написал множество полупомешанных и больных людей и был твердо уверен, что списывает с действительности» [там же, с. 479].

В данной статье объектом дискурсивного исследования являются только действия литературных персонажей, их типологические качества и свойства, предметом исследования – поле значений, характеризующих имперсональность. За пределами исследования остаются психоаналитическая и психобиографическая сферы происхождения произведения и психологических механизмов писательских мотиваций авторов.

Логика рассуждения направлена на выявление значимого в достижении идеального этического поведения в ситуации, где оно невозможно, или в преодолении личностного кризиса главного героя литературного произведения. Так или иначе, речь идёт о границах и балансе внутреннего и внешнего, личностного и социального, идеального и реального, а также о состояниях перехода этой границы. Таким образом, предметом нашего размышления в первой части становится поле имперсональных значений характеристик персонажа романа «Идиот». Во второй части – предметом исследования становятся рефлексивные способы отношений к архетипическому содержанию и формирование социальных способов взаимодействия человека с позиций имперсонального уровня. Здесь исследовательское поле – роман Г. Гессе «Степной волк» и его главный персонаж. Имперсональное понимается нами как надличностные свойства и установки, проявляющиеся в результате психологической и духовной зрелости в социальных взаимодействиях человека.

Главный герой «Идиота» – Лев Мышкин – задумывается Ф. М. Достоевским как «Князь – Христос», воплощение идеала «положительного прекрасного». Творческая интуиция Ф. Достоевского экспериментирует, пытается создать образ «идеала человека», способного совмещать высокие этические идеалы и одновременно могущего адекватно взаимодействовать с ближним социальным окружением, образ, которого раньше в литературе реализма не существовало. Известно, что Ф. М. Достоевский был арестован в 1849 г. в связи с «делом Петрашевского». Суд признал его «одним из важнейших преступников» и приговорил к смертной казни (22 декабря 1849). Исполнение приговора было обставлено как инсценировка казни. Один из приговорённых к казни по «делу Петрашевского», Николай Григорьев, сошёл с ума. Можно предположить, что автор «Идиота» последовательно распределяет (расщепляет) состояние человека в момент казни во времени и пространстве литературного произведения, где все персонажи воссоздают взаимодействие разных частей личностей (субличностей) Автора. «С этой минуты начался **настоющий** Достоевский», – пишет Г. Померанц (выделение шрифтом Г. Померанца) [12, с. 10]. Рассказ князя Мышкина о смертной казни ещё малознакомым людям, повторенный дважды, в начале романа формирует контекст и дальнейшее понимание происходящего в романе. Образ-воспоминание увиденного не поглощается сознанием Мышкина.

Как можно представить князя Мышкина жизнеспособным в ситуации двойных порядков и недоговорённостей? С позицией открытости любому мнению, одновременной любви-жалости-понимания к двум женщинам и необходимости делать выбор самому? Жить, обладая высокими духовными ценностями и кругозором, многократно превышающим «норму», принятую в обществе? Приехавший в петербургское общество из иного мира, с единственным статусом – вылечившегося «идиота» – он так и остался с этим статусом, несмотря на наследство, почти до самого окончания романа. В его мире – каждый человек самоценен, независимо от его добродетелей или их отсутствия. Положение персонажа – раздражает, но является катализатором прояснений, срывания масок, лицемерия, а благодущие героя притягивает в его окружение разных людей любого социального статуса. Мышкин является *зеркалом*, пройти мимо которого невозможно, а долго смотреть – опасно, поэтому и возникает раздражение. Он способен выслушать фальсификацию и посочувствовать заблуждениям, он действует по божественным заповедям. Он простодушен, но не прост; он наивен, но не глуп. Именно эти качества персонажа позволяют нам дифференцировать персонификации «юродивый» и «шут». «В древней Руси

только юродивый мог сказать: «не могу молиться за царя-ирода» [там же, с. 19], а что сказал бы в этом случае Мышкин? ... Его ответ – не безумство блаженного, не разрушение социального насилия (словесным), это – максимальное напряжение, доводящее до приступа помешательства, это попытка остаться человеком для всех – найти выход, не разрушая старое социальное. «Эпизоды сумасшествия, безумного поведения – именно безумного, а не глупого, то есть обладающего определённой сверхчеловеческой осмысленностью и одновременно требующего сверхчеловеческих деяний, – достаточно широко встречается в литературе. Что же касается бытового поведения, то в нем они реализуются как некоторый недостижимый идеал», – рассуждает Ю. Лотман [9, с. 44] о значениях сумасшедшего в литературном произведении. Но положение «идиота» Ф. М. Достоевского, который пытается достаточно успешно поддерживать социальность, с одной стороны, осознаёт своё психическое состояние и то, как его воспринимают окружающие, с другой стороны, – вносит в уже сформированную аналитику темы «сумасшедший» нечто совсем новое.

«Шут», «дурак», «сумасшедший» ... представляют отражение устройства социального функционирования, в литературном творчестве – кристаллизуются в своих качествах, дистанцируются от других типажей. Введение в повествование романа фигур шута или дурака, по мнению М. М. Бахтина, формирует: 1) «очень существенную связь <...> с площадной зрелищной маской»; 2) «само бытие этих фигур имеет не прямое, а переносное значение, <...> нельзя понимать буквально, *они не есть то, чем они являются*»; 3) «их бытие является отражением какого-то другого бытия» [1, с. 88]. Достоевский же воплощает в Мышкине смутные настроения поиска жизненных ориентиров текущего времени и идеалы христианства. Главный персонаж «Идиота» гораздо ближе по содержательным и поведенческим признакам к Шуту. (Фердыщенко открыто признаёт себя шутком, он говорит обществу: «я выпросил позволения говорить правду, так как всем известно, что правду говорят только те, у кого нет остроумия»). Является ли он персонификацией Шута? Шуту, который добровольно и ответственно выполняет функции проявления скрываемого, предоставления своего тела и ума как констатации незавершённости, парадоксальности природы человека. Если функцией юродивого становится осуществление связей настоящее – прошлое, профанное – сакральное вплоть до универсального смешения, то у «шута» актуализируется связь настоящее – будущее, а ментальные связи профанное – сакральное поляризуются, расслаиваются и, более того, начинают рефлектировать (отражаться друг от друга) на некотором ментальном расстоянии: *«они не есть то, чем они являются»* (М. Бахтин).

«Достоевский, введя юродство в роман, нашёл стихийный читательский отклик. Это не было чисто эстетическим обогащением романа. Поиски Достоевского перекликались с духовными поисками Кьёркегора, с попытками вернуться к открытым вопросам Иова, с пониманием христианства без хрестоматийного глянца ...» – считает Г. Померанц, [12, с. 19] и тем самым приписывает сознательное конструирование персонажа «князь Мышкин» как фигуры юродивого, обнаруживая разрыв эстетической и смысловой форм в романе. Отметим здесь расхождение позиций М. Бахтина и Г. Померанца: «Юродство одна из форм карнавального, смехового сознания, «эстетизм с обратным знаком» (М. Бахтин). «Подлинное юродство не имеет с эстетизмом ничего общего. <...> когда разум не принимает сторону рабства, свобода становится юродством. Когда разум не принимает откровение духа, дух юродствует» [там же].

Таким образом, «юродство» (по мнению Г. Померанца), фигуры «шут», «дурак», «сумасшедший» воплощают некую другую форму актуализации социальности, или достраивания существующей социальности. И вместе с этим становится очевидным, что сами эти прототипы занимают друг относительно друга собственное место – как в культурно-историческом измерении, так и в пространстве индивидуального взросления. Отношение персонажа «князь Мышкин» к своему статусу и положению в обществе схоже с отношением к маске. Это не та маска в «обществе спектакля», сформулированном гораздо позже Ги Дебором. «Маски эти не выдуманные, имеющие глубочайшие народные корни, связанные с народом освящёнными привилегиями *непричастности* жизни самого шута и *неприкосновенности* шутовского слова ...», – пишет Бахтин (выделено курсивом М. Бахтиным) [1, с. 90]. Отсутствие (разрушение) возможности установить определяющую для себя жизнеспособную идентификацию – «Я устанавливается не столько через зов, сколько через отклик Другого» [13, с. 121], – высвечивает ту сущность безумного поведения, которая представляется как граница, а литературный персонаж как маска, определяющая границы социального и асоциального мира.

Многие исследователи творчества Достоевского считают, что главный герой «Идиота» – Мышкин – является иллюстрацией архетипа Шута. Глубинная мудрость этого архетипа обнаруживает «высшего божественного Шута». Именно к этому воплощению архетипа наиболее близок персонаж Достоевского – князь Мышкин. В этом смысле С. Жижек называет силу поведения апостола Павла подобной «высшему божественному Шуту». «Это означает, когда я слаб и смешон, когда надо мной издеваются и смеются, я тождественен Христу, над которым издевались и смеялись, – Христу, высшему божественному Шуту, лишённому всякого величия и достоинства... (апостол) Павел видит, что ЛЖЕапостолы могущественны, они относятся к себе всерьёз, так что единственный способ поведения истинного апостола – высмеять себя, словно шута» [7, с. 161].

Наложение темы «сумасшедшего» человека, описанной Ф. М. Достоевским в «Идиоте», и темы поиска личностной гармонии человека в период экзистенциального кризиса европейца в творчестве Г. Гессе высвечивает в обеих темах новые, неожиданные грани. Написанные в разные культурно-исторические периоды европейской истории роман «Идиот» и роман «Степной Волк» свидетельствуют о периоде зрелости авторов и откровения «Я» авторов к многозначности, многослойности жизни, её парадоксальности.

Подобно диалогам между персонажами романа, диалогу Автора с Читателем, – Гессе продолжает диалог с Достоевским.

Эссе Г. Гессе «Размышления о романе “Идиот”», 1919 сосредоточено на амбивалентной природе главного персонажа: «... жизнь этого “идиота” невозможна в мире других людей»: «Он видит совершенно другую реальность, он рассчитывает на неё, ожидает ее воплощения, он становится врагом всех прочих людей», «... Ему не только являлись замечательные и важные мысли и озарения – однажды, вернее несколько раз, он стоял на той магической грани, где приемлешь всё, где истинна не только самая неожиданная мысль, но и любая её противоположность» [3, с. 296, с. 297].

Сравнение поведения Льва Мышкина – «идиота» – с Иисусом Христом происходит часто. Именно с этого сравнения начинается своё эссе Г. Гессе: «с Иисусом можно сравнить каждого человека, коль скоро его озаряет магическая истина и он, уже не разделяя свое бытие и мысль, становится одиноким среди своих близких и противником других людей» [там же, с. 292]. И, пытаясь уйти от навязчивого сравнения, Гессе всё же констатирует наличие двойной мысли – воспоминания. Иисус «предстаёт мне в Гефсиманском саду испивающим последнюю чашу одиночества...» [там же, с. 293–294].

Дальнейшее углубление и усложнение рассуждений Г. Гессе воплощает в романе «Степной волк». В 1926 году Г. Гессе начинает работать над написанием «Степного волка» и в год своего пятидесятилетия публикует этот роман.

Главный герой Г. Гессе Гарри находится в духовном кризисе и устремлен к поиску гармоничного взаимодействия человека с миром, с самим собой в современной ситуации развития индивидуальности: «он становился все независимее ..., и он погибал от своей независимости». Гарри, как и князь Мышкин, «многим нравился, <...> но сближаться с ним никто не сближался, единенья не возникало нигде».

Привычная метафора двойственности человеческой и животной части человека подвергаются сомнению: «... это грубое упрощение, это насилие над действительностью ради доходчивого, но неверного объяснения противоречий...», «и если <...> забрезжит чувство их многосложности и <...> ощутят свою неоднозначность, ощутят себя клубком из множества «я», то стоит лишь им заикнуться об этом, как большинство ... призовёт на помощь науку, констатирует шизофрению и защитит человечество от необходимости внимать голосу правды...», «“я”, даже самое наивное, – это не единство, а многосложнейший мир, это маленькое звездное небо, хаос форм, ступеней и состояний и возможностей». «Гарри вдвойне обманывает себя, <...> он относит уже к “человеку” целые области своей души, которым до человека ещё далеко, а к волку такие части своей природы, которые давно преодолели волка».

Выстраивается совершенно иная визуализация внутреннего мира: зеркальные многочисленные отражения; разыгрывание шахматных партий субличностей (архетипов).

Писатель опять возвращает нас в Гефсиманский сад. «Чувство, что “человек” ... есть требование Духа, ... ценой ужасных муки экстазов, те редкие одиночки, которых сегодня ждёт эшафот, а завтра памятник», «умение умирать, сбрасывать оболочку, вечно поступаться своим “Я” ради перемен ведет к бессмертию». Величие самоотдачи, готовность к страданиям – это и есть способность «становиться человеком», способность «к одиночеству Гефсиманского сада» [4, с. 34].

Гессе в романе «Степной волк» предпринимает творческую реализацию вопроса, сформулированного им в 1925 году: «Мы чувствуем, что образ Мышкина и все подобные фигуры <...> воплощают необходимость: “Через это мы должны пройти, это наша судьба!” <...> Будущее неясно, но путь, указанный Достоевским, имеет только один смысл: новая психологическая установка. Этот путь ведёт через Мышкина, он требует “магического” мышления, принятия хаоса. <...> отыскать новые ориентиры и, вернувшись к корням нашего бытия, пробудить в себе давно забытые инстинкты и открыть новые возможности развития, чтобы предпринять новое сотворение мира, его оценку и разделение» [3, с. 299].

Литературное произведение, созданное гением, отражает реальное и идеальное, возможное и невозможное будущее. И как живописно созданный текст, литературный текст содержит тонкие нюансы, игнорируемые официальной психологической, социальной или философской наукой.

До тех пор, пока «соединение противоположностей» будет «мыслиться лишь в форме их уничтожения» [14, с. 86], до тех пор человечество будет нести свою расплату в виде сумасшествия некоторой части людей, возрастания терроризма, преступности, наркомании. Осуществляется правило – **«если внутренняя ситуация не осознаётся, то она свершается как внешняя судьба, или, иначе говоря, если человек не меняется, не осознавая собственной внутренней противоречивости, то миру приходится представлять его конфликт вовне, раскалываясь на две половинки»** [там же, с. 87].

Достоевский впервые показал актуализацию кризисных состояний и намерения разрешения их ненастоящим способом.

Имперсональное, представленное в литературных типажах «сумасшедший», «дурак», «юродивый» и «шут», в процессе нашего исследования обнаруживает стратегии обращения к первоосновам бытия, где Природа и Дух рождают постоянные «двойные мысли»: здесь мы находим и растворение в архетипических переживаниях, и доминирование «дурацких» установок и паттернов, и «детскую непосредственность» юродивого, и рискованное поведение «шута».

«Власть» Достоевского над своим персонажем Львом Мышкиным не смогла осуществиться. Герой и его «правда бытия» оказались многократно сильнее жизненной реальности. Невозможность совместить высокие

этические императивы супер-Эго в социальном пространстве без насилия и упрощения взгляда на мир приводит Льва Мышкина к разрушению Эго. Попытки помыслить воплощение христианского Идеала и его трагичность – основа развития европейской культуры и цивилизации. Творчество Ф. М. Достоевского стало благодатной почвой для читателей и исследователей человеческого Духа, среди которых – философы, писатели. Позже сомнения и интуиции Ф. М. Достоевского реализовались в концепциях анти-иерархического персонализма Н. Бердяева, философской антропологии М. Шелера, в радикализованной философии Сл. Жижека и др. Интерес к проблематике Авторского творчества, побудивший к исследованию, предпринятому нами в данной статье, открывает дорогу к пониманию процессов сознания, свободы воли – в целом отражает поиски новой парадигмы когнитивистики (по мнению Т. В. Черниговской, представление о свойствах психической системы как вычислительной или компьютерной метафоры не соответствует экспериментальным данным [16, с. 21]), философии сознания, культурной антропологии. Внимание к значениям имперсональности в романах «Идиот» Достоевского и «Степной волк» Гессе углубляет проблематику социально-философского дискурса о творческом преобразении социального, месте и действии феномена имперсонального характера [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 11–193.
2. Бонецкая, Н. К. М. Бахтин в двадцатые годы / Н. К. Бонецкая // Михаил Бахтин: pro et contra. Том II. – СПб.: РХГИ, 2002. – 712 с. – С. 132–201.
3. Гессе, Г. Достоевский / Г. Гессе // Магия книги: Эссе о литературе. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Изд-во К. Тублина», 2010. – 336 с. – С. 288–334.
4. Гессе, Г. Степной волк / Пер. с нем. С. Апт / Г. Гессе. – М.: АСТ, 2008. – 272 с.
5. Григорьева, Л. Ю. Практики игрофикации в массмедиа: сопряженность персонального и имперсонального / Л. Ю. Григорьева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (24). – С. 92–102.
6. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 670 с.
7. Жижек, С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2009. – 336 с.
8. Лотман, Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2010. – 704 с. – С. 603–614.
9. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2010. – 704 с. – С. 41–62.
10. Лотман, Ю. М. Память культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2010. – 704 с. – С. 614–621.
11. Пекуровская, А. Страсти по Достоевскому: Механизмы желаний сочинителя / А. Пекуровская. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 608 с.
12. Померанц, Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским / Г. Померанц. – М.: Советский писатель, 1990. – 386 с.
13. Штайн, О. А. Маска как форма идентичности: Введение в философию образа / О. А. Штайн. – СПб.: Издательство РХГА, 2012. – 160 с.
14. Юнг, К. Г. Эон: Исследования о символической самости / пер. с нем. В. М. Бакусева / К. Г. Юнг. – М.: Академический Проект, 2009. – 340 с.
15. Grigoryeva, L. Impersonal: new aspects of the social / L. Grigoryeva // Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. Vol. 7. Culture Science, Philosophy, Philology, Art, History and Archeology. – FL, USA, L&L Publishing, 2012. – 243 p. – P. 90–93.
16. Черниговская, Т. В. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть / Т. В. Черниговская // Проблема сознания в философии и науке / Ред. Д. И. Дубровский. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.genlingnw.ru/Staff/Chernigo/publicat/FreeWill.pdf>.
17. Щербаков, А. Ф. Семантико-грамматическая типология средств выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике / А. Ф. Щербаков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2009. – № 8. – С. 13–19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/264/vxaiosbxedsfupdn%20hw.xf_13-19.pdf.

Материал поступил в редакцию 04.07.16.

THE FIELD OF IMPERSONAL MEANINGS IN DOSTOYEVSKY'S "THE IDIOT" AND HESSE'S "STEPPEWOLF"

L.Yu. Grigoryeva, Senior Lecturer
Far Eastern Federal University (Vladivostok), Russia

Abstract. This article presents the findings of discourse analysis of the meanings related to the personally significant experience that are covered under the common semantic field of “impersonality” meanings. From our point of view, impersonality is deemed to be an extra-personal basis of human nature, an implicit character of social relations between a personality and The Other, a nascent configuration of evolving sociality. “The polyphony” of F. M. Dostoyevsky’s works “outfits” classical rational logic of sociology, psychology and philosophy theories.

Keywords: impersonality, dialogue, ideal, mask, jester's archetype, dualism.

УДК 81

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Е.С. Дроздова, аспирант кафедры англистики и межкультурной коммуникации
 ГАОУ ВО «Московский Городской Педагогический Университет», Россия

Аннотация. За последнее время теория терминологии стала предметом дебатов в различных научных кругах. Эта статья исследует проблему концепта, которой посвящены многочисленные дискуссии и споры учёных лингвистической области. В связи с этим в статье прослеживаются этимологические предпосылки данного слова, а затем производится анализ и сравнение взглядов современных учёных, работающих над данной проблемой.

Ключевые слова: лингвистика, когнитивный подход, язык и сознание, концептосфера, концепт.

Известно, что в последнее время **когнитивный подход** является основополагающим в современных лингвистических исследованиях, что позволяет ученым изучить вопрос соотношения языка и сознания, определить роль языка в упорядочении полученных знаний, иными словами, распределить новое знание по существующим категориям восприятия мира в сознании человека. Таким образом, ключевым моментом при данном исследовании является анализ **концептосфер** (термин Д. С. Лихачева) – совокупностей **концептов**.

Необходимо отметить, что достаточно абстрактный характер рассматриваемого явления приводит к тому, что отечественные и зарубежные ученые не приходят к единству в понимании и толковании данного термина.

Так, необходимо проследить предпосылки возникновения термина, проанализировать и сопоставить мнения современных учёных, которые занимаются данным вопросом.

В. З. Демьяненко исследовал употребление концепта, а также проследил эволюцию его семантической структуры в разных языках. Ученый отмечает, что с латыни слово “conceptus” расшифровывается как «зародыш», впоследствии – «зародыш мысли». В итальянском и испанском языках слово “concetto” имеет следующие значения: 1. понятие, представление, суждение, мнение; 2. воззрение, концепция, понимание; 3. замысел, идея, план, проект; 4. репутация; 5. экстравагантный художественный образ, метафора. В немецком языке концепт (Konzept, Konzept, Conzept) семантически определяется как «набросок» или «конспект». И только в 1960-е годы “Konzept” стал обозначать «нечто предварительное, отрывочное, незавершенное... представление о целом мире, лежащее за некоторым понятием и моделирующее истинные понятия человека». В английском языке “concept” – это «понятие, идея, общее представление, концепция» [4, с. 609]. Таким образом, можно сделать вывод, что термин *концепт* во всех языках является чем-то *незавершённым, зачаточным*.

Благодаря трудам Г. Фреге и А. Черча, посвященным математической логике, лингвисты и открыли для себя понятие «концепт». Применение данного слова как термина в нашем языкознании отмечается в статье 1928 года С. А. Аскольдова «Слово и концепт» (журнал «Русская речь»). Однако, не успев войти в постоянное употребление филологами того времени, данный термин на долгое время исчезает из отечественного лингвистического лексикона. Одной из причин данного процесса может являться сходство концепта с широкоупотребляемым термином русского языка «понятие», который в полной мере берет на себя все необходимые лингвистические функции.

З. Д. Попова и И. А. Стернин работали над вопросом определения места концепта в сознании человека и пришли к выводу, что возникает он в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, а точнее, складывается из:

- 1) «его непосредственного сенсорного опыта-восприятия действительности органами чувств;
- 2) предметной деятельности человека;
- 3) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;
- 4) из языкового знания (концепт может быть растолкован человеку в языковой форме);
- 5) из сознательного познания языковых единиц» [8, с. 85].

Только в начале 90-х годов XX столетия благодаря научным трудам Д. С. Лихачева и Ю. С. Степанова концепт, содержание которого включает само понятие с его ассоциативно-образными оценками и представлениями о нём его продуцентов и пользователей, входит в активное употребление лингвистами, становясь ключевым когнитивным звеном категориального аппарата таких наук, как: когнитивная лингвистика, лингвистический концептуализм и лингвокультурология.

Вследствие этого возникают многочисленные и разнообразие научные работы отечественных учёных, которые затрагивают, в той или иной степени, вопрос понятия «концепт» (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов). Исследователи работают над классификацией / типологией концептов (Д. С. Лихачев, А. П. Бабушкин), рассматривают их соотношения с полисемантическими языковыми единицами (Д. С. Лихачев), раскрывают облигатность или факультативность вербализации концептов (Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик), предлагают методы их изучения (Ю. С. Степанов, З. Д. Попова, И. А. Стернин и другие).

С. А. Аскольдов является одним из первых отечественных лингвистов, которые заинтересовались данным термином. В статье «Концепт и слово» учёный определяет его как «мысленное образование, которое вмещает в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий, мыслительных действий одного и того же рода» [1, с. 267].

Примерно в это же время Д. С. Лихачев обращается к понятию концепта с целью обозначения «обобщённой мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка» и является своего рода «обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, которое позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов». Д. С. Лихачев считает, что концепт «не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего» [7, с. 3]. Одним словом, концепт несет на себе заместительную функцию в языковом общении.

Е. С. Кубрякова даёт следующее определение концепту: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [6, с. 90].

Интересное определение данному термину предлагает В. И. Карасик, он характеризует его как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [5, с. 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [5, с. 71], «фрагмент жизненного опыта человека» [5, с. 3], «переживаемая информация» [5, с. 128], «квант переживаемого знания» [5, с. 361].

По мнению С. Г. Воркачева, концепт – это «операционная единица мысли» [3, с. 43], которую можно определить как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [3, с. 51]. Если «операционная единица мысли» не имеет этнокультурной специфики, она, по мнению учёного, к концептам относиться не будет.

З. Д. Попова и А. А. Стернин предлагают свое определение концепта, которое не схоже с признаками данного понятия, выделяемыми другими исследователями и научными школами. Ученые убеждены, что концепт в большей степени является единицей сознания, а не памяти, так как он способствует процессу мышления. Они также полагают, что концепт не всегда будет отражаться в языке. Это говорит о том, что множество концептов, не имеющих устойчивого названия, однако, несомненно, несут на себе концептуальный статус.

Проанализировав различные дефиниции понятия «концепт», Ю. Е. Прохоров в монографии «В поисках концепта» выделяет следующие подходы различных исследователей к определению концепта:

- 1) лингвокогнитивное явление (Е. С. Кубрякова);
- 2) психолингвистическое явление (А. А. Залевская);
- 3) абстрактное понятие в науке (А. Б. Соломоник);
- 4) базовая единица культуры (Ю. С. Степанов);
- 5) лингвокультурное явление (В. И. Карасик) [9, с. 20].

Безусловно, абстрактный характер концепта способствует возникновению большого количества различных классификаций (по содержанию и форме выражения, по степени значимости и абстрактности). Очевидно, что природа и функции концептов, их структура и содержание определяют классификацию концептов. В связи с этим необходимо также рассмотреть вопрос о структуре и содержании концепта.

З. Д. Попова, И. А. Стернин выделяют 3 основных компонента структуры концепта: 1) образ; 2) информационное содержание; 3) интерпретационное поле [8, с. 74-80]. Первый компонент включает в себя перцептивные образы, получаемые из окружающей среды при помощи органов чувств, и когнитивные образы – метафорическое осмысление действительности. Информационное содержание включает когнитивные признаки, которые образуют интерпретационное поле – основное информационное содержание концепта.

На основе этого ученые различают: 1) концепт-представление (образ предмета или явления); 2) концепт-схему (график или схема); 3) концепт-понятие, отражающее существенные признаки предмета; 4) концепт-фрейм (совокупность знаний и представлений о предмете); 5) концепт-сценарий (эпизоды с признаками развития); 6) концепт-гештальт (комплексная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании) [8, с. 80].

Анализируя характер и природу ассоциаций, Г. Г. Слышкин говорит о том, что у концепта есть вход («точки приложения воздействий среды»), а также выход («точки, из которых исходят реакции системы, передаваемые среде») [10, с. 60].

Ученые предлагают различные варианты классификаций концептов на основе отражаемой ими информации.

Ученый С. А. Аскольдов делит концепты на два типа: художественные и познавательные. Исследователь объясняет, что слово, «не вызывая никакого «познавательного» представления, понимается и создаёт нечто ... и не вызывая никакого художественного «образа», создаёт художественное представление» [1, с. 268].

По мнению Ю. С. Степанова, концепты бывают научные (парные утверждения) и ненаучные (не подаются парному утверждению) [11, с. 20].

Итак, понятие концепта в лингвистику пришло из философии и логики, но в последние 15 лет оно подвержено постоянной актуализации и переосмыслению. На основе многочисленных определений концепта можно выделить его основные признаки:

- 1) является минимальной единицей человеческого опыта, представленного в виде слова;
- 2) имеет структуру со множеством полей;
- 3) с помощью этой единицы осуществляется обработка, хранение и передача жизненной информации;
- 4) имеет определённые границы и выполняет назначенные функции;
- 5) является социальным явлением;
- 6) имеет культурную коннотацию.

Таким образом, мир в сознании человека отображается посредством концептов, которые могут быть рациональными и эмоциональными, универсальными, этническими, общенациональными и индивидуально-личностными. Образуется концептуальная система, которая раскрывает свое содержание в словах человеческого языка.

Можно сделать вывод, что концепт – это нечто абстрактное и в то же время конкретное, связанное с коллективным сознанием, выражено в языковой форме и имеет этнокультурную коннотацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С. Г. Воркачев. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
4. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 606–622.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
7. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.
8. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
9. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта, 2009. – 176 с.
10. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метапонятия: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.
11. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

Материал поступил в редакцию 30.06.16.

THE NOTION OF CONCEPT IN MODERN LINGUISTICS

E.S. Drozdova, Associate Professor of the Department of English Studies and Intercultural Communication
Moscow City Teacher Training University, Russia

Abstract. *Over the last period of time, the theory of terminology has been a subject of debate in various scientific circles. This article examines the issue of the concept in linguistics which has been widely discussed by linguistic scientists with so much interest lately. The author traces the prerequisites of this word's etymology. Further she analyses and compares the modern scientists' views which deal properly with this particular problem.*

Keywords: *linguistics, cognitive approach, language and consciousness, sphere of concepts, concept.*

UDC 8

LANGUAGE ALTER EGO - THE KEY TO MULTICULTURAL LINGUISTIC PERSONALITIES

E. Matveeva, Master of Arts in “Crossways in Cultural Narratives”, Affiliated Researcher of ‘Galabra’ Investigation Group in Santiago de Compostela, Founder of Amolingua School of Foreign Languages
University of St Andrews, United Kingdom

Abstract. *Being an extract from a dissertation report, this article covers the topic of linguistic and sociocultural studies. The author reviews the recent studies related to language learning in cultural and social contexts, arguing her theory on a language alter ego and its formation during the second language acquisition.*

Keywords: *culture, teaching, multilingual, inter-cultural, personality.*

During the past twenty years, there have been emerging studies on the crossroad of linguistics and psychology. More and more linguists have questioned the connection of language, culture and communication, and their influence on each other in human’s brain. In the following article, we are going to explore the concept of “Language Alter Ego” and the previous studies related to the subject.

For many years, exploring the relationship between cultural context and language development has been largely limited to second language acquisition research, while learning a new language has become equal to learning a new identity (Lightbown and Spada, 2006; Pavlenko and Lantolf, 2000). Language learners have been considered as poor copies of native speakers and defective users of the target language.

Recent studies have acknowledged that language learners are legitimate owners and users of the second language, who perform their own representations of the language and have identities in their own right (Guilherme 2002, Cook 2002, Kramsch 1998). Moreover, learners are regarded from the perspective of the influence that social environment has on their identity processes (Goldstein, 1997; McKay and Wong, 1996; Norton, 2000; Pavlenko and Lantolf, 2000).

Only during the last decade the phenomenon has been acknowledged in psychology (e.g., Hermans & Kempen, 1998; LaFromboise, Coleman, & Gerton, 1993), yet it has been researched empirically only.

However, the study of multicultural identities has implications for the field of behavioural psychology and education (Baumeister, 1986; Phinney, 1999). Having two or more cultures that can be independently manipulated, multicultural individuals give researchers an experimental design ideal for the study of how culture affects behaviour (Hong, Morris, Chiu, & Benet-Martínez, 2000). Moreover, previously identified cross-cultural differences can be replicated in experiments with multicultural individuals (Sanchez-Burks, Lee, Choi, Nisbett, Zhao, & Koo, 2003).

In our paper, we will use the term “personality” instead of “identity”. As we regard “identity” as “a sense of belonging”, while “personality” is considered “a combination of emotional and behavioural responses”.

The studies of Edward Sapir and Benjamin Lee Whorf on linguistic relativity addressed the mystique of the language. They believed that the language reflects the fundamental values of the given culture and at the same time forms them. This idea gave the foundation for the theory of linguistic personality drawn by Karaulov. The linguistic personality was considered as a person, expressed in a language and through a language, a person, reconstructed in his / her main features on the basis of linguistic means. It is development and additional content of the concept of personality at all (Karaulov, 1987). And the language has started to be seen as the site of personality construction of language learners. This approach has challenged the notion that language learners’ personalities are fixed.

Recently learners’ linguistic and cultural personality has been seen as multiple – learners can be members of multiple ethnic, social and cultural communities – contradictory, changing, and permeable over time. Learners cannot only cross the borders between two cultures, but they can re-position themselves and modify their personalities without having to lose their core selves completely while becoming multicultural.

But what is multicultural?

From a psychological point of view, there is no common ground on the definition of multiculturalism. We can suggest, that multicultural individuals are those whose self-label (e.g., “I am multicultural”) or group self-categorisation (e.g., “I am British” and “I am Chinese”; “I am Chinese-British”) reflects their cultural pluralism. More specifically, multiculturalism can be defined as the experience of having been exposed to and having internalised two or more cultures (Hong et al., 2000; Nguyen & Benet-Martínez, 2007). Relatedly, multicultural identity is the condition of having strong attachments with and loyalties toward these different cultures (Benet-Martínez & Haritatos, 2005). But being multicultural does not suggest that a person has developed a strong multicultural linguistic personality.

Various cultural and linguistic theories around a secondary linguistic personality and multicultural linguistic personality were put forward basing on the foundation of linguistic personality (Khaleeva 1987, Galskova 2004, Elizavrova 2005).

Secondary and multicultural linguistic personalities have brought us to the theory of a language alter ego. Our belief is that language learning is determined by social, cultural, political and economic contexts. Language learning

becomes a product of social interactions where diverse social markers such as gender, age, race and other relations of power will have an impact on language acquisition. These ideas about power relations are elaborated at length in Bourdieu's classic study of French society, *Distinction* (1986), in which he shows how the 'social order is progressively inscribed in people's minds' through 'cultural products' including systems of education, language, judgements, values, methods of classification and activities of everyday life (1986: 471). These all lead to an unconscious acceptance of social differences and hierarchies, to 'a sense of one's place' and to behaviours of self-exclusion (ibid: 141).

We can assume that an individual who has been exposed to and has learned more than one language together with its culture is a multicultural and multilingual person, but only when this individual expresses an attachment with and loyalty to these cultures in a certain way of behaviour can we say that the individual has a multicultural linguistic personality.

Hence, language learning occurs through social contacts and each individual's interaction with the world where it is necessary to fit into a social group. And this adaptation depends on the social background and the status of a language learner's culture together with the values of a newly formed community. This may cause tension between two cultures, in other terms, two personalities in one person. The relations of power of two distinct worldviews may create an ambiguous, labyrinthine hybrid of two personalities as a transcultural individual. Such individual rejects his core self and does not fully accept a new framework of values imposed in a new community.

However, there have been studies supporting the idea that individuals can simultaneously hold two or more cultures provided by recent socio-cognitive experimental work showing that bicultural individuals shift between their two cultural orientations in response to cultural cues, a process called "cultural frame-switching" (CFS; Hong et al., 2000; Verkuyten & Pouliasi, 2006)

In order to fully understand the conflict and construction of new personalities in the language learning process, together with looking at the encounter of the two cultures and its conflict, we need to take into account individual's social and cultural backgrounds and how it affects the shaping of a new cultural and language personality.

We should admit that multilingual people may have at least two scenarios of their identity shaping. The first group often succeeds in creating a personality that includes both their first and second cultures, while the second group unconsciously switches to a new linguistic and cultural personality by acculturating and rejecting their former cultural selves in a novel social environment, but this does not imply that they completely reject their core selves. They simply create their language alter egos that manifest themselves in a particular social and cultural context where a behavioural switch is required. This experience is observed during the cultural adaptation processes that take place while acquiring a language and entering into contact with a different community of practice.

To date, language learning has been regarded as a skill divorced from the core self and a learner's linguistic, social and ethnic background. We would like to argue that language learners need to become fully aware of the different cultural and social aspects that influence language learning by investing more than purely cognitive skills in the language learning process and seeking to reposition their linguistic personalities in relation to the speakers of the target language. Only then they will discover their language alter ego.

REFERENCES

1. Baumeister, R. *Identity: Cultural change and the struggle for self* / R. Baumeister. – New York : Oxford University, 1986.
2. Benet-Martínez, V. *Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents* / V. Benet-Martínez, J. Haritatos // *Journal of Personality*, 73, 1015-1050, 2005.
3. Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* / P. Bourdieu. – London, Routledge, 1984.
4. Cook, V. (ed) *Portraits of the L2 User* / V. Cook. – Clevedon, Multilingual Matters, 2002.
5. Elizarova, G. V. *Formirovanie polikulturnoy yazykovoy lichnosti kak trebovanie novoy globalnoy situatsii* / G. V. Elizarova // *Yazykovoe obrazovanie v vuze*. – Sankt-Peterburg, 2005. – S. 8–21.
6. Galskova, N. D. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: lingvodidaktika i metodika* / N. D. Galskova. – Moskva, 2004. – 336 s.
7. Guilherme, M. *The Critical Dimension in Foreign Culture Education*, in *Critical Citizens for an Intercultural World* / M. Guilherme. – Clevedon, Multilingual Matters, 2002.
8. Hong, Y. Y. *Multicultural minds: A dynamic constructivist approach to culture and cognition* / Y. Y. Hong, M. W. Morris, C. Y. Chiu et al. // *American Psychologist*. – 2000, 55, 709-720.
9. Karaulov, Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* / Yu. N. Karaulov. – Moskva, 1987. – 268 s.
10. Khaleeva, I. I. *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi (podgotovka perevodchika)* / I. I. Khaleeva. – Moskva, 1989.
11. Kramersch, C. *The privilege of the intercultural speaker* / C. Kramersch // M. Byram and M. Fleming (eds). *Language Learning in Intercultural Perspective*. – Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
12. LaFromboise, T. *Psychological impact of biculturalism: Evidence and theory* / T. LaFromboise, H. L. Coleman, J. Gerton // *Psychological Bulletin*. – 1993, 114, 395-412.
13. Norton, B. *Changing Perspectives in Good Language Learners* / B. Norton, K. Toohey // *TESOL Quarterly*. – 2001, 35 (2). – P. 307–322
14. Norton, B. *Identity and Language Learning: Gender, Ethnicity, and Educational Change* / B. Norton. – London, Longman, 2000.
15. Pavlenko, A. 'In the world of the tradition, I was unimagined'. *Negotiation of identities in cross-cultural autobiographies* / A. Pavlenko // *The International Journal of Bilingualism*. – 2001, 5 (3). – P. 317–344.

16. Pavlenko, A. Poststructuralist Approaches to the Study of Social Factors in L2 / A. Pavlenko // V. Cook (ed.), 2002, Portraits of the L2 User. – Clevedon, Multilingual Matters. – P. 277–302.
17. Pavlenko, A. Second language learning as participation and the (re)construction of selves / A. Pavlenko, J. P. Lantolf // Lantolf, JP (ed), Sociocultural theory and second language learning. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 155–177.
18. Sanchez-Burks, J. Conversing across cultures: East-West communication styles in work and nonwork contexts / J. Sanchez-Burks, F. Lee, I. Choi et al. // Journal of Personality and Social Psychology. – 2003, 85, 363–372.
19. Sapir, E. Culture, Language and Personality. Selected Essays / E. Sapir. – Ed.: David G. – Mandelbaum, Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1961.
20. Verkuyten, M. Biculturalism and group identification: The mediating role of identification in cultural frame-switching / M. Verkuyten, K. Pouliasi // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2006, 37. – P. 312–326.

Материал поступил в редакцию 10.06.16.

ЯЗЫКОВОЕ АЛЬТЕР ЭГО – КЛЮЧ К МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫМ ЯЗЫКОВЫМ ЛИЧНОСТЯМ

Е. Матвеева, магистр “Crossways in Cultural Narratives”, внештатный сотрудник исследовательской группы ‘Galabra’ при Университете Сантьяго де Компостела, основатель Amolingua – школы иностранных языков и культур Университет Сент Эндрус, Великобритания

***Аннотация.** Базируясь на данных магистерской диссертации, данная статья раскрывает тему, относящуюся к лингвистическим и социокультурным наукам. Автор рассматривает последние исследования в сфере изучения языков в культурных и социальных контекстах, представляя свою теорию о языковом альтер эго и его формировании во время изучения иностранного языка.*

***Ключевые слова:** культура, преподавание, мультиязычный, межкультурный, личность.*

The Russian Language
Русский язык

УДК 371.38

**ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА НАД ОТГЛАГОЛЬНЫМИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
В АУДИТОРИИ БАЗОВОГО И ПЕРВОГО СЕРТИФИКАЦИОННОГО УРОВНЕЙ**

Н.В. Кондрат, ассистент кафедры «Русский язык как иностранный»
Обнинский институт атомной энергетики – филиал ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются отглагольные существительные со значением процессуального признака (процесс действия) и способы их образования в объёме, необходимом иностранным студентам инженерно-технического и естественнонаучного профилей при изучении научного стиля речи на подготовительном факультете на базовом и первом сертификационном уровнях. В статье предлагается классификация существительных по словообразовательным моделям и система практических заданий, позволяющая наиболее эффективно усвоить данные модели.*

***Ключевые слова:** отглагольные существительные, научный стиль, значение процесса, русский язык, практические упражнения.*

Программа подготовительного факультета для иностранных студентов предполагает не только овладение языком повседневного общения в социально-бытовой и культурной сферах, но и усвоение особенностей научного стиля речи. Студентам, обучающимся на русском языке, необходимо уметь применять его как инструмент общения в профессиональной сфере.

Научный стиль речи обслуживает сферу науки и обладает рядом характерных черт, таких как точность выражения мысли, логичность, объективность и обобщенность. Специфика научного стиля речи проявляется также в отборе языковых средств. В частности, можно отметить, что одной из черт научного стиля речи является широкое использование отглагольных существительных. В связи с этим существительные, мотивированные глаголами, являются необходимым лексическим материалом, который должен быть освоен студентами-иностранцами инженерно-технического и естественнонаучного профилей.

Отглагольные существительные могут образовываться от глаголов несовершенного и совершенного вида присоединением ряда суффиксов или усечением глагольной основы и иметь различные оттенки значения. Среди существительных, мотивированных глаголами, можно выделить и противопоставить две группы значений: «носитель процессуального признака» и «действие, процесс, состояние».

Среди существительных первой группы выделяют такие, которые имеют значения: 1) «производитель действия»: читатель, путешественник; 2) «приспособление для совершения действия»: растворитель, холодильник; 3) «место действия»: училище; общежитие; 4) «предмет – объект или результат действия»: подарок, отрезок [4].

Значительная часть отглагольных существительных, употребляемых в научном стиле речи, относится ко второй группе и имеет значение действия, процесса, состояния. Значение действия – отличительная черта глагола. Существительные, образуемые от глагола, обозначают опредмеченное действие [2, с. 53]. В словах второй группы сохраняется присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака, которое совмещается со значением существительного как части речи; в то же время в них могут развиваться как вторичные те или иные конкретные значения, характерные для слов первой группы [4, с. 155–158].

В данной статье рассматриваются отдельно отглагольные существительные со значением процесса и способы их образования в объёме, необходимом для изучения научного стиля речи иностранными студентами на базовом и первом сертификационном уровнях на подготовительном факультете.

Отглагольные существительные со значением процесса образуются присоединением к основе мотивирующего глагола ряда суффиксов, при этом могут возникать чередования конечных согласных звуков основы глагола.

Существительные данного типа образуются преимущественно суффиксами:

-ни[jj]- (варианты: *-ени-, -ани-, -яни-*), *-ацц[jj]-* (варианты: *-аци-, -ици-, -ци-, -и-*). Отглагольные существительные с суффиксами *-ств-, -ти[jj]-* образуют ограниченные группы, а существительные, образованные

суффиксом *-ка* и бессуффиксным способом, в курсе научного стиля речи, изучаемом на подготовительном факультете, встречаются в незначительном количестве. Большинство существительных этого типа образуются от глаголов несовершенного вида, однако отглагольное существительное может быть мотивировано глаголом совершенного вида [3, с. 198]. В некоторых случаях видовое значение мотивирующего глагола может не отражаться на семантике существительного [4, с. 157].

В связи с разнообразием суффиксов и их вариантов, трудностями при выборе видовой принадлежности мотивирующего глагола, а также в результате возникновения чередования конечных согласных звуков основы производящего глагола и усечения глагольных основ иностранные студенты испытывают трудности при образовании отглагольных существительных со значением процесса.

Выбор суффикса, присоединяемого к производящей основе, зависит от класса глагола, в некоторых случаях – от его происхождения. Изучение данного материала не предусмотрено программой подготовительного факультета и не является необходимым для студентов инженерно-технических и естественнонаучных специальностей на продвинутом уровне.

Отсутствие выраженных закономерностей в словообразовательных моделях: «глагол → отглагольное существительное со значением процесса» и трудности определения основы производящего глагола указывают на необходимость классифицировать материал, основываясь на принципе удобства его подачи иностранным студентам.

Обнаруживается регулярность условий при образовании существительных с суффиксами *-(а)ни-* / *-(я)ни-*, *-(а)ци-* и отсутствие этой регулярности при образовании существительных с суффиксом *-ени-*.

1) С помощью суффиксов *-(а)ни-* / *-(я)ни-* образуются отглагольные существительные от инфинитивов -НСВ-, которые имеют в своей основе суффиксы: *-ВА-*, *-ОВА-* / *-ЕВА-*, *-ИВА-* / *-ЫВА-*, *-ИРОВА-*: *нагреВАТЬ* – *нагреВАНИЕ*; *исследОВАТЬ* – *исследОВАНИЕ*; *взвешИВАТЬ* – *взвешИВАНИЕ*; *программиРОВАТЬ* – *программиРОВАНИЕ*;

Исключения составляют слова: *восстанавливать*, *увеличивать*, так как в основе образованных от них существительных происходит усечение суффикса *-ива-*. 2) При помощи суффикса *-аци-* образуются существительные, мотивируемые глаголами с иноязычной основой на *-ировать* (суффикс *-ирова-* в основе отглагольного существительного отсутствует): *конденсировать* – *конденсАЦИЯ*, *деформировать* – *деформАЦИЯ*. 3) С помощью суффикса *-ени-* образуется основная масса существительных со значением процесса: *соединЕНИЕ*, *движЕНИЕ*, *уменьшЕНИЕ*, *горЕНИЕ*, *расширЕНИЕ*, *прохождЕНИЕ*, *получЕНИЕ*, *проведЕНИЕ*, *восстановлЕНИЕ*.

а) суффиксом *-ЕНИ-* (*-ни[jj]-*) образуются существительные от инфинитивов на *-еть*: *кипеть* – *киПЕНИЕ*; *гореть* – *горЕНИЕ*.

б) Такие слова, как: *превращение*, *изменение*, *снижение* – мотивированы глаголами несовершенного вида на *-ать*, *-ять*, но образуются при помощи суффикса *-ени-*. Для удобства презентации данной словообразовательной модели можно предложить следующий алгоритм: если основа инфинитива совершенного вида имеет суффикс *-И-*, то к основе несовершенного вида присоединяется суффикс *-ЕНИ-*: *превращать(ся)* – *превратИТЬ(ся)* – *превращЕНИЕ*; *плавить(ся)* – *расплавИТЬ(ся)* – *плавлЕНИЕ* (в/вл); *повышать* – *повысИТЬ* – *повышЕНИЕ*; *снижать* – *снизИТЬ* – *снижЕНИЕ*; *удлинять* – *удлинИТЬ* – *удлинение*; *составлять* – *составИТЬ* – *составлЕНИЕ*. В эту группу не попадут глагольные пары: *возрастать* – *возрасти*, *влиять* – *повлиять*, *колебать* – *поколебать*, *сжигать* – *сжечь*, чем можно объяснить наличие суффикса *-(а)ни-* / *-(я)ни-* в существительных, производимых от них.

Таким образом, можно утвердить следующий алгоритм выбора суффикса отглагольного существительного со значением процесса: 1) основа инфинитива -НСВ- содержит суффиксы: *-ВА-*, *-ОВА-* / *-ЕВА-*, *-ИВА-* / *-ЫВА-*, *-ИРОВА-*, следовательно, существительное образуется от основы несовершенного вида присоединением суффикса *-ни[jj]-*, исключение: *увеличИВАТЬ* – *увеличЕНИЕ*, *восстанавливать* – *восстановлЕНИЕ*. Глаголы с иноязычной основой на *-ировать* немногочисленны, их следует запомнить: *конденсАЦИЯ*, *деформаЦИЯ*, *кристаллизаЦИЯ*. 2) Инфинитив -НСВ- оканчивается на *-еть*: *горе-ть*, *кипе-ть*, следовательно, существительное образуется с помощью суффикса *-ни[jj]-*. 3) основа инфинитива -НСВ- не содержит суффиксов: *-ВА-*, *-ОВА-* / *-ЕВА-*, *-ИВА-* / *-ЫВА-*, *-ИРОВА-*, инфинитив не заканчивается на *-еть*: «*охлажда-ть*», но при этом соответствующий инфинитив совершенного вида оканчивается на *-ить*: «*охлади-ть*», следовательно, от основы несовершенного вида образуем существительное с суффиксом *-ени-* с усечением конечного гласного основы инфинитива несовершенного вида. Слова с корнями: *-лаг-* / *-лож-* можно дать как исключение или объяснить чередованием: *разлагать(ся)* – *разложИТЬ(ся)* – *разЛОЖ-ЕНИЕ*. 4) инфинитив -НСВ- оканчивается на *-ить*, значит существительное образуется суффиксом *-ени-*: *делИТЬ* – *делЕНИЕ*, *находИТЬся* – *нахождЕНИЕ* (д / жд), *становИТЬся* – *становлЕНИЕ* (в / вл).

Рассмотрим типы упражнений, которые помогут усвоить данные словообразовательные модели.

1. Прочитайте предложения с отглагольными существительными, задайте к ним вопросы, используя конструкцию «что происходит с чем?». Определите суффиксы, с помощью которых образуются эти существительные.

Например: Плавление алюминия происходит при температуре 660 °С. (Что происходит с алюминием при температуре 660 °С?). Суффикс *-ЕНИ-*.

2. а) Выпишите глаголы несовершенного вида, которые имеют в своём составе: I) суффикс *-ва-*; II) *-ова-* / *-ева-*; III) *-ыва-* / *-ива-*; IV) *-ирова-*. Образуйте от данных глаголов отглагольные существительные с суффиксами *-ани-* / *-яни-* / *-аци-*.

б) Выпишите глаголы несовершенного вида, которые оканчиваются на: I) *-еть*; II) *-ить*. Образуйте от данных глаголов отглагольные существительные с суффиксом *-ени-*.

3. а) от данных глаголов несовершенного вида образуйте глаголы совершенного вида: повышать, снижать, сжигать, удлинять, замедлять, испарять(ся), соединять, возрастать, колебать.

б) Заполните таблицу:

Таблица 1

Инфинитив СВ оканчивается на -ить	Инфинитив СВ не оканчивается на -ить
повышать – повыСИть	возрастать – возрастТИ

в) От глаголов несовершенного вида из левого столбца таблицы образуйте отглагольные существительные с суффиксом *-ени-*: поВЫШать – повыСИть – поВЫШ-ени-е; от глаголов несовершенного вида из правого столбца таблицы образуйте отглагольные существительные с суффиксами *-ани-* / *-яни-*.

4. От данных ниже глаголов несовершенного вида образуйте существительные со значением процесса, с суффиксами: *-ани-* / *-яни-* / *-ени-* / *-аци-*: колебать, повышать, умножать, отвердевать, существовать, увеличиваться, функционировать, ослабевать, укорачивать.

Использование предложенного алгоритма выбора суффикса и выделение четырёх словообразовательных моделей должно упростить работу с отглагольными существительными со значением процесса. Практические задания помогут систематизировать знания о том, какие словообразовательные средства участвуют при образовании существительных данного типа и от чего зависит выбор этих средств. Выполнение предложенных упражнений позволит избежать ряда ошибок, совершаемых иностранными учащимися при изучении отглагольных существительных со значением процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аросева, Т. Е. Научный стиль речи: технический профиль: пособие по русскому языку для иностранных студентов / Т. Е. Аросева, Л. Г. Рогова, Н. Ф. Сафьянова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 312 с.
2. Воеводина, Г. А. Уникальные аффиксы в современном русском языке: Учебно-методическое пособие / Г. А. Воеводина. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. – 144 с., 2007.
3. Мусатов, В. Н. Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке: монография / В. Н. Мусатов. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 448 с.
4. Русская грамматика. Академия наук СССР, институт русского языка. – М.: Наука, 1980.

Материал поступил в редакцию 01.07.16.

PRACTICING VERBAL NOUNS WITH PROCESSUAL MEANING IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT BASIC AND FIRST CERTIFICATE LEVELS

N.V. Kondrat, Teaching Assistant of the Department of Russian as a Foreign Language
Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering – branch of National Research Nuclear University –
Moscow Engineering Physics Institute, Russia

Abstract. *This article examines verbal nouns with processual meaning (action feature) and their formation methods in the scope required for foreign students of engineering and natural sciences when learning scientific style of communication at pre-university courses for basic and first certificate levels. The article contains a classification of nouns by word-building patterns and a set of practical exercises enabling to acquire these patterns most effectively.*

Keywords: *verbal nouns, scientific style, processual meaning, Russian, practical exercises.*

УДК 81'373.42:392.5

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНО-ИГРОВЫХ СВАДЕБНЫХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ВОСТОЧНОСЛОБОЖАНСКИХ И СТЕПНЫХ ГОВОРОВ)**

Т.А. Дьякова, кандидат филологических наук, доцент
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

***Аннотация.** Работа посвящена фразеологической вербализации развлекательно-игровых свадебных обычаев и обрядов. Проанализированы фразеологические единицы различных этапов свадебной обрядности. Объектом исследования стали развлекательно-игровые свадебные обычаи и обряды восточнослобожанского и степного ареала, предметом – этнокультурная основа фразеологизации развлекательно-игровых обычаев и обрядов. Цель работы – изучить национально-культурную основу фразеологизации развлекательно-игровых свадебных обычаев и обрядов. Анализ проведен с привлечением сведений о названных обрядах и обычаях в других украинских говорах, а также отдельных славянских языках и их диалектах.*

***Ключевые слова:** этнокультура, фразеологизм, обряд, обычай, свадьба, символ.*

Свадьба – это не только общественно важное действие, но и повод для всевозможных шуточных выходов, которые, с одной стороны, должны развлекать участников праздника, а с другой – призваны облегчить судьбу молодых, поскольку они постоянно находятся в центре всеобщего внимания. Фразеологическая репрезентация развлекательных свадебных действий разнообразна, высказывания отражают значительное количество обрядовых шуток.

Одну из групп свадебных действий представляют обряды, построенные по принципу *похищения – выкупа*. В народной традиции *кража* – ритуальное действие, которое придает добытым таким образом предметам сакральность и магическую силу [2, с. 250]. Кражу широко применяли в различных обрядах берегового характера, к которым, безусловно, относятся свадебные.

Древнейшей формой свадебной кражи было *умыкание* девушки, которое исследователи считают «наиболее архаичным вариантом сватовства» [1, с. 77]. Свадебное умыкание происходило преимущественно у воды, где можно было застать девушку одну или с подругами, которые не могли или не хотели помешать краже [6, с. 45]. Именно вода, будучи «символом девушки» (А. Потеня), издавна освящала супружескую жизнь.

В первый праздничный день с невесты стремятся снять башмачок – *украсти (забрати, зняти) туфлю*, досл. украсть (забрать, снять) туфлю ‘украсть башмачок с целью получить за него выкуп в виде бутылки водки, другого спиртного’. Воруют туфлю преимущественно во время танцев, заставив молодую повисеть у мужа на шее (выдержит ли), а потом от дружка и дружки требуют выполнения заданий. *Викрадають дружку* – прячут дружку, конечно, с ее согласия, а выкуп требуют от дружка, чаще всего – водку. Во второй свадебный день кто-то из гостей пытается *вкрасти бики (биків)*, досл. украсть быки (быков) – забрать со свадебного стола связанные лентой две ложки, бутылку водки и шампанского, а дружок и дружка должны их выкупить – выполнить задание, прихоть похитителей.

Название *быки* в свадебной обрядности не случайно. Традиционно в славянской мифологии *бык* является «символом созидания, вол – мужчина, телка – девушка, корова – женщина, земля, такая символика переполняет свадебные песни и наши присказки» [5, с. 69]. В дохристианские времена существовало представление, что на быке земля стоит [2, с. 517]. Вероятно, связанные бутылки водки (как «мужского» напитка) и шампанского (как «женского») должны олицетворять единство мужского и женского начал, на котором держится семья. Через год после свадьбы *розпивають бики (биків)*, досл. распивают быки (быков) – отмечая первую годовщину супружеской жизни, водку выпивают муж и дружок, а шампанское – жена и дружка, а ложками из быков супруги должны хотя бы раз зачерпнуть какое-то блюдо. Зафиксировано также выражение *бугайв красти*, досл. быков воровать ‘т с, что быки воровать’, *бугайв розпивати*, досл. быков распивать ‘т с, что быки распивать’ [9, с. 38].

Во время разрезания каравай сами молодые берут по куску обрядового хлеба, посыпают его солью или макают в соль и съедают, это называется *насолити в последний раз*, досл. насолить в последний раз. Считается, что таким образом супруги обезопасят себя от горьких обид. Возможно, это связано с береговым значением соли, которая предохраняет от чар [8, с. 199], а в сочетании со святым хлебом приобретает еще большую силу.

Особого внимания заслуживают обряды пародийной свадьбы, которые обычно исполняют во второй свадебный день. Такое празднование называют *корчить дурака*, досл. корчить дурака 'гулять не настоящую, а шутовую свадьбу, когда участники меняются ролями', ср.: *жито молотити*, досл. рожь молотить 'т с', *виго-нити зозулю*, досл. прогонять кукушку 'т с' [9, с. 99, 106]. Для этого, например, низкого роста парень одевается женихом, высокий – невестой. Самыми популярными персонажами такой свадьбы являются *цыгане*, которые воруют кур, потом стараются сварить суп.

Ряженный врач пытается слушать гостей мнимым фонендоскопом (любой палочкой), а гости у него просят «спиртику»: *Перевдіваються в циганів, у жестяльника, кучу відер, виварок назбирають, чепають молотком. І за спорчені відра деньги збирають. Хто в циганку, хто в молдаванку перевдівались, в докторів; із шприцями бігають. І курей крали. І по сусідам ходили* (Переодеваются в цыган, в жестящика, кучу ведер, выварок набирают, стучат молотком. И за испорченные ведра деньги собирают. Кто в цыганку, кто в молдаванку переодевается, в докторов; со шприцами бегают. И кур воровали. И по соседям ходили).

Травестийное переодевание – распространенное явление в восточнославянской обрядовой системе, в давние времена одежду противоположного пола, надетую наизнанку или сознательно испорченную, использовали с общей обереговой целью [4, с. 142], поскольку смена одежды призвана изменить внешнюю сущность человека и обмануть злые силы. В современном свадебном переодевании преобладает «игровой элемент» (Е. Кагаров). Традиции пародийной свадьбы распространены также в других славянских регионах. Так, в Могилевской области Беларуси ряженные священник и дьячок «венчают молодых», роли которых исполняют переодетые в костюмы противоположного пола гости. На Житомирщине устраивают «венчание» родителей молодых или близких родственников с соответствующей стороны (например, отец молодой и мать жениха), при этом «молодых венчают» на помойке старым веником, обводя их вокруг ступы. Если родители молодого женят последнего сына, они бывают «молодыми» и их возят вокруг дома в конце свадьбы [7, с. 332]. В российских донских селах, близких к Луганщине, записаны такие обряды и фраземы: *водит белую кобылу* 'двое парней укрываются ковриком или простыней и, изображая из себя лошадь, ходят между свадебными столами, требуя водки', *водит обезьяну* 'участвовать в свадебных развлечениях с переодеванием'.

Отдельную группу составляют высказывания, касающиеся выполнения шуточных обрядов, связанных с молодыми и их родителями. Во время празднования пародийной свадьбы *катають свах*, досл. катают свах, *купають свах*, досл. купают свах – *цыгане* усаживают матерей молодых в любую подходящую тележку и катают по улице, пытаясь перевернуть в лужу, если погода сухая, умышленно выливают ведро – два воды – на счастье молодым, чтобы денег было так же много, как грязи: *Перевдіваються в циган, беруть якийсь возик і везуть купати свах* (Переодеваются в цыган, берут какую-то тележку и везут купать свах). Участниками обряда могли быть и отцы, на второй день свадьбы их катают на тележке, переворачивая, снова усаживая, а молодые должны их выкупить, самим родителям отказываться от катания нельзя: счастья детям не будет. Был распространенным и другой обряд – *купають свекруху*, досл. купать свекровь, что зафиксировано в этнографических очерках В. Иванова. Во вторник купают свекровь и выводят ее на улицу потанцевать, а купают так: кладут в одеяло и выносят во двор, обливают водой, надевают платье невесты и ее украшения [3, с. 230]. В некоторых населенных пунктах этот обряд или его фрагменты бытуют и сейчас [9, с. 210].

Таким образом, внутренняя форма обрядовых фразеологизмов, функционируя в закодированном виде, является «средством трансляции» (В. Васильченко) соответствующих семантических моментов обряда или элементов обрядовой действительности в современном языке. Раскодирование предполагает воссоздание определенного фрагмента архетипного текста обряда, «свертком» которого является обрядовый фразеологизм. Это касается всех групп свадебнообрядных устойчивых выражений, важное место среди них занимают те, которые являются фразеологизацией развлекательно-игровых свадебных обычаев и обрядов. Именно эта группа обрядов остается наиболее востребованной (разумеется, с определенными изменениями в соответствии с современными реалиями) в свадебной обрядности наших дней.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Васильченко, В. М. Відображення українськими фраземами шлюбнообрядової архетипної опозиції «згода / відмова» / В. М. Васильченко // Лінгвістика: зб. наук. пр. – Луганськ, 2008. – № 2. – С. 73–82.
2. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.
3. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: очерки по этнографии края / под ред. В. В. Иванова. – Х., 1898. – Т. I. – 1008 с.
4. Ерёміна, В. И. Ритуал и фольклор / В. И. Ерёміна; отв. ред. А. А. Горелов. – Л.: Наука, 1991. – 206 с.
5. Іларіон, митрополит. Дохристиянські вірування українського народу: іст.-реліг. моногр. / Митрополит Іларіон. – Вид. 2-е. – К.: Обереги, 1994. – 424 с.
6. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
7. Славянские древности: этнолингвистический слов.: в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения. – Т. I. – 1995. – 579 с.
8. Словник символів культури України / за заг. ред. В. П. Коцура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренко. – К.: Міленіум, 2002. – 260 с.
9. Ужченко, В. Д. Фразеологічний словник східнословобанських і степових говірок Донбасу / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – 4-е вид. – Луганськ: Альма-матер, 2002. – 263 с.

Материал поступил в редакцию 21.06.16.

**ETHNOCULTURAL BASIS OF PHRASEOLOGIZATION
OF THE ENTERTAINING WEDDING CUSTOMS AND RITES
(ON THE MATERIAL OF UKRAINIAN EAST SLOBODA AND STEPPE SUBDIALECTS)**

T.A. Dyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky

***Abstract.** The article is devoted to phraseological verbalization of the entertaining wedding customs and rites. The phraseological units of different stages of the wedding rites were analyzed. The object of research includes entertaining wedding customs and rites of Ukrainian east sloboda and steppe area, the subject is ethnocultural basis of phraseologization of the entertaining wedding customs and rites. The aim of the article is to study the national cultural basis of phraseologization of the entertaining wedding customs and rites. The analysis is carried out involving information about the above mentioned rites and customs in other Ukrainian subdialects, as well as the separate Slavic languages and their dialects.*

Keywords: *ethnoculture, phraseological unit, custom, rite, wedding, symbol, ritual.*

УДК 811.11

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ГЕРМАНИИ XV – НАЧАЛА XVI ВВ.**Г.А. Баева¹, Б.А. Дюбо²**^{1, 2} доктор филологических наук, профессор¹ Санкт-Петербургский государственный университет,² Санкт-Петербургский Академический университет, Россия

***Аннотация.** В статье анализируются первые немецкие грамматики, появившиеся в Германии в XV – XVI вв., для обучения чтению и письму на родном языке. Эти грамматики дают первые описания фонетики, орфографии и синтаксиса немецкого языка, основанные, с одной стороны, на гуманистической латинской традиции, а с другой, на привлечении фактов разговорного немецкого языка.*

***Ключевые слова:** грамматика, дискурс, гуманизм, фонетика, орфография, терминология.*

В Германии в XV в. наряду с широким хождением латинского языка постепенно формируются сферы употребления немецкого языка. Изобретение книгопечатания в середине XV в. содействовало распространению немецкого языка, показало его территориально-диалектную неоднородность и выдвинуло на передний план задачи по совершенствованию его орфографии и стилистических средств, которые становятся исходными моментами при формировании правил пользования языком. Эти правила могли внедряться вначале в двух сферах: в деловом языке канцелярий и в школьном обучении. Расширение преподавания немецкого языка в школах привело к созданию первых грамматических описаний немецкого языка, в основе которых лежали латинские образцы, прежде всего «Донатус» (11, с. 778). Постепенно накапливался свой собственный, немецкий, опыт и происходило медленное освобождение от влияния латинских грамматик.

Грамматический дискурс в Германии XV – начала XVI вв. обусловлен указанными выше факторами и представлен прежде всего пособиями и учебниками по обучению чтению и письму на родном языке [1, с. 9; 9, с. 18; 10, с. 535]. Эти пособия лишь условно можно считать грамматиками. Все рассуждения о языке в учебниках прагматичны и дидактичны, направлены на усвоение правил построения собственной и истолкования чужой речи, а главное – на обучение чтению и письму. Этот, казалось бы, тривиальный момент имеет для Германии с ее диалектным многообразием особое значение: нужно научить пользоваться родным языком и быть понятым. Само собой разумеется, что речь еще не идет о некоей норме, но умеренная унификация уже выступает на передний план. Так, в немецкой риторике «Зеркало письма» (Der Schryftspiegel, 1527) [5, с. 382], написанной под влиянием Никласа фон Вилле, анонимный автор начинает с примеров-предложений неудачного, некорректного с его точки зрения употребления немецкого языка. Далее следует раздел о правилах написания одинаково звучащих, но разных по значению слов, которые называются автором *verba equisonantia*. Иллюстрации к правилам также даются в виде предложений, например, для слов Rath (совет), Radt (колесо), Ratt (крыса): Das Radt had der Rath. wail machen laissen, das ghein Ratt, dair in komen kann. В конце работы автор приходит к важному выводу: «Писец, в какой бы части страны он ни родился, должен писать так, чтобы его мог читать и понимать другой немец (ander duitsch)» [5, с. 384]. В этой фразе уже видно осознание различий немецкого языка в разных частях Германии и желание и необходимость их преодолеть.

Термин «грамматика» упоминается во многих работах этого временного периода, однако понимание его очень неоднозначно и значительно отличается от современного. Для большинства составителей учебников и пособий грамматика воспринимается в духе гуманистического представления о языке как «искусство говорить и писать» (Alberus, 1540) [10, с. 538], как «искусство, которое занимается значением слов и их особенностями» (Luther, 1543) [3, с. 269], или как «искусство, по которому учат язык» (Frisius, 1548) [10, с. 537].

Остановимся на характеристике основных трудов, повлиявших на дальнейшее грамматическое описание немецкого языка.

У истоков научного осмысления немецкого языка стоит Никлас фон Вилле (Niklas von Wyle), городской писец (Stadtschreiber) из Эслингена, затем второй канцлер графа Ульриха Вюртембергского. В письме от 18 февраля 1478 г., адресованном Г. Харшеру, своему бывшему ученику, и впоследствии получившем название «Правила орфографии» (Orthographieregeln), он излагает свои взгляды на особенности немецкого письма и различные типы оглавлений деловых бумаг [13, с. 14].

Интересны наблюдения Никласа фон Вилле относительно стиля немецкого языка. Он, в частности, говорит о том, что немецкий канцелярский стиль намного подвижнее латинского, и советует следовать традициям немецкого родного языка (*Landesbrauch, lokaler Brauch*). Неудачным, не соответствующим традиции он, например, считает замену старошвабского *ai* на *ei* (*grosse vnnütze endrung unsers gezüngs*) [13, с. 16]. У него уже появляются практические указания, например, о том, что удвоенное написание согласных «часто вводит в заблуждение больше, чем дает» (*mer die verstantnis irrend dan fürdernd*), так как удвоение согласных является фонетически значимым и усиливает предыдущий гласный. Подобные различия он объясняет примерами в форме целых предложений, содержащих слова с простым и удвоенным написанием согласных; например, в формах глаголов и существительных типа *hof – hoff, wil – will: en dinen hof hoff ich zekomen und wil din will syg ouch dar by* [13, с. 17]. Такое написание, по мнению автора, помогает обозначению слов не одинаковых, но только похожих, имеющих звуковые различия.

Новым, по сравнению с пословными двуязычными Донатами, является метод иллюстрации примеров целыми предложениями, что не только точнее демонстрирует орфографические правила, но и показывает строй немецкого предложения, включая порядок слов, и служит образцом для подражания.

Среди первых авторов пособий по немецкому языку особое место занимает Фабиан Франк (*Fabian Frangk*), который выделяется «не только уровнем анализа языковых форм, но и глубиной характеристики современной языковой ситуации» [2, с. 46]. Он, в частности, пишет о том, что «мы относимся с большим прилежанием к латинскому языку и небрежно к своему языку, нужно стыдиться, что мы так ленивы и не ценим наш благородный язык» (*Denn so wir ansehen den emssigen vleis / so die Latiner allein / jnn jrer zungen fürgewandt / vnd unsern vnuleis / bey der vnsern / da gegen stellen / solten wir billich schamrot werden / das wir so ganz ablessig vnd sewmig sein / Unser edle sprach so vnwert und verachtlich halten*) [6, с. 93]. Самыми значительными работами Франка являются “*Orthographia*” и “*Ein Cantzley und Titel buchlin*”, которые он в 1531 г. издал в одной книге [6, с. 92–110].

Уроженец Силезии Ф. Франк получил звание магистра, в 1520–1525 гг. преподавал чтение и письмо в маркграфстве Бранденбургском, затем основал школу во Франкфурте-на-Одере. Ф. Франк ставил перед собой конкретную задачу – обучать письму «по форме и правилам». Вместо отдельных замечаний, азбучно-алфавитных примеров и курьезных случаев, что было характерно для его предшественников, Ф. Франк пытается создать орфографическую систему немецкого языка. Орфография в его понимании – это «если любое слово выражено соответствующими ему буквами, написано правильно и чисто, т. е. нет ни лишних, ни недостающих букв, ни поставленных одна вместо другой» (*Wenn ein jdlich wort / mit gebürlichen buchstaben ausgedruckt (das ist) recht und rein geschrieben wird / also / das kein buchstab müssig / odder zuuuel noch zu wenig / Auch nicht an statt des andern gesetzt nach versetzt*) [6, с. 95].

Ф. Франк обсуждает значение букв, отдельно рассматривает дифтонги. Объясняя написание гласных, он, в частности, говорит об этимологической связи умлаутированных *ä, ö, ü* с *a, o, u* и задолго до младограмматиков дает первые для немецкого языка сведения об историческом развитии гласных и фонетических закономерностях, обусловивших их позиционные изменения (*Umlaut, Brechung*) [6, с. 97].

Ф. Франк провозглашает себя первым теоретиком единого верхненемецкого языка. Он не только замечает, вслед за своими предшественниками, что в каждой области Германии говорят и пишут по-разному, но и указывает на то, что верхненемецкий сам по себе тоже не однороден [6, с. 94]. Для преодоления трудностей, по Франку, переписчик должен знать много языков (диалектов) (*Landsprachen*), а также овладеть хорошим немецким по образцам. Такими незыблемыми образцами для него являются документы канцелярии Максимилиана, труды Лютера и издателя из Аугсбурга Шонсбергера [6, с. 94]. Ф. Франк – первый среди тех немецких грамматистов, которые принимают в качестве образца язык Лютера [3, с. 266; 4, с. 102].

Более детальное и глубокое понимание грамматики дает Валентин Икельзамер (*Valentin Ickelsamer*) в работе «Правильный способ быстро научиться читать» (*Die rechte Weis, auff's kürztist lesen zu lernen*), впервые изданной в Эрфурте в 1527 г., и в «Немецкой грамматике» (*Ein Teütsche Grammatica*; 1537). В. Икельзамер конкретно называет тех, кто будет овладевать чтением по его грамматике без помощи учителя: это лесоруб и пастух в поле [7, с. 123].

В своих работах В. Икельзамер ставит немецкий рядом с латинским, греческим, древнееврейским и другими общепризнанными языками и вводит понятие родного языка (*Muttersprache*): «Ведь просто стыдно и позорно для всех немцев, что они хотят овладеть другими языками, но до сих пор никогда не изучали свой исконный родной язык» (*Ja billich ist es allen Teütschen ain schand und spott / das sy anderer sprachen maister wollen sein / und haben jre aigne angeborne muter sprach noch nye gelernet*) [7, с. 131]. Он – первый из немецких авторов, кто считает, что грамматика не исчерпывается только орфографией и умением читать и писать. В предисловии к работе он указывает на то, что если «кто-нибудь выделит и определит восемь частей речи и их акциденции для правильного понимания немецких слов и речи, даст хороший немецкий синтаксис и конструкции, то это можно будет справедливо назвать грамматикой» [7, с. 126]. Такая грамматика существует, по мнению автора, только для латинского языка. Для родного, немецкого, прогнозирует В. Икельзамер, еще долго не будет грамматики в том виде, в каком она есть для латыни. Не отвергая в целом латинскую грамматическую традицию, автор считает, что тому, что принято считать грамматикой, т. е. чтению и письму, дети лучше учатся от матери, чем из книг, подчеркивая тем самым значимость живой разговорной речи. Определяя свой труд как «Грамматика»,

В. Икельзамер указывает, что «речь идет о самой лучшей и возвышенной части грамматики, а именно о значении букв, чтения и о самих словах, а также об этимологии» [7, с. 147]. Этимологию в отличие от латинских грамматистов В. Икельзамер трактует как толкование происхождения слов [7, с. 147].

Большим препятствием в обучении чтению, по мнению В. Икельзамера, являются несоответствия между письмом и устной речью. Он выступает против необоснованного скопления букв и употребления различных графических знаков для обозначения одного и того же звука. Удвоение он одобряет только в том случае, если буквы относятся к разным слогам. Среди орфографических непоследовательностей он называет употребление сочетаний *ch* и *ph* вместо *g* и *f* [7, с. 140], обозначение одного и того же звука графическими знаками *y* и *i*, *z* и *s*, *k* и *q*, *v* и *f* и т. д. [7, с. 138]. В. Икельзамер требует введения единого написания для умлаутированных гласных в виде *ü*, *ö*, *ä*, т. е. как раз так, как это затем было введено в немецкий язык и сохранилось до наших дней. Первым в истории немецкого языка, задолго до Я. Гримма, он говорит о передвижении согласных, например, *b* и *f*, сравнивая их с греческими [7, с. 153]. Важным и новым является указание В. Икельзамера о делении слов на слоги с учетом их морфемного состава и, прежде всего, основы (*stamm*), например, *buch-stab-e*, а не *buch-sta-be* [7, с. 143].

Вслед за своими предшественниками В. Икельзамер проводит отдельные сравнения грамматической структуры немецкого и латинского, требуя не слепо следовать латинским образцам, а прибегать к сопоставлениям и учитывать те структуры, которые более распространены в немецком. Например, он считает, что правильнее избегать в немецком языке причастий, которые пришли под влиянием латыни. Что лучше звучит, спрашивает В. Икельзамер: *Ich hab das geredt mit lachendem mund / oder lachend* или *Ich habs geredt / und darzu gelachtet / oder habs geredt mit lachen?* [7, с. 121]. Так, начиная с В. Икельзамера, в грамматические работы вводятся элементы сопоставления с живым, разговорным языком [8, с. 27].

Важным моментом, во многом определявшим значимость и границы грамматического дискурса Германии, является вопрос об онемечивании латинской грамматической терминологии. Первый интуитивный этап этого процесса падает на период древневерхнемецкого, второй этап – на ранненововерхнемецкий и связан с практическими целями применения грамматики и, следовательно, ее рабочего аппарата для обучения немецкому языку лиц, не владеющих латинской терминологией. Онемечивание латинских грамматических терминов происходит в этот период целенаправленно, с большей, чем раньше, точностью и поэтому отражает не только мастерство переводчиков, но и уровень их лингвистической подготовки, языковое чутье и уровень научных представлений того времени о языке. Большую помощь при анализе немецкой грамматической терминологии оказывает работа Р. Фортиша, включающая в себя обширный фактический материал о переводах латинских терминов с указанием автора перевода и датировки источника [12, с. 10–15], хотя выбор анализируемых терминов делается произвольно, без какой-либо систематизации. Особое внимание заслуживает описание терминов, обозначающих основные категории языка. Например, понятие *tempus* (время) и его составляющих трактуется по работе Генриха (Henricus) 1451 г. «О способе перевода на немецкий язык падежей и временных форм» следующим образом: “*Tempus, temporis dat heth eine tyd, Praesens tempus, dat is jegenwerdige tyd <...> Praeteritum <...> dat heth eine vergangene tyd <...> Futurum tempus, dat heth tokamende tyd; Praesens-gegenwärtig, Praeteritum-vergangen, Futurum-künfftig*” [12, с. 8–9].

По указанию Р. Фортиша Генрих дает и первое на немецком языке объяснение понятию *modus* (наклонение) как способ, манера выражения (*Modus modi dat heth eyn mate, up eyn manere*) и далее так характеризует основные разряды этой категории: «Императив: когда просят или приказывают, тогда используется императив» (*Impero, as are, dat heth beden adder, doen heiten, dar van kommet imperativus*); «желательное: если произносят глагол в виде пожелания» (*wen men ein verbum spreckt in wunschender edder begherender manere, dat is optativi modi*) [9, с. 241]. Здесь очевидно, что при трактовке грамматических терминов категорий времени и наклонения их перевод и толкование даются в русле традиций латинской грамматики.

О необходимости применения наименований грамматических категорий, ориентированных на немецкий язык, писал и В. Икельзамер во вступлении к своей «Немецкой грамматике». Автор высказывался за то, чтобы немецкие грамматисты обосновывали немецкие названия таких частей речи, как *Nomen* – нем. *nam*, *Pronomen* – нем. *fürnam*, *Verbum* – нем. *werck*. В. Икельзамер считал, что нужно не только назвать вслед за латинской грамматикой акциденции этих частей речи, но и привести примеры на их употребление в немецком языке [7, с. 120].

Итак, грамматика XV в. и первой половины XVI в., написанные на немецком языке, являлись руководствами по обучению немецкой письменности и чтению и преследовали сугубо практические цели. Рассмотренные выше работы представляют собой введение в изучение немецкого языка и его теоретическое осмысление. Эти работы характеризуют первый этап подготовки к созданию немецкой грамматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева, Г. А. Первые семантико-грамматические исследования немецкого языка / Г. А. Баева, Б. А. Дюбо // Вопросы романо-германского языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск II. – Изд-во Саратовского ун-та, 1995. – С. 7–17.
2. Гухман, М. М. История немецкого литературного языка XVI – XVIII вв. / М. М. Гухман, Н. Н. Семенов, Н. С. Бабенко. – М., 1984.
3. Bergmann, R. Der rechte Teutsche Cicero oder Varro. Luther als Vorbild in den Grammatiken des 16. bis 18. Jahrhunderts / R. Bergmann // Sprachwissenschaft 8. – 1983. – S. 265–276.

4. Formulare vn duytsche Rethorica oder der Schriftspiegel (1527) // Neudruck: Müller, J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. – Gotha, 1882 [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim, New York: Olms 1969].
5. Frangk, F. Orthographia deutsch, Lernt, recht buchstäbig deutsch schreiben / F. Frangk. – Durch M. Fabian Frangken. Wittemberg. MDXXXI; Ein Gantzley und Titel buechlin 1531 // Neudruck: Müller, J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. – Gotha, 1882 [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim, New York: Olms 1969].
6. Götz, U. Die Anfänge der Grammatikbeschreibung des Deutschen in den Formularbüchern des frühen 16. Jahrhunderts Fabian Frangk – Schryfftspiegel – Johann Elias Meichßner / U. Götz. – Heidelberg: Winter, 1992.
7. Ickelsamer, V. Ein Teütsche Grammatica. o.J., o.O. / V. Ickelsamer // Neudruck: Müller, J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. – Gotha, 1882 [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim, New York: Olms 1969].
8. Ludwig, O. Valentin Ickelsamers Beitrag zum Deutschunterricht / O. Ludwig // Zeitschrift für Germanistische Linguistik 28. – 2000. – S. 23–40.
9. Müller, J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts / J. Müller. – Gotha, 1882 [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim, New York: Olms 1969].
10. Rössig-Hager, M. Frühe grammatische Beschreibungen des Deutschen / History of the language sciences (=Geschichte der Sprachwissenschaft). Vol. 1 / M. Rössig-Hager. – Berlin, New York: de Gruyter, 2000 (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, Bd. 18). – S. 777–784.
11. Rössig-Hager, M. Konzeption und Ausführung der ersten deutschen Grammatik. Valentin Ickelsamer: “Ein Teütsche Grammatica” / M. Rössig-Hager // Grenzman, L., Stackmann, K. (Hgg.): Literatur und Laeinbildung im Spätmittelalter und in der Reformationszeit. – Stuttgart: Metzler, 1984. – S. 534–556.
12. Vortisch, R. Grammatische Termini im Frühneuhochdeutschen (1500–1663) / R. Vortisch. – Basel, 1910.
13. Wyle, N. v. Interpunktionsregeln. Wien (1477); Orthographienregeln. Esslingen (1478) / N. v. Wyle // Neudruck: Müller, J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. – Gotha, 1882 [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim, New York: Olms 1969].

Материал поступил в редакцию 08.07.16.

GRAMMATICAL DISCOURSE IN GERMANY IN THE PERIOD FROM XV TO EARLY XVI CENTURY

G.A. Baeva¹, B.A. Djubo²

^{1,2} Doctor of Philological Sciences, Professor

¹ Saint Petersburg State University,

² Saint Petersburg Academic University, Russia

Abstract. *The article provides an analysis of the first German grammar books appeared in Germany in XV to XVI centuries for teaching reading and writing in the mother tongue. These grammar books give early descriptions of phonetics, orthography and syntax of the German language based on humanistic Latin tradition on the one hand, and on the other on the involvement of colloquial German phrases.*

Keywords: *grammar, discourse, humanism, phonetics, orthography, terminology.*

УДК 811.11

ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ DÔ / DĀ В НЕМЕЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Г.А. Баева, доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Аннотация. В статье исследуются коммуникативные и текстуально-прагматические особенности и синтаксическая сочетаемость дискурсивных слов dō / dā на материале немецкого средневекового героического эпоса «Песнь о нибелунгах».

Ключевые слова: дискурс, эпос, дискурсивная частица, дейксис, сказитель.

Одной из ярких особенностей памятников отдаленных эпох, предназначенных для устного исполнения, является частотное использование разнообразных дейктических элементов, например, частиц dō / dā, текстовые функции которых настолько разнообразны, что едва поддаются систематизации. Частеречную принадлежность этих лексических единиц определить также довольно сложно. В немецкой традиции их обычно называют соединительными словами (Verbindungswörter), частицами или коннекторами [9, с. 104–106; 11, с. 31; 12, с. 44–45].

В «Средневерхненемецком словаре» М. Лексера dō / dā трактуются как указательные наречия в значении “da, dort, damals” и как противительные наречия в значении “aber, doch, (oft nur den Fortschritt der Rede bezeichnend)”, а также как относительный союз “als” [10, с. 30, с. 32]. Интерес представляет замечание, сделанное в словаре после указания на противительное значение этих слов, указывающее, что эти слова часто обозначают «лишь продвижение речи», т. е. служат развитию повествования.

В исторических грамматиках при трактовке этих лексем традиционно приводят их семантическое развитие от передачи указательного значения к относительному: от указательного наречия места к дейктической частице: ahd. dār > mhd. dō > nhd. da [8, с. 200; 13, с. 151]. Уже в древневерхненемецком языке, как указывает А. Беттен, эти слова использовались «как фокусирующий разделительный сигнал, с помощью которого привлекалось внимание читателя к переходу от одного действия к другому» [7, с. 405].

Анализ эмпирического материала подтверждает приведенные выше рассуждения. Приведем несколько примеров из самого известного средневекового немецкого героического эпоса «Песнь о нибелунгах»:

(1) Dō die geste wāren alle gevarn, / dō sprach ze sīnem gesinde Sigemundes barn <...> N 687.1-2 – Als die Gäste abgereist waren, sagte der Sohn Siegmunds zu seinen Gefolgsleute <...>

(2) dō neig er den degen, dō man imz sō guotlich erbōt N 689.4 – Er verneigte sich dankend vor den Rittern, als man ihm diese Zusicherung so freundlich gab.

(3) <...> dō sach man bī im stān /die schōene Brūnhilde. krōne sie dō truoc/ in des küneges lande. N 601.2-4 – Da sah man neben ihm die schöne Brünhild stehen. Sie trug da die Krone im Lande des Königs.

В каждом из трех примеров dō встречается по два раза, причем в разных функциях. В первом примере первое dō открывает повествование в строфе и выполняет роль временного союза в значении «когда», «после того как». Маркером союзного употребления служит порядок слов: после союза следует подлежащее, затем глагол-сказуемое в плюсквамперфекте, употребление которого обозначает предшествование этого действия последующему. Второе dō соотносится с первым, указывая на следующее действие и одновременно на следующий эпизод повествования. Во втором примере дело обстоит ровно наоборот: первое dō маркирует новую ситуацию, наступившую вслед за описанной выше, а второе dō во временном значении «возвращает» к предыдущей ситуации, что передается не только через союзную связь, но и черед форму прошедшего времени (претерита) глагола-сказуемого. В третьем примере в первом случае dō свидетельствует о новой ситуации: присутствующие, участники событий, переданные через обобщенный субъект man, увидели стоящую перед Зигфридом Брунхильду. Второе dō занимает место в середине предложения, может быть квалифицировано как обстоятельство, совмещающее в себе как локальное, так и темпоральное значение в смысле «здесь и сейчас».

Использование дейктических элементов dō и dā демонстрирует, что мы имеем дело с факторами, определяющими актуализацию языкового значения ситуации, которые лежат вне собственно языковой системы. К ним можно отнести прежде всего различные параметры речевой ситуации, в условиях которой осуществляется высказывание. Эти параметры образуют невербальный контекст высказывания, обусловленный в значительной степени историко-культурологическим фактором устной рецепции, который формирует и организует мысль сказителя. В. Г. Адмони называет это «общей соотнесенностью» [1, с. 84–86].

Локально-темпоральную соотнесенность, передаваемую через dō и dā, хорошо показывает приведенный ниже пример:

(4) sie giengen zuo dem munster, dā man di messe sanc N 641.3 –sie gingen zum Münster, wo man die Messe sang.

Исследуемые дискурсивные слова, выступая как специфический дейктический элемент наречно-

указательного типа [4, с. 16], способствуют более четкой ориентации слушателя (и читателя) в коммуникативном пространстве повествования и служат прежде всего для правильного с точки зрения рассказчика-сказителя восприятия происходящего. Дискурсивные слова указывают на описываемую структуру действительности, «пропущенную» через оценку субъекта [5, с. 7–8], в нашем случае – через оценку сказителя, показывают способы его восприятия повествования, помогают правильно понять высказывание, экономят мыслительные усилия адресата в интерпретации смысла высказывания, т. е. управляют его вниманием [2, с. 10; 6, с. 15].

Анализ материала дает возможность сделать некоторые наблюдения в отношении сочетаемости *dō* и *dā* с другими членами предложения. Первое наблюдение касается того факта, что *dō* широко используется при переключении речи сказителя и персонажей, т. е. обычно служит вводу прямой речи, сочетаясь с глаголами говорения *sprechen, sagen, fragen, antworten* и некоторыми другими, стоящими в форме прошедшего времени претерита (примеры 1, 5–7):

(5) *Dō sprach der herre Gêrnôt: N 596. 1 – Da sagte Herr Gernot.*

(6) *dō sprach der wirt ze dem gaste: N 646.1 – Da sagte der Hausherr dem Gast.*

(7) “Des will ich gerne volgen”, sprach der kunec *dō* N 273.1 – “Darauf will ich gern eingehen”, erwiderte da der König.

Интересен последний пример, в котором ввод речи персонажа следует за самой речью, и *dō* занимает последнюю позицию в строфе. Употребление здесь дискурсивной частицы *dō*, как и во многих других случаях, обусловлено ритмическими причинами, необходимостью заполнить пустующее место в строфе, а также рифмой: *dō* рифмуется с *vrō* следующей строфы.

Второе наблюдение касается частотного употребления *dō* и *dā* в сочетании с глаголами *werden* и *sîn* в конструкциях, близких современному пассиву (примеры 8–12):

(8) *dō wart des kuneges koste vil harte hōhe gewegen N 683.4 – Die Kosten für das Fest, die dem König entstanden, wurden sehr hoch geschätzt.*

(9) *dō wurden si gewîhet. dō daz was getân, / dō sach man si alle viere under krōne vrōlichen stân N 642.3-4 – Dann wurden sie eingeseget. Danach sah man sie alle vier fröhlich im Glanz ihrer Krone stehen.*

(10) <...> *dō wart ir Gunther gehaz N 632.4 – Da begann auch Gunther sie zu hassen.*

(11) *dō wart die kemenâte vil balde zuogetân N 628.2 – da wurde das Gemach schnell geschlossen.*

(12) *Dā wart von guoten helden vil kleider abgerissen <...> / dā wart gedient den vrouwen, sō helde hōchgemüete tuont N 599. 1-4 – Da wurden von den tapferen, gutgelaunten Helden viele Kleider zerrissen <...> Dann diente man den Damen, wie das hochgestimmte Helden zu tun pflegen.*

Подводя итог, следует сказать, что дискурсивные слова *dō* и *dā* выполняют в средневековом немецком героическом эпосе функции оператора, актуализирующего различные смысловые пространства: физическое, темпоральное, локальное и коммуникативное. Эти сферы могут существовать самостоятельно или пересекаться, их пересечение или наложение обусловлено коммуникативными установками сказителя. Использование *dō* и *dā* представляет собой своеобразную формульность, некую присказку, имитацию устной речи с неспешным переходом от одного эпизода к другому и служит навигации на новый виток в развитии действия.

Поль Зюмтор в «Опыте построения средневековой поэтики» называет три функции средневекового дискурса: во-первых, идейную, предполагающую наличие связи между говорящим и внешним миром или говорящим и его сознанием, во-вторых, межличностную, при которой говорящий с помощью языка вводит в дискурс самого себя и предстает перед слушателем (читателем), и, наконец, в-третьих, текстуальную – прикладную по отношению к двум предыдущим, благодаря которой язык устанавливает связь с самим собой и ситуацией, образуя текст как дискурсивную единицу [3, с. 11–13]. Все эти функции в большей или меньшей степени выполняют дискурсивные слова, с помощью которых сказитель оптимальным образом не только структурирует и передает информацию о некотором фрагменте повествования, но и реализовывает свои коммуникативные установки. Дискурсивные слова фиксируют разные позиции, которые занимает сказитель – эпистемистический центр по отношению к пространству повествования. Эти позиции имеют разную векторную направленность, определяемую условиями коммуникативного акта, установками говорящего, особенностями устной рецепции, культурными, социальными и другими параметрами. Используя дискурсивные слова, сказитель так организует описание, что все участники речевой ситуации образуют общее речевое пространство, характеризующееся не столько чувственным восприятием его границ, сколько осознанием причастности к этой сфере. Сказитель переносит ситуацию, прожитую в прошлом, в актуальный момент речи, обнаруживая сопричастность к событию и представляя его собеседнику максимально наглядно.

Сказитель как организующий эпистемический центр коммуникативного пространства волен по своему усмотрению расширять или сужать его границы, фокусировать поле восприятия на любых элементах этого пространства, манипулировать его фрагментами, занимать по отношению к нему разные позиции.

Примечания

Сокращения: N – Das Nibelungenlied Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch // Hgg. v. Ursula Schulze. – Stuttgart: Reclam, 2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка / В. Г. Адмони. – М., 1963.
2. Баева, Г. А. К проблеме описания речевого поведения человека отдалённой от нас эпохи / Г. А. Баева // Германистика в современном научном пространстве: Традиционные и новые аспекты изучения германских и славянских языков. – Краснодар: КубГУ, 2013. – С. 9–13.
3. Зюмтор, П. Опыт построения средневековой поэтики / П. Зюмтор. – СПб.: Алетейя, 2003.
4. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (по материалам славянских языков) / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1985.
5. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998.
6. Baeva, G. Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman / G. Baeva // Etudes Medievales 15. – Amiens 2013. – S. 14–21.
7. Betten, A. Zur Satzverknüpfung im althochdeutschen Tatian / A. Betten // Althochdeutsch. – 1987. – S. 395–407.
8. Dal, I. Kurze deutsche Syntax / I. Dal. – Tübingen: Niemeyer, 1962.
9. Krause, M. Wer sind eigentlich – semantisch betrachtet – die Vorgänger von *da* + Präposition? Überlegungen zu ihrer Geschichte und Desiderata zu ihrer Beschreibung / M. Krause // Konnektoren im älteren Deutsch. Hgg. von Yvon Desportes. Akten des Pariser Kolloquiums März 2002. – Heidelberg: Winter, 2003. – S. 101–135.
10. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. – Stuttgart: Hirzel, 1992.
11. Lühr, R. Neuhochdeutsch / R. Lühr. – München: Fink, 2000.
12. Meineke, E. Konnektoren und Konnexion in Willirams Paraphrase des Hohen Liedes / E. Meineke // Konnektoren im älteren Deutsch. Hgg. von Yvon Desportes. Akten des Pariser Kolloquiums März 2002. – Heidelberg: Winter, 2003. – S. 41–75.
13. Schrod, R. Althochdeutsche Grammatik II. Syntax / R. Schrod. – Tübingen: Niemeyer, 2004.

Материал поступил в редакцию 08.07.16.

DISCOURSE PARTICLES *dô* / *dâ* IN GERMAN HEROIC EPIC

G.A. Baeva, Doctor of Philological Sciences, Professor
Saint Petersburg State University, Russia

Abstract. *The article explores communicative and textual and pragmatic features as well as syntactic combinability of discourse words *dô* / *dâ* on the material of “Nibelungenlied”, German medieval heroic epic.*

Keywords: *discourse, epic, discourse particle, deixis, storyteller.*

UDC 81

'PARKING ON CAMPUS TERRITORY' INVOLVES SPECIFIC VOCABULARY

O.A. Glushenko¹, S. Murray²¹ Candidate of Pedagogic Sciences,

Assistant Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Faculties,

² MA, Certified Translator,

ESL / EFL Teacher, Master's Equivalence of Science, Linguistics and Language Education

¹ Pskov State University, Russia

Abstract. *The article deals with the language adaptation of foreign students and particular language difficulties connected with a new educational environment. It targets creating and categorizing groups of specific vocabulary in terms of college / university study for those who are planning to participate in mobility programs.*

Keywords: *college, university, participate in mobility programs, language difficulties.*

Modern education is influenced by the economic, political, social, and cultural spheres of our life. It is also closely connected with the process of globalization and international engagement, which in its turn fosters the creation of new international academic programs for people from all over the world. Highly motivated young people from various backgrounds, speaking different languages, and carrying different cultural values gather in one university in the pursuit of getting an education and professional skills. They all however share similar experiences of cultural adjustment and transitioning while pursuing their studies. The new location of their study imposes new standards in education, such as curriculum, schedules, encounters with staff and group mates and new communication styles. Students should be able to "adjust" to a new educational environment; otherwise, the teaching-learning process will be impeded.

The American Medical Association (AMA) defines the *learning environment* as 'a social system that includes the learner (including the external relationships and other factors affecting the learner), the individuals with whom the learner interacts, the setting(s) and purpose(s) of the interaction, and the formal and informal rules / policies / norms governing the interaction.' [1] In accordance to this approach, the learning environment comprises three settings: institutional culture, curriculum (both formal and informal) and educational climate.

The dictionary explains the term "*adaptation*" as "the process of adapting to something," classified as nouns denoting natural processes. Its synonyms are *adaption*, *adjustment*, and its hyponyms are (each of the following is a kind of "adaptation") *acclimation* and *acclimatization*. The extent of the students' adapting to a new academic environment can vary from low to advanced, depending on their prior knowledge, social experience and motivation. We do realize that students face various difficulties in a new university, such as *language difficulties*, *different communication styles* and *the long process of adaptation to a new culture*. Some of the *language and communication* difficulties can manifest in cross-cultural encounters that lead to misunderstandings and frustrations. The language barrier or inability to communicate effectively is tied to such important issues as cultural stress, academic challenges, and disappointments. Ultimately, the inability to interact with professors, group mates and staff can lead to the students' social and cultural isolation. In this respect, facilitating cross-cultural adaptation involves not only instructional efforts, but also psychological preparation, guidance and patience on behalf of staff and group mates.

The focus of our research mostly concerns the *language adaptation* of foreign students and certain *language difficulties* associated with a new educational environment. Students whose native language differs significantly from English may experience a long-term struggle mastering the English language, particularly when it comes to sentence structure and connotations on the English language. *Language difficulties* fall under the category of *academic adjustment* and are considered the most critical issue that international students encounter these days. When it comes to *language deficiency*, students often face challenges in adapting not only to a new language, but also to a different academic environment, culture and society. Students find themselves in quite a predicament failing to understand not only the accents of their professors and peers, rate of their speech and pronunciation but also words, concepts and various interpretations in teaching and learning environment. On the contrary, *language proficiency* may have a profound effect on an individual's ability to learn and develop. When focusing on language proficiency, the communicative purpose of language is of primary importance (Baker, 2001). Language difficulties may have an impact on a students' *academic achievement*, their *social interactions and support*. Besides the problems with writing, reading and listening, international students may experience difficulties related to understanding academic and grammatical jargon. Other skills such as critical thinking or problems solving are closely tied to language proficiency. In addition, English proficiency influences social interaction and adjustment. Those who have higher confidence in communicating in English adjust more quickly and make friends easily.

Both formats of 'parking on campus territory' communication, formal and informal, involve specific vocabulary: divisions, admission, majors, programs, degrees, schools, scholarships, tests, credits, etc. We have categorized the mentioned above vocabulary into the following groups: 1. Types of post-secondary institutions; 2. Admission tests;

3. College application terms; 4. College costs and paying for college terms; 5. Financial aid / scholarships; 6. Staff and students; 7. General term related to colleges/ universities; 8. College tests, courses, and credits; 9. Degrees.

1. Types of post-secondary institutions:

College, Community college, Institute of technology, Liberal Arts College, Private Institution, Public Institution, Trade School, University, Private Institution, Public Institution, Trade School, University.

2. Admission tests:

ACT, AP (Advanced Placement), Placement test, SAT, SAT Subject Test

3. College application:

Application, Catalogue, College Essay, Common Application, Competency, Early Action, Early Decision, Need-based admission, Need-Blind Admission, Open Admission, Recommendations, Rolling Admissions, Transcript, Wait-list.

4. College cost:

Award Letter, Bursar's Office, Cost of Attending, Demonstrated Need, FAFSA, EFC, Financial Aid Office, Room and Board, Tuition and Fees.

5. Financial aid / scholarships:

Athletic Scholarships, Federal Pell Funds, Federal Perkins Loan, Financial Aid, Grants, Institutional Grant, Institutional Loan, Loans, Merit-Based Grant, Need-based Grant, Out-of-state student, PLUS Loan, Scholarships, Stafford Loan, Subsidized Loan, Work Study Program.

6. Staff and students:

Advisor, Audit, Board of Trustees, Counselor, Dean, Faculty, Part-time student, Provost.

7. General terms related to colleges / universities:

Academic year, Credit, Credit hour, Credit load, Curriculum, Department, Developmental Education, Drop, Finals week, GPA, Incomplete, Independent study, Intercollegiate Sports, Internship, Learning outcomes, Matriculation, Pass / Passing, Placement, Semester, Student Persistence, Student Retention, Waitlist, Waiver, Withdrawal, Work-study.

8. College tests, courses, and credits:

Credit, Credit hour, Credit load, Elective, ESL, Final exam, Lecture, Noncredit, Placement Test, Practicum, Prerequisite, Section.

9. Degrees:

Associate Degree, Degree, Major, Minor, Bachelor's Degree, Master's Degree, Doctorate.

Within these categories, we have given definitions to the terms explaining them in English. The second category contains the following abbreviations such as *ACT*, *AP*, *SAT*, *SAT Subject Test*. The *ACT* test is a curriculum-based education and career-planning tool for high school students that assesses the mastery of college readiness standards. The *AP* is the placement of a student in a high school course that offers college credit if successfully completed ("advanced placement English and chemistry courses"). The *SAT* is a standardized test widely used for college admissions in the United States. *SAT Subject Tests* are college admission exams on subjects that you choose to best showcase your strengths and interests. The third category contains a group of words somehow related to admission. *Early Action* is a type of *early* admission process for admission to colleges and universities in the United States. Unlike the regular admissions process, *early action* usually requires students to submit an application by November 1 of their senior year of high school instead of January 1. *Early decision* plans are binding – a student who is accepted as an *ED* applicant must attend the college. *Early action* plans are nonbinding – students receive an *early* response to their application but do not have to commit to the college until the normal reply date of May 1. *Need-blind admission* is a term used in the United States denoting a college *admission* policy in which the admitting institution does not consider an applicant's financial situation when deciding *admission*. *Colleges* have *waitlists* because they are never sure how many students will actually accept their offer to enroll in their *college*. A *waitlist* allows them to accept more students when the enrollment numbers are lower than they expected. In the fourth and fifth categories we can see the words related to college cost and finance. The *Award Letter* means documentation sent from a college or university to the student that details for how much financial support the student is eligible. The *award letter* is sent, following the student's submission of the *Free Application for Federal Student Aid (FAFSA)* and application to attend college or university. *Bursar* is the treasurer at a college or university. The bursar's office is where tuition, room and board, and almost anything else associated with the college are paid, an office of a professional financial administrator in a school or university. *Expected Family Contribution (EFC)* is a term used in the college financial aid process in the United States to determine an applicant's eligibility for need-based federal student aid, and in many cases, state and institutional (college) aid. A *Federal Perkins Loan* is a low-interest *loan* for both undergraduate and graduate students. The interest rate for a *Perkins loan* is 5 %. Your school is the lender. The *loan* is made with government funds, and your school contributes a share. Repay *Perkins loans* to your school. *Need based grants* are awarded by the federal government on the basis of financial *need*, which is determined when students fill out their '*Free Application for Federal Student Aid*' (*FAFSA*). The sixth category targets university staff and students. The *Advisor* is an expert who gives advice; an advisor is an academic counselor. Their purpose is to assist students in their academic careers and help with any problems that come along with accomplishing those goals. Each student is assigned an advisor, usually based on which school the student is in within the university or what specifically they are studying.

Note: The alternate spelling of this word is "adviser." These are generally interchangeable. The *Provost* is the chief administrator (ректор, проректор). The seventh category covers vocabulary on university as it is. *Drop* means to cancel *registration* in a *course* after enrolling into it. Students often add and drop courses before settling on a *class schedule* for a particular *quarter* or *semester*. See also *withdrawal*. *Finals week* is the last week in the academic quarter in which final exams are given. Normal class schedules often vary during finals week. Exam schedules are printed in the credit class schedule every quarter and posted on the website for students' convenience. *GPA* is a measure of a student's academic achievement at a college. This stands for *Grade Point Average*. It is a summarized, numerical value of a student's academics in college. A number is associated with the grade a student receives in each class, and these numbers are averaged to find the *GPA*. It is generally assumed that the higher the *GPA*, the better the student's academic performance is. *Matriculation ceremony* - церемония посвящения в студенты.

Students' ability to learn largely depends on their English language skills. Even though most international students possess basic skills to communicate in English, some additional support to help them bridge the academic, cultural, and language gap would be very beneficial to all involved in the educational process. Any modern technologies of language acquisition should be available for the students to adapt to learning, doing scientific research and communicating with professors and other students in a new university, starting with task-based approach, case-studies, project work, content and language integrated learning. We consider language skills a powerful tool that opens doors to cultivate the ability to transit into a new educational environment as well as professional interaction.

REFERENCES

1. American Medical Association (AMA), Initiative to Transform Medical Education. Strategies for transforming the medical education learning environment. Phase 3: Program implementation // Final report of the December, 2008 working conference.
2. College survival vocabulary. – URL : www.firstinthefamily.org (date of reference 18.05.2016).
3. Gatwiri, G. The Influence of Language Difficulties on the Wellbeing of International Students: An Interpretive Phenomenological Analysis / G. Gatwiri. – URL : www.studentpulse.com (date of reference 15.05.2016).
4. Juntarciego, G. K. The Academic Experiences of Undergraduate International Thomasian Students / G. K. Juntarciego, R. G. L. Maderazo // International Journal of Thesis Projects and Dissertations (IJTPD). – 2014. – Vol. 2, Issue 1. – P. 68–85. – URL : www.researchpublish.com (date of reference 20.05.2016).
5. The college application process. A list of terms for parents. – URL : www.whatkidscando.org (date of reference 18.05.2016).
6. The vocabulary of college. The vocabulary lists. – URL : www.vocabulary.com (date of reference 10.05.2016).

Материал поступил в редакцию 01.06.16.

«СТУДЕНЧЕСКАЯ ПАРКОВКА» КАК ОСОБАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

О.А. Глущенко¹, С. Мюррей²

¹ кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для лингвистических направлений,

² сертифицированный переводчик (CTP certified), преподаватель ESL, EFL, Master's Equivalence of Science, Linguistics and Language Education

¹ Псковский государственный университет, Россия

Аннотация. Статья рассматривает проблему языковой адаптации студентов и конкретные лингвистические трудности в новом образовательном пространстве. Целью исследования является создание и подразделение на категории особой лексики, связанной с обучением в колледже / университете. Статья предназначена для лиц, планирующих участие в программах мобильности.

Ключевые слова: колледж, университет, участие в программах мобильности, языковые трудности.

УДК 80

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ МАЛЫХ ФОРМ

Г.Н. Насырова, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО Дипломатическая академия МИД России (Москва), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена деловым текстам малых форм и их дифференциальным признакам на композиционном, когнитивном и лингвистическом уровнях. Автор сосредоточивает свое внимание на типах речевых актов, функционирующих в текстах подобного типа, проводит анализ директивных и гибридных речевых актов и приходит к выводу о том, что в интродуктивном и основном блоках деловых писем функционируют гибридные речевые акты (ассертив + прескриптив, ассертив + реквестив, ассертив + директив), а в заключительном блоке – простые речевые акты – бехабитивы, комиссивы.*

***Ключевые слова:** деловые тексты малых форм, дифференциальные признаки деловых писем, директивные и гибридные речевые акты, простые речевые акты.*

В современной лингвистике выделяются тексты малых и крупных форм. На структурном уровне тексты малых форм характеризуются малым объемом (10 – 15 строк) и стандартностью композиционного построения. В лингвистическом плане малоформатный текст отличается краткостью и сжатостью языковых средств выражения. С когнитивной точки зрения таким текстам присущи повторяющийся тип денотативной ситуации и сходство коммуникативно-прагматических контекстов их функционирования. Такие когнитивно-языковые и структурные особенности свойственны деловым текстам малых форм: письмо-запрос, письмо-ответ на запрос, письмо-заказ, письмо-рекламация, письмо-ответ на рекламацию. Данные тексты и являются объектом исследования в данной статье.

В рамках теории речевых актов исследуется механизм использования языка для достижения различных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей. Центральным понятием теории речевых актов является понятие «речевого акта», который трактуется как «способ достижения человеком определенной цели» в процессе речепроизводства, и под этим углом рассматриваются языковые средства, используемые им [2, с. 13].

По мнению ученых, основной характеристикой речевого акта в теории речевой деятельности считается его иллокутивная цель (интенция) [3 – 5]. М. Кулхарда считает, что «иллокутивная сила высказывания – это не столько то, что подразумевалось говорящим, сколько то, что понял слушающий, так как ни слушающий, ни исследователь не могут быть уверены в интенции говорящего ввиду недоступности проверки, а интерпретация речевого акта слушающим проявляется в его реакции, и именно это определяет успех интеракции» [5, с. 19].

Каждый речевой акт осуществляется в конкретной ситуации между конкретными коммуникантами и, следовательно, его языковые и смысловые характеристики определяются всеми условиями (интралингвистического и экстралингвистического характера), наличествующими в определенный момент речевого акта. Коммуникативный (речевой) акт как феномен речевого общения – сложный механизм, составляющие части которого выходят в разные сферы. Прежде всего, в речевом акте содержится компонент, предшествующий появлению этого акта, – имплицитный этап, на основе которого эксплицитно формируется речевая коммуникация. На имплицитном этапе в порождении речевого акта участвуют интенция говорящего и сумма всех предварительных знаний, служащие на эксплицитном этапе для раскрытия целей и предмета смысла, который должен быть передан адресату. На эксплицитном этапе используются как собственно языковые средства, так и паралингвистические средства. Таким образом, учет всех этих факторов необходим в силу того, что понимание смысла высказывания коммуникантом должно быть адекватным первоначальному замыслу, заложенному в момент порождения высказывания текста.

Как и любая другая теория коммуникативной деятельности, теория речевых актов формулирует свою оригинальную модель коммуникативной ситуации. Модель речевого акта наряду с такими компонентами всех моделей общения, как адресат, высказывание, обстоятельства, включает в себя также цель и результат речевого акта.

В рамках теории речевых актов и теории речевой деятельности предлагается классификация текстов на основе доминирующих коммуникативных интенций, где классификационным основанием служат иллокутивные функции: объявлять, характеризовать, классифицировать, описывать, информировать, инструктировать и др.

С опорой на иллокутивные типы речевых актов в лингвистике выделяются директивные, описательные и информативные тексты.

Прагматическая заданность делового текста связана с положением документа в процессе делового общения, с его конкретной адресностью, а также с его направленностью на достижение перлокутивного эффекта в виде ответного делового текста. Одной из основных коммуникативных функций деловых текстов малых форм является побудительная функция. Как правило, деловой текст выражает волеизъявление адресанта и направлен на каузацию деятельности адресата. В качестве аналога данного типа текста в системе выделенных прагматических

типов речевых актов можно рассматривать директив. «Директивы представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [4, с. 182]. Другими словами, целью директивных речевых актов является изменение окружающего мира с помощью речевых действий – «сделать так, чтобы мир соответствовал словам» [там же, с. 172].

Условия успешности директивного речевого акта заключаются в следующем: на подготовительной стадии адресат собирается совершить каузируемое действие, но выполнит это действие только в том случае, если будет побуждаем к этому. Следующая стадия предполагает выполнение условия искренности, которое заключается в желании адресанта побудить адресата к действию. Третья стадия требует выполнения условия пропозиционального содержания: адресант предсказывает будущее действие адресата. И на последней стадии необходимо существенное условие: попытка адресанта побудить адресата сделать каузируемое действие [1]. Дифференциация директивного речевого акта определяется действием прагматических факторов и неразрывно связана с ситуацией общения, поэтому типология директивного речевого акта по существу является прагматической. В лингвистике выделяют три основных типа директивов: 1) прескриптивы (предписывающие действия адресата); 2) реквестивы (побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего); 3) суггестивы (выражающие совет). Различия между данными типами директивного речевого акта основаны на трех прагматических признаках: обязательности выполнения действия для адресата; бенефактивности действия для одного из коммуникантов; приоритетности положения говорящего или адресата.

Каждый тип директивного речевого акта характеризуется своими признаками. Так, например, прескриптивные речевые акты делятся на: приказы, побуждения, принуждения, инструкции, предписания, заказы.

К реквестивным директивным речевым актам относятся: просьба, мольба и приглашение. К суггестивам относятся: совет, предложение, предупреждение.

В деловых текстах малых форм весьма частотны гибридные речевые акты. Под гибридными речевыми актами понимаются такие речевые акты, в которых объединяются иллокутивные силы двух разных типов речевых актов. Так, иллокутивная сила ассертива, актуализирующего некоторое сообщение, утверждение, сочетается с иллокутивной силой прескриптива, что обусловлено характером ситуации делового общения. Использование гибридных речевых актов ассертив + прескриптив связано со стремлением говорящего соблюсти принцип вежливости, что немаловажно для официально-делового общения, цель которого – достичь договоренности по какому-либо вопросу. При выражении побуждения с помощью гибридного речевого акта сторона принуждения как бы отступает на задний план.

Функционирование речевых актов в деловых текстах малых форм будет зависеть от типа делового письма (письмо-запрос, письмо-ответ на запрос, письмо-заказ, письмо-рекламация) и его блоков (интродуктивный, основной и заключительный). Так, например, интродуктивный блок делового письма «запрос» характеризуется главным образом наличием ассертивов, передающих содержательно-фактуальную информацию, например, об источнике получения информации или же о состоянии дел на рынке сбыта того или иного товара. Иллокутивная цель этого блока – мотивировать причину запроса к конкретному адресату. Основной прагматической функцией интродуктивного блока делового письма «заказ» является вежливое уведомление о получении письма адресата, здесь будут работать уже иные акты – бехабитивы – речевые акты, связанные со взаимоотношениями людей.

Прагматическая цель основного блока делового письма «запрос» – воздействовать на адресата с целью получения ответа на запрос и активизировать его к заключению сделки. На основании приоритетности позиции адресата (продавца), поскольку именно он принимает решение – выслать ответ на запрос или нет – и необязательности действия для покупателя, в данном блоке актуализируются гибридные речевые акты: ассертив + реквестив, ассертив + директив и др.

Целевая доминанта «заказ товара и незамедлительная его отправка» выдвигается в сильную позицию основного блока письма «заказ», прагматическая функция которого – активизировать адресата к отправке необходимого адресанту товара с максимальным соблюдением условий адресанта. Актуализация этой функции осуществляется в большинстве случаев посредством гибридного речевого акта: прескриптив + ассертив. Прескриптив выделяется на основании приоритетной позиции адресанта, что обусловлено его ситуационной ролью заказчика, чьи запросы адресат должен удовлетворить. Адресат (продавец) расценивает каузируемое действие как обязательное, ибо оно входит в круг его официальных обязанностей.

В заключительном блоке делового письма «запрос», функция которого – вежливое завершение контакта – используются бехабитивы. В заключительном блоке делового письма «заказ» к бехабитивам добавляются коммисивы, которые выражают обещание продолжить деловое сотрудничество при условии своевременного выполнения заказа.

Таким образом, в деловой коммуникации речевые акты не являются отдельными актами, они взаимосвязаны многократными языковыми связями, что делает возможным соотнесение их к гибридным речевым актам. Уважительное отношение к адресату в деловых текстах императивного характера ограничивает категоричность высказываний, смягчает коммуникативное намерение отправителя и директивность иллокутивной силы. Только при условии применения иллокутивной силы двух речевых актов можно обеспечить необходимую информативность делового текста, его надежность, официальность, логичность, ясность и лаконичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 168 с.
2. Кобозева, И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов речевой деятельности / И. М. Кобозева. – М., Вып. 17. – С. 7–21.
3. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22–130.
4. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 170–195.
5. Coulthard, M. An introduction to discourse analysis / M. Coulthard. – London, 1977. – 195 с.

Материал поступил в редакцию 29.06.16.

SPEECH ACTS FUNCTIONING IN SMALL-FORM BUSINESS TEXTS

G.N. Nasyrova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), Russia

Abstract. *The article is devoted to small-form business texts and their differential criteria on the structural, cognitive and linguistic levels. The author focuses her attention on different types of speech acts functioning in such texts, analyses directive and hybrid speech acts and arrives at a conclusion that there are hybrid speech acts (assertive + prescriptive, assertive + requestive, assertive + directive) in the introductory and principal units of the business letters and simple speech acts in the closing unit (commisives, behabitives).*

Keywords: *small-form business texts, structural, cognitive and linguistic criteria, directive and hybrid speech acts, simple speech acts.*

УДК 81'37=133.1(045)

**ЭСТЕТИКА ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В КНИГЕ С. ТЕСОНА «В ЛЕСАХ СИБИРИ»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

И.В. Градова, кандидат филологических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск), Россия

***Аннотация.** Актуальность выбранной темы состоит в том, что в основе лингвистического анализа лежит понятие «фильтров культурологического восприятия». Изучение языковых фактов проведено с целью выявления разницы между эстетическим восприятием действительности представителями французской и русской культур. Многомерная нюансированность французского взгляда на проявления русской культуры позволяет обнаружить иную субъективную интерпретацию русских реалий по сравнению с собственным интроспективным взглядом.*

***Ключевые слова:** фильтр восприятия, эстетика, многомерность, лексический изоморфизм, контекстуальные синонимы.*

Изучение средств индивидуальной вербализации относительно восприятия явлений «иной» культуры помогает понять как систему культурных ценностей, так и систему культурных фильтров, формирующихся в процессе развития и становления человека как продукта определенной культурной среды.

Предлагаемый фрагмент лингвистического анализа эстетического восприятия Сильваном Тесоном (Sylvain Tesson), автором произведения “Dans les forêts de Sibérie” [3], будет переключаться с вопросами, затронутыми в процессе исследования взглядов французов и американцев друг на друга по материалам современных французских медиа-текстов [1].

Изучение культуры другого через исследование его лингвистической культуры, языковой составляющей, речевого поведения остается актуальной темой в силу того обстоятельства, что, с одной стороны, данные исследования содействуют реализации конструктивной межкультурной коммуникации от межличностного до межнационального и общепланетарного уровней. С другой стороны, лингвистический анализ взгляда «другого» на нас помогает понять то, в каком виде мы отражаемся в глазах представителей других культур, через какие фильтры нас пропускают, помогает допустить возможность другого взгляда на себя, увидеть себя со стороны, с иной, нежели наша внутренняя, позиции, может быть, захотеть провести дополнительный интроспективный анализ, попытаться что-то изменить в себе, покритиковать себя, порадоваться за себя.

Русская действительность и русский человек в произведении С. Тесона пропускаются через ряд фильтров французского культурологического восприятия мира, в частности, некоторыми из них являются: фильтр многословия, фильтр эстетического восприятия действительности, фильтр экологического сознания, фильтр планового развития, фильтр безопасности.

В силу ограничений формата данной публикации представляется возможным подробнее остановиться на анализе языковых иллюстраций произведения относительно фильтра французского эстетического восприятия русской действительности и на основе лингвистического анализа предложить суждения о межкультурных отличиях французского и русского эстетического восприятия картины мира.

Анализ языковых фактов произведения “Dans les forêts de Sibérie” будет последовательно представлен относительно таких впечатлений-наблюдений, субъективных интерпретаций С. Тесона, как: а) отсутствие эстетического вкуса у русских, б) эстетика простого в русской культуре, в) игнорирование русским человеком восприятия отходов.

В качестве языковых примеров вербализации обобщения относительно отсутствия эстетического вкуса у русских можно привести примеры следующих генерализирующих предложений: 1) “En Russie, le formica triomphe”. 2) “Soixante-dix ans de matérialisme historique ont anéanti tout sens esthétique chez le Russe” [3, с. 30].

Если подвергнуть анализу эти две идущие в тексте произведения одна за другой фразы, то очевидно проявление лексического изоморфизма: одна фраза через использование синонимов повторяет и усиливает содержание другой, раскрывая лексико-стилистический потенциал слов.

Для пространственно-этнической идентификации в первом предложении использовано “En Russie”, во второй употребляется “chez le Russe”. Отсутствие эстетического начала обозначено в первом случае существительным

“le formica”, во втором – словосочетанием “anéantir tout sens esthétique”. Для С. Тесона слово “le formica” олицетворяет полное безвкусице, с одной стороны, и, с другой, выступает контекстуальным синонимом словосочетания “(un) sens esthétique”. Глагол “trionpher” в сочетании с “le formica” выражает тот же смысл, что и глагол “anéantir” вместе с “tout sens esthétique”: триумф пластика равен уничтожению любого эстетического чувства.

Действия по расправе со всеми предметами быта, содержащими пластмассовые составляющие, производимые С. Тесоном в процессе подготовки лесной избушки к проживанию, дополнительно подчеркивают тот факт, что авторский фильтр эстетического восприятия не пропускает пластмассу как артефакт: 3) «... я срываю линолеум, клеенки, полиэфирный брезент, пластиковые обои»... (“... j’arrache le linoléum, les toiles cirées, les bâches de polyester et les papiers plastique”), чтобы увидеть 4) «... круглые бревна с каплями смолы, бледно-желтые половицы цвета спальни Ван Гога в Арле» (“... les rondins perlés de résine et un parquet jaune pâle, de la couleur de la chambre de Van Gogh à Arles”) [3, с. 30].

Само упоминание цвета спальни Ван Гога в Арле в описании такого помещения, как лесная избушка на берегу Байкала, свидетельствует о том, какие тонкие нюансы, в данном случае цветовые, и культуропосредованные ассоциации являются значимыми в эстетике восприятия С. Тесона.

Чтобы показать реакцию русского человека, Володи, С. Тесон использует прилагательное “consterné» «потрясенный» (“Volodia nous regarde, consterné”) и пишет: «Он *не видит*, что голое, янтарного цвета дерево красивее для глаза, чем клеенка» (“Il ne voit pas que le bois nu, ambré est plus beau à l’œil que la toile cirée”) [3, с. 30]. При этом форма *voit* выделена курсивом, который выступает здесь в качестве стилистического средства.

С. Тесон четко поляризует эстетическое восприятие «красиво – некрасиво», вербализованное следующим образом: 5) “Je suis le bourgeois défendant la supériorité du parquet sur le lino” («Я являюсь буржуа, защищающим превосходство паркета над линолеумом»). 6) “L’esthétisme est une déviance réactionnaire”. («Эстетика – это реакционное отклонение») [3, с. 30].

В случае данных обобщений можно еще раз сказать о лексическом изоморфизме, который проявляется через использование контекстуальных синонимов, являющихся одновременно метонимическими средствами. Так, контекстуальным синонимом к словосочетанию “la supériorité du parquet sur le lino” будет выступать “l’esthétisme”.

“La supériorité” так же, как “l’esthétisme”, содержит сему исключительности: исключительность с дополнительным значением превосходства свойственна понятию “la supériorité” [4], в то время как исключительность в чистом виде присуща понятию “l’esthétisme” [4].

Самоирония С. Тесона проявляется в использовании слова “le bourgeois”, приобретшего в современном французском узусе дополнительную негативную коннотацию приверженца уходящих в прошлое правил, “qui fait preuve d’un conservatisme étroit” [4]. Неположительная семантика эксплицитно реализована в словосочетании “une déviance réactionnaire” («реакционное отклонение») и подтверждает коннотативную интерпретацию слова “le bourgeois”, поскольку выражает его характеристику.

Активная авторская позиция в защиту того, что может рассматриваться и как «реакционная девиация», соответствует требованию французской культуры к выражению собственного мнения.

Многомерность эстетического восприятия окружающего русского пространства проявляется в том, что С. Тесон отмечает отсутствие всякого эстетического вкуса и одновременно оценивает эстетику простого в русской культуре.

Так, например, конструктивная простота избушки в сибирском лесу особенно привлекательна С. Тесону. Картезианское сознание французского писателя предлагает следующие аргументы, подтверждающие эстетику русской лесной избушки: 7) “... une protection parfaite contre le froid...” («... прекрасная защита от холода...»); 8) “Elle n’enlaidit pas le sous-bois...” («Она не делает некрасивым подлесок...»); 9) “... elle se dresse sur le podium des plus belles réponses humaines à l’adversité du milieu” («... она возвышается на подиуме самых красивых ответов человечества враждебности пространства») [3, с. 31].

Эстетическое восприятие в приведенных иллюстрациях вербализуется через использование таких форм, как: “parfait”, “elle n’enlaidit pas”, “les plus belles”. В каждом из перечисленных примеров содержится тема «красивый, совершенный». Это подтверждает стремление С. Тесона увидеть красивое, эстетичное в окружающем пространстве.

Следующим аспектом, на который С. Тесон обращает свое внимание, является такая особенность русского эстетического восприятия, как игнорирование русским человеком восприятия отходов. Обобщение наблюдений проявляется у С. Тесона в следующих предложениях: 10) “Les Russes font table rase du passé, jamais de leurs déchets”. («Русские освобождают себя от прошлого, но никогда от своих отходов»). 11) “Jeter quelque chose? *Plutôt mourir*, disent-ils”. («Что-то выбросить? *Скорее умереть*, – говорят они»). 12) “Ils ne voient pas les déchets”. («Они *не видят* отходы»). 13) “Ils ignorent mentalement le spectacle étalé sous leurs yeux”. («Они мысленно игнорируют картину, располагающуюся перед их глазами»). 14) “Le verbe *Abstractirovaouit*, ‘faire abstraction’, est un maître mot quand on habite sur une décharge”. («Глагол *Abstractirovaouit*, “абстрагироваться”, главное слово, когда живут на свалке») [3, с. 32].

Авторский фильтр французского восприятия не пропускает определенные реалии русского быта, эти реалии не вписываются в его картину мира. С. Тесон несколько раз вербализует то обстоятельство, что русское сознание не обращает внимания на мусор, используя такие слова и выражения, как: “faire table rase”, “jeter

quelque chose?”, “ne pas voir” (с выделенной курсивом отрицательной частицей *pas* в стилистических целях), “ignorer”, “faire abstraction”. Все эти контекстуальные синонимы в пространстве одного абзаца экспрессивно выражают значение «не видеть» и являются активно работающими стилистическими средствами. Также наблюдается неоднократное повторение слова “les déchets”, синонимом которого выступает слово “une décharge”.

Эмоциональное отношение к процессу освобождения от чего-либо лишнего, мусорного активно проявляется в риторическом вопросе “Jeter quelque chose?”, сопровождаемом подразумеваемым ответом “*Plutôt mourir*”. Выделение курсивом ответа русского человека несет дополнительную стилистическую нагрузку усиления, выражения эмоции несогласия с необходимостью выбросить что-нибудь.

В следующих фразах можно увидеть примеры мусора на российских просторах: “Pourquoi balancer un moteur de tracteur dont le piston pourrait servir de cul-de-lampe? Le territoire de l’ex-Union soviétique est jonché des excréments des plans quinquennaux: usines en ruine, machines-outils, carcasses d’avion” [3, с. 32]. Контекстуальными синонимами слова “les déchets” будут служить в данном случае: “un moteur de tracteur”, “des usines en ruine”, “des machines-outils”, “des carcasses d’avion”.

Однако, при том, что С. Тесон обращает внимание на отсутствие эстетического вкуса у русских, он одновременно замечает эстетику простого в русской культуре, он не может понять игнорирование русским человеком восприятия отходов, но несмотря на все эти наблюдения, автор воспринимает свое пребывание в лесной сибирской избушке на берегу Байкала как пребывание на заветном берегу, на котором ему экзистенциально хорошо.

Рассмотренные примеры языковых иллюстраций дополнительно доказывают тезис о том, что восприятие действительности проходит у представителей разных культур через разные фильтры восприятия, обусловленные историей и актуальным состоянием своего родного культурного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градова, И. В. Американцы и французы: взгляд друг на друга / И. В. Градова // *Американистика: результаты и перспективы межрегиональных исследований и сотрудничества*. – Архангельск: Пресс-Принт, 2014. – С. 201–222.
2. Baudry, P. Français et Américains: des modes de pensée radicalement différents / P. Baudry. – Magazine N°617. – 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lajauneetlarouge.com/article/francais-et-americains-des-modes-de-pensee-radicalement-differents#.VGH8DcnS1R4> (дата обращения 18.05.2016).
3. Tesson, S. Dans les forêts de Sibérie / S. Tesson. – Gallimard, 2010. – 272 p.
4. Trésor de la langue française informatisée (TLFi). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения 18.05.2016).

Материал поступил в редакцию 20.06.16.

AESTHETICS OF FRENCH AND RUSSIAN PERCEPTION OF REALITY IN “DANS LES FORÊTS DE SIBÉRIE” BY S. TESSON: LINGUISTIC ASPECT

I.V. Gradova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk), Russia

Abstract. *The relevance of the chosen topic lies in the fact that the notion of cultural perception filters is basic to linguistic analysis. The study of linguistic facts has been conducted to reveal the differences in aesthetic perception of reality by representatives of French and Russian culture. The nuanced multidimensionality of the French way of looking at Russian culture occurrences allows to discover an original subjective interpretation of Russian realia which differs from one’s own introspective point of view.*

Keywords: *perception filter, aesthetics, multidimensionality, lexical isomorphism, contextual synonyms.*

УДК 371.38

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСПАНОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ В КОСВЕННУЮ

П.Н. Саволук, ассистент кафедры русского языка как иностранного
Обнинский институт атомной энергетики – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет – Московский инженерно-физический институт» (ИАТЭ НИЯУ МИФИ), Россия

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены правила трансформации прямой речи в косвенную в русском языке в сравнении с испанским языком. На основе проведенного анализа выявлены основные ошибки, которые могут возникнуть у испаноговорящих студентов при изучении русского языка на базовом уровне, и представлены типы практических заданий для предотвращения этих ошибок и закрепления навыков перевода прямой речи в косвенную.*

***Ключевые слова:** базовый уровень, прямая речь, косвенная речь, трансформация, испанский язык, практические упражнения, общий вопрос, специальный вопрос.*

Навыки перевода прямой речи в косвенную должны быть сформированы у учащихся на базовом уровне владения языком. Данная тема заявлена в Государственном стандарте по русскому языку как иностранному.

Умение трансформировать прямую речь в косвенную является очень важным. Иностранцы учащиеся должны понимать на слух содержание высказываний собеседника, его коммуникативные намерения и уметь пересказывать чужие слова.

У испаноговорящих студентов данная тема не вызывает особых трудностей, так как основные принципы перевода прямой речи в косвенную в русском и испанском языках совпадают. Тем не менее, есть ряд отличий, на которые следует обращать внимание с целью предотвращения ошибок.

Подача темы начинается с введения понятий. Прямая речь – слова говорящего, которые автор передает без изменений [3, с. 204] Косвенная речь – слова говорящего, которые автор передает с изменениями [3, с. 205].

Прямая речь в русском языке, как и в испанском, оформляется в кавычки или выделяется с помощью тире. Важным моментом является сопоставление оформления прямой речи и косвенной. Можно предложить следующую таблицу, которая поможет визуалью запомнить средства оформления прямой и косвенной речи. Необходимо обращать внимание учащихся на обязательную постановку запятой при образовании сложного предложения в косвенной речи, так как в испанском языке это правило отсутствует.

Таблица 1

Прямая речь	Косвенная речь
«»: «Позвоните завтра». –: – Куда ты идешь? – В аптеку.	
? / ! / , / .	, / .

Следующим важным моментом при введении данной темы является акцент на изменении форм личных и притяжательных местоимений, а также глаголов. Модель изменения данных форм в испанском языке аналогична. Елена: «**Я секретарь, работаю в офисе**». → Елена говорит, что **она работает в офисе**. В испанском: Elena: “**Soy secretaria. Trabajo en la oficina**”. → Elena dice que **es secretaria y trabaja en la oficina**.

Говоря об изменении форм глагола, необходимо отметить отсутствие в русском языке согласования времен в косвенной речи, которое наблюдается в испанском языке. Данный процесс происходит в том случае, если предикат в главном предложении находится в прошедшем времени (Preterito Indefinido). Изменение формы глагола в придаточном предложении происходит вместе с изменением указательных местоимений и наречий времени и места.

В русском языке данный процесс не происходит (Он говорит, что будет дождь. Он сказал, что будет дождь. Завтра по радио скажут, что будет дождь.), поэтому перевод прямой речи в косвенную по сравнению с испанским языком вызывает меньше сложностей.

Как и в испанском языке, в русском языке перевод в косвенную речь сопровождается использованием определенных глаголов. В русском языке на базовом уровне обучения наиболее частотными являются глаголы *говорить / сказать, ответить*, которые используются вместе с дательным падежом (ПЗ), и *спросить, попросить*, которые требуют использования винительного падежа (П4). Аналоги этих глаголов в испанском языке: *decir* – сказать / *hablar* – говорить, *responder* – ответить, *preguntar* – спросить, *pedir* – попросить.

Различную сочетаемость представленных русских глаголов рекомендуется отработать на упражнениях следующего типа: Он (сказать) (брат) → Он сказал брату. Мы (спросить) (преподаватель) → Мы спросили

преподавателя. Анна (ответить) (Игорь) → Анна ответила Игорю. Сын (попросить) (мать) → Сын попросил мать. Или могут быть предложены упражнения, созданные по следующей модели: Анна – Иван (?) → Иван – Анна (.) (Анна спросила Ивана / Иван ответил Анне). Я – друг (.) → Друг – я (.) (Я сказал другу / Друг сказал / ответил мне).

В РКИ выделяются 4 варианта изменения прямой речи в косвенную.

1. Утверждение. Сюда относятся и восклицательные предложения, не несущие в себе оттенок приказа или просьбы. В русском языке строим сложное предложение с союзом «что». Она: «Я учу испанский язык». → Она сказала, **что** учит испанский язык. Он: «Это прекрасно!» → Он сказал, **что** это прекрасно. В испанском языке используем союз “**que**”. Ella: “Estudio el español”. Ella ha dicho **que** estudia el español. El: “¡Es maravilloso!” → El dice **que** es maravilloso.

2. При передаче прямой речи со специальным вопросом модель аналогична в обоих языках. Здесь используем вопросительные слова кто (quién), что (qué), когда (cuándo), как (cómo), где (dónde) и др. В русском языке после главного предложения ставится запятая, далее идет вопросительное слово и придаточное предложение. В испанском языке модель отличается только отсутствием запятой. Он спрашивает меня: «Когда придет твоя сестра?» → Он спрашивает меня, **когда** придет моя сестра. El pregunta: “¿Cuándo viene tu hermana?” → El pregunta **cuándo** viene mi hermana. Она спрашивает: «Как зовут твою мать?» → Она спрашивает, как зовут мою мать. Ella pregunta: “¿Como se llama tu madre?” → Ella pregunta como se llama mi madre.

3. Прямая речь с общим вопросом в испанском языке переводится с помощью союза “si”, который эквивалентен русскому «ли». Он спрашивает: «Ты сделал домашнее задание?» → Он спрашивает меня, **сделал ли** я домашнее задание. Él pregunta: “¿Has hecho la tarea?” → Él pregunta **si** he hecho la tarea. Профессор спрашивает: «У вас есть сегодняшняя газета?» → Профессор спрашивает, **есть ли** у нас сегодняшняя газета. Él profesor pregunta: “¿Tienen ustedes el periódico de hoy?” → Él profesor pregunta **si** tenemos el periódico de hoy.

Следует обратить особое внимание учащихся на местоположение слова «ли» в русских предложениях с общим вопросом. Важно помнить, что схема может быть следующей: глагол + ли / наречие + ли / существительное в косвенном падеже + ли: «Ты приедешь?» – ..., **приеду ли** я. «Ты скоро приедешь?» – ..., «**скоро ли** я приеду». «Ты приедешь на поезде?» – ..., **на поезде ли** я приеду.

Необходимо обратить внимание иностранцев на то, что перед частицей ли ставится главное слово, которое может быть выражено разными частями речи. При переводе прямой речи в косвенную в вопросе без вопросительного слова на первое место ставится слово, содержащее вопрос (центр ИК-3), на второе – обычно частица ли [4, с. 100]. В связи с этим для предупреждения ошибок во время прослушивания устной речи учащиеся четко должны услышать интонационное ударение. В письменной речи необходимо выделение вопросительного слова, например, курсивом. Переводя прямую речь в косвенную из диалога, легко понять главное слово, содержащее интонационное ударение, по ответу собеседника:

– *Интересная была лекция?*

– *Да, очень интересная.*

4. Последняя модель перевода прямой речи в косвенную в русском языке содержит просьбу, совет или приказ в прямой речи. В косвенной речи мы используем слово «чтобы» и предикат в прошедшем времени. Одним из показателей данного типа предложений часто является наличие восклицательного знака (что не является абсолютным показателем принадлежности предложения к данному типу) в прямой речи. Главным условием здесь является наличие императива. При замене предложений данного типа используем, как правило, глагол «попросить». Важно обратить внимание учащихся на необходимость использовать после слова «чтобы» предикат в форме прошедшего времени, так как субъекты действия в главном и придаточном предложениях отличаются. В испанском языке прямая речь с содержанием побуждения к действию не выделяется в специальную группу, так как изменения происходят по той же модели, что и в предложениях с утверждением или восклицанием. *Mama habla a su hijo: “Él haga la tarea”.* → *Mama habla a su hijo **que** el haga la tarea.* Мама говорит сыну: «Сделай домашнее задание». → Мама говорит сыну, **чтобы** он сделал домашнее задание. Из-за различий в модели изменений таких предложений рекомендуется особое внимание уделять именно этой группе. Необходимо рассмотреть восклицательные предложения, содержащие и не содержащие побуждения к действию в русском и испанских языках, проследить их изменение. Одним из основных моментов, на который следует обращать внимание при объяснении данной темы, является различие в использовании слов «что» и «чтобы». Целесообразно при закреплении данной темы выполнение упражнений следующего типа: *Я попросил (друг): «Помоги мне». Я сказал (друг): «Ты очень помог мне».*

При отработке перевода прямой речи в косвенную необходимо проделать упражнения на каждый аспект, будь то глагольная сочетаемость или перевод общего вопроса в косвенную речь. Рекомендуется разобрать первую модель трансформации, выполнить упражнения, а затем переходить ко второй модели. После отработки изменений по двум моделям необходимо смешать в упражнениях примеры, относящиеся к разным типам. Аналогично рекомендуется произвести добавление еще двух видов трансформации.

Использование предложенных упражнений в испаноговорящей аудитории должно способствовать акцентированию внимания студентов на особенностях передачи косвенной речи в русском языке. А знание основных отличий трансформации в русском и испанском языках поможет избежать ряда ошибок у студентов и эффективнее организовать работу преподавателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, В. Е. Дорога в Россию. Учебник русского языка (базовый уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, М. В. Сафонова и др. – М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2013. – 258 с.
2. Вагнер, В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи / В. Н. Вагнер. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 384 с.
3. Глазунова, О. И. Давайте говорить по-русски. Учебник по русскому языку. – 5-е изд., стереотип. / О. И. Глазунова – М.: Русский язык, 2003. – 336 с.
4. Иванова, Э. И. Наше время. Учебное пособие по русскому языку для иностранцев. – 2-е изд. / Э. И. Иванова, И. А. Богомолова, С. В. Медведева. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 208 с.

Материал поступил в редакцию 21.06.16.

RECOMMENDED PRACTICE FOR LEARNING THE CHANGE FROM DIRECT TO INDIRECT SPEECH BY SPANISH-SPEAKING AUDIENCE

P.N. Savolyuk, Teaching Assistant of the Department of Russian as a Foreign Language
Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering – branch of National Research Nuclear University – Moscow
Engineering Physics Institute, Russia

***Abstract.** The article is concerned with the rules of change from direct to indirect speech in Russian compared to Spanish. Based on the performed analysis, the common errors that are likely to be made by the Spanish-speaking students when learning Russian on basic level are revealed, and examples of practical exercises to prevent such errors and reinforce the skills of changing direct to indirect speech are presented.*

***Keywords:** basic level, direct speech, indirect speech, change, Spanish, practical exercises, polar question, constituent question.*

Linguistic Theory
Теория языка

УДК 81.13

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Л.Г. Бузук, кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и перевода
Российский государственный социальный университет (Москва), Россия

***Аннотация.** Современный человек, знающий иностранный язык, периодически в той или иной степени выступает в роли переводчика. В данной статье уточняются задачи переводоведения, отмечаются проблемы трактовки перевода текстов, выдвигаются критерии оценки перевода, а также приводятся методы перевода «перифраза» и «пересказа», умелое применение которых позволяет повысить квалификацию переводчика и избежать опасных моментов.*

***Ключевые слова:** переводоведение, лингвистическая герменевтика, метод «парафразы», метод «пересказа».*

На современном этапе, в условиях глобализации многих сфер социальной жизнедеятельности, происходит невиданное ранее расширение масштабов межкультурного взаимодействия. Многоязычие из интеллектуального хобби стремительно превращается в настоятельную потребность. Все большее число людей владеют двумя и более иностранными языками, что порождает проблемы, требующие своего осмысления.

Переводоведение и его задачи

Количественное возрастание интереса к иноязычию сопровождается, к сожалению, снижением качества языковой культуры общения. Современные методики обучения иностранным языкам в значительной степени ориентированы на усвоение устной речи в короткие временные сроки. В реальности это ведет к трафаретному заучиванию отдельных фраз, позволяющих человеку не потеряться в чужой стране и вести несложные беседы по конкретным темам. Диапазон владения иностранными языками широк: от разговора с помощью жестов и «ломаного» произношения до свободного владения. В результате сложившаяся ситуация привела к снижению в обществе авторитета деятельности переводчиков. В сознании людей утвердилось ошибочное суждение о том, что можно легко обойтись и без их усилий. Некачественный любительский перевод наносит непоправимый вред международным контактам, нередко портит и вредит общению между людьми. В связи с этим следует согласиться с мнением известного испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета о «необходимости возродить престиж этой работы и считать ее умственным трудом первого порядка» [1, с. 352]. Задачу возрождения социального престижа и призвано решать переводоведение. Посредством выработанного им набора научных критериев и основополагающих положений, проводится демаркация между переводом профессиональным и любительским. Переводоведение помогает лучше узнать лингвистические возможности языка – первичной науки, «тонкой пленки, накинутой на образы мира». Х. Ортега-и-Гассет справедливо полагал, что современная наука невозможна вне языка, ведь «делать науку – значит говорить..., потому что язык – это первичная наука. Именно поэтому современная наука живет в постоянном споре с языком...» [1, с. 346].

Проблема языка и разные трактовки перевода

Известный философ, специалист в области лингвистики и языкознания П. Рикер обратил внимание на факты, имеющие важное теоретическое и методическое значение. Во-первых, «язык играет ведущую роль в саморазвитии отдельного языкового сообщества. Язык, под которым понимается система знаков и обмен ими, социален – он есть свойство человечества, подобное способности пользоваться различными инструментами, умение создавать социальные учреждения и т. д.». Во-вторых, потребность в переводе объясняется тем, что люди общаются на разных национальных языках. Профессиональным переводчикам когда-то предшествовали путешественники, купцы, послы, шпионы, среди которых многие говорили на двух или нескольких языках; во все времена встречались и полиглоты. В-третьих, если перевод социален и существует с незапамятных исторических времен, то следует предположить, что в любом человеке есть способность овладеть иностранным языком и участвовать в переводе. Отсюда и значимость методической культуры обучения знанию иностранного языка [2, 3]. Очевидно, что наличие множества иностранных языков не несет пользу человечеству, препятствует общению и взаимопониманию между людьми. В тоже время, это обстоятельство стимулирует деятельность по переводу

содержания иноязычных текстов. Различают два устоявшихся методических подхода к пониманию природы перевода как лингвистического феномена. В узком смысле слова – это переложение словесного сообщения с одного языка на другой, выдвигающее на первый план языковую проблему отношений «свое – чужое». В этом смысле речь идет о поиске альтернатив языкового единства, «нащупывании» изначально свойственных языкам общим лингвистических структур. В широком смысле перевод понимается как осмысление и толкование текста в рамках родного языка, по формуле: «Понять – значит перевести». В этом случае перевод направлен на поиск «идеалов» языка, очистку содержания текста от дефектов и несовершенств.

Принципиальная возможность / невозможность перевода текста

Существуют две противоположенные точки зрения. Одни (лингвисты-релятивисты) утверждают, что «различные языки совершенно разнородны и перевод с одного языка на другой априори абсолютно недостижим» [2, с. 5]. Принципиальная непереводаемость текста обусловлена несоответствием между языковыми уровнями-подсистемами различных языков: фонетический и артикуляционный уровни, сформированные на основе фонологической системы данного языка (гласных, согласных и т. д.); концептуальный уровень языка, то есть системы понятий, из которых составляется его лексика (словари, энциклопедии и т. д.); синтаксический уровень, зависящий от грамматической структуры языка. Кроме того, мировоззренческая, лингвокультурная, герменевтическая ментальность, присущая носителям одного языка, оказывается чуждой и непонятной для представителей другого языка. Взаимное непонимание представителей различных языковых национальных культур является нормой и делает перевод теоретически невозможным, а методическое обеспечение излишним. Другие («кабинетные формалисты») заявляли о существовании практики переводов, являющейся подтверждением возможности перевода. Если перевод реален, то существуют и общие языковые структуры, составляющие общую для всех языков первооснову (праязык), которую необходимо либо найти и восстановить, либо выстроить логическим путем заново. Версия о праязыке проповедовалась в трудах гностиков, в Каббале, в оккультных учениях разных толков, не утратила актуальности и в наше время.

Верность / неверность перевода источнику и абсолютный критерий хорошего перевода

П. Рикер заявлял о необходимости заменить лингвистическую альтернативу непереводаемости / непереводаемости текста, ведущую к тупику, на «практическую дилемму верности / неверности источнику» [2, с. 6]. Другими словами, переводческая деятельность существует реально, а схоластические рассуждения на тему ее принципиальной невозможности просто неуместны. Речь может и должна идти только о точности сохранения авторского содержания в тексте перевода. Такая постановка вопроса требует определения «абсолютного критерия хорошего перевода». По мнению П. Рикера: «...Хороший перевод может и должен стремиться лишь к относительной равноценности источнику... а единственно возможная критика чужого перевода... состоит в том, чтобы предложить свой перевод, столь же сомнительный по своей удачности, но будто бы лучший или будто бы иной. И это как раз то, чем постоянно занимаются профессиональные переводчики. Все великие произведения мировой культуры известны нам, в основном, в повторных переводах, которые, в свою очередь, тоже не могут считаться непревзойденными. Это относится к переводам Библии, Гомера, Шекспира, всех вышеупомянутых авторов, а также философов от Платона до Ницше и Хайдеггера. Любая наша попытка сблизить иностранный язык со своим родным языком сопряжена с риском, который превращает этот процесс в изнурительное испытание; это наша вечная плата за свою страсть к переводу...» [2, с. 6]. Отсутствие образцов в переводе отмечает и Х. Ортега-и-Гассет: «... каждое произведение неповторимо, а перевод лишь орудие, приближающее нас к нему..., из этого следует, что один и тот же текст допускает несколько переводов... Когда сравниваешь оригинал Платона с переводом, пусть даже самым недавним, поражает и раздражает не то, что в переводе улетучилась чарующая сладость платоновского стиля, а потеря трех четвертей предметов, тех самых предметов, которые действуют в высказываниях философа, которые он то едва намечает, то любовно выписывает. Поэтому он так скучен для современного читателя, а вовсе не потому, что, как принято считать, при переводе пострадала его красота. Как он может быть интересным, если из текста выкинули все содержимое, оставив лишь тонкую оболочку, бесплотную и холодную. И заметьте, мои слова – не пустое предположение. Хорошо известен факт, что только один перевод Платона был по-настоящему плодотворным. И этим переводом является именно перевод Ф. Шлейермахера, и именно потому, что он намеренно отказался делать красивый перевод и захотел сделать приблизительно то, о чем я говорю...». С позиции Х. Ортега-и-Гассета перевод обязан «переселить вас в бедного неудачника Платона, который двадцать четыре века назад на свой лад пытался удержаться на волне жизни...» [1, с. 350–351]. Механический перевод авторского текста невозможен и бессмыслен. Перевод представляет собой особый литературный жанр, обладающий собственными нормами и целями. Поэтому «перевод – не само произведение, а путь к нему, приближающее к оригиналу, но не претендующее на его повторение или замену» [1, с. 349].

Методы перевода

По мнению одного из основателей «классической герменевтики» Фридриха Шлейермахера, перевод – это процесс, который переводчик может осуществлять в двух противоположных смыслах: или автора приближают к языку читателя, или читателя приближают к языку автора. В первом случае, когда авторский язык максимально приближают к языку читателя, содержание авторского текста переводится не в полном смысле этого

слова. Переводчик скорее имитирует авторский текст, пересказывая содержание. Старается передать читателю, не знающему иностранного языка, те же образы и впечатления, которые испытал сам, знакомясь с произведением на иностранном языке, заменяя и вытесняя то, что для читателя было бы чуждым. Во втором случае, когда читателя приближают к языку автора, переводчик стремится оторвать современного читателя от его устоявшихся языковых навыков и вынуждает двигаться в сферу языковых навыков автора текста. Переводчик обращается к читателю как к знатоку и современнику автора. Смещение этих путей для профессионального переводчика недопустимо, так как это неизбежно приведет в переводе к пестрой смеси, к расхождению между автором текста и читателем [3, с. 132–133].

На основании этих подходов Ф. Шлейермахер говорит о двух переводческих методах: «парафразы» и «пересказа» («вольного / свободного переложения»). Метод «парафразы» применяется по большей части в научной литературе. Суть метода заключается в том, что переводчик во главу угла ставит верность отдельным частям подлинника, оперирует элементами обоих языков так, как если бы они были математическими знаками, находящимися в определённом отношении друг к другу. Метод «пересказа» («вольного / свободного переложения») используется больше в сфере искусства. Этот метод обязывает переводчика не пренебрегать историческими, национальными, религиозными различиями в языках, обычаях, образовании, а стремиться к тому, «чтобы для читателя произведение стало по возможности тем, чем был оригинал для первоначального читателя» [3, с. 140], для этого надо пожертвовать точностью соответствия. При этом переводчик в «пересказе» создает такое впечатление, каким оно было у читателей современников подлинника, отказываясь от соответствия отдельным его частям.

Приведенные рассуждения о теоретических и методических основах перевода позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, переводоведение, активно занимающееся проблемами языкознания, пытается через лингвокультуру и герменевтику открыть пути совершенствования процесса взаимопонимания людей в процессе межнационального общения. Работа с иноязычными текстами по природе своей является герменевтическим процессом, главной задачей которого является понимание, сохранение и по возможности точная передача содержания авторского текста. Деятельность автора, переводчика, читателя по сути своей есть интерпретирование, связанное с преодолением противоречий между оригиналом и переводом. Замкнутое в границах языка, в сознании автора, переводчика, читателя герменевтическое содержание авторского текста, обладая относительной самостоятельностью, может совпадать полностью, частично или не совпадать вовсе. Во-вторых, перевод является сложной герменевтической задачей, удваивающей (автор-переводчик), а то и утраивающей (автор-переводчик-читатель) сам герменевтический процесс. Сложность перевода состоит в отсутствии «совершенного» перевода, в недостижимости подобного образца. Речь может идти только о том, насколько верен или неверен перевод своему источнику, поэтому перевод всегда является делом рискованным, так как переводчик, выступая соавтором, способен исказить (ухудшить, улучшить) содержание авторского текста. В-третьих, переводчик должен быть верен себе и больше никому. Его деятельность наравне с интеллектуальными и теоретическими проблемами также имеет и ярко выраженный нравственный аспект. Ведь именно переводчик ведет читателя к автору или автора к читателю, рискуя при этом служить двум господам и вводить их в осознанные заблуждения. Соблюдение нравственных профессиональных норм позволяет избежать подобного рода опасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Наука, 1991. – 408 с.
2. Рикер, П. Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. / Пер. М. Эдельман / П. Рикер // *Esprit*. – Париж, 1999. – № 253. – 10 с.
3. Шлейермахер, Ф. Д. О разных методах перевода: лекция, прочитанная 24 июня 1813 года / Ф. Д. Шлейермахер // *Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология»: Науч. журнал.* – 2000. – № 2. – С. 127–145.

Материал поступил в редакцию 22.06.16.

CURRENT ISSUES OF TRANSLATION AND INTERPRETING STUDIES

L.G. Buzuk, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Linguistics and Translation Department
Russian State Social University (Moscow), Russia

Abstract. *From time to time in a varying degree contemporary person who knows a foreign language acts as a translator or an interpreter. In this article the tasks of translation and interpreting studies are specified, the difficulties with the interpretation of translated texts are pointed out, the criteria for translation evaluation are proposed as well as the methods of “paraphrase” and “retelling”, appropriate use of which improves the skills of an interpreter or translator and allows to avoid tricky situations.*

Keywords: *translation and interpreting studies, linguistic hermeneutic, method of “paraphrase”, method of “retelling”.*

УДК 81'271.16

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕНСИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.А. Небылицин, аспирант

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова (Абакан), Россия

Аннотация. Интенсивность – это количество экспрессивности. Интенсивность не всегда выражена в тексте эксплицитно. На восприятие интенсивности влияют различные факторы, и главным фактором является линейность восприятия информации и построения картины текста. Цель данной статьи заключается в том, чтобы описать эти факторы и проследить их действие на базе примеров из текстов спортивных жанров, в которых интенсивность встречается в большом количестве. Данные факторы существуют на стыке психологии и языкознания и прежде не рассматривались.

Ключевые слова: интенсивность, линейное восприятие, ожидание, мысленная картина высказывания, картина текста.

Язык обладает способностью передавать эмоциональное отношение адресанта к объектам действительности посредством различных ресурсов языковой системы. Такая способность языка и, как следствие, свойство языковых единиц называется экспрессивностью [2, с. 198]. Однако количество заложенной в ту или иную единицу экспрессивности неодинаково. Количество экспрессивности называется интенсивностью текста [3, с. 11].

Помимо различного заряда той или иной единицы, на действенность экспрессивной функции высказывания влияет синтаксический порядок следования интенсивных единиц. Восприятие информации человеком происходит не одновременно [1, с. 56]. Ознакомление как с устной, так и с письменной речью имеет линейный характер. То есть, при прочтении письменного текста человек переходит от одного элемента высказывания к другому, попутно комбинируя новую ежесекундную информацию от новой единицы с информацией, полученной от единиц, которые были прочитаны до этого (например, в начале высказывания). В процессе такого ознакомления происходит постоянное изменение «картины» высказывания, которое не заканчивается по прочтению последнего слова в высказывании. Если высказывания составляют некий единый текст, то дополнение информацией и изменение, достраивание «картины» продолжается.

Для более подробного рассмотрения интенсивных единиц и особенностей порядка их следования обратимся к высказываниям, взятым из текстов спортивной направленности, в которых в большом количестве представлены интенсивные единицы различных уровней.

“Argentina dominated throughout but found Arsenal keeper David Ospina in fine form as he denied Sergio Aguero, Lionel Messi and Nicolas Otamendi” (BBC Sport) (Аргентина доминировала в течение всей игры, однако вратарь Арсенала Дэвид Оспина был в отличной форме и не допускал того, чтобы Серхио Агуэро, Лионель Месси и Николас Отаменди забили мяч в его ворота) [4].

Согласно толковому словарю Макмиллана, глагол “dominate” (доминировать) имеет, в том числе, следующее толкование: “to play much better than your opponents in a game or sport” [5] (играть намного лучшего своих оппонентов). Доказательством того, что данный глагол обладает высокой степенью интенсивности, выступает наличие неординарности в значении слова: оттенок «намного» указывает на *нейтральность*, высокую степень экспрессивности глагола.

Следующим интенсивным словом является наречие “throughout”, которое толкуется как “during the whole of a period of time or an event” [5] (на протяжении всего периода времени или события). В данном высказывании наречие будет иметь перевод «на протяжении всего матча, всей игры». Значение наречия охватывает сразу весь промежуток времени. При этом смысл наречия (значение, видоизмененное высказыванием, в котором используется слово) охватывает весь футбольный матч.

Владеть мячом на протяжении всего матча возможно только в случае, если команда действительно обладает высоким уровнем игры. Такая мысленная связь между разными, но связанными единицами высказывания выступает основой создания смысла высказывания и как следствие его интенсивности. Связь слов создает интенсивность, и эта интенсивность может распространяться на другие – словарно неинтенсивные единицы того же высказывания. Например, команда «Аргентина», которая является исполнителем действия в первой части высказывания: значение данного слова указывает на состав команды, географическую область, к которой она принадлежит, а также на былые заслуги (иначе говоря, средний уровень игры команды). Былые заслуги команды могут пробуждать эмоции у болельщиков (как негативные, так и положительные), особенно если эти заслуги выходили за пределы нейтральности – победа с разгромным счетом, победа над сильным противником, полное поражение и т. д.

Таким образом, первая часть высказывания содержит информацию о полном доминировании команды «Аргентина» над командой «Арсенал». Читатель, воспринимая информацию постепенно, линейно, еще не дочитав до следующей части высказывания, на тот момент имеет в уме лишь вышеназванную информацию.

Однако визуальная информация о том, что синтаксически предложение еще не закончено, подсказывает читателю находиться в режиме «ожидания». Читатель будет ожидать получение новой информации, которая может изменить уже создавшуюся на основе прочитанного картину высказывания.

Далее следует союз “but” (но), который уже самостоятельно начинает это самое видоизменение. Союз «но» указывает на то, что ранее созданная картина в голове читателя имеет оговорки, о которых и будет рассказано далее в тексте. “...but found Arsenal keeper David Ospina in fine form as he denied Sergio Aguero, ...”. Команда «Аргентина» доминировала на протяжении всего матча, однако вратарь «Арсенала» Дэвид Оспина все же не давал забить им ни одного гола благодаря своему высокому уровню игры. Таким образом, на основе информации из второй части высказывания можно сказать, что «Аргентина» доминировала не во всем. Своими действиями единственный игрок из противоположной команды сводил все действия «Аргентины» на нет.

Благодаря вышеназванной мысленной связи между двумя частями высказывания появляется интенсивность. Если изложить это с помощью другой мысли, то получается, что действия одного игрока перевешивали действия нескольких нападающих из другой команды, сводя усилия всех оппонентов на нет. Такое соотношение действий и их исполнителей указывает на наличие интенсивности на уровне смысла высказывания, т. к. словарные определения отдельных слов данного высказывания не имеют подобных значений. Высказывание получает данную интенсивность, только когда его элементы начинают взаимодействовать друг с другом, протягивая мысленные связи.

После ознакомления с этим высказыванием визуальная информация о том, что на данном предложении не заканчивается текст, подскажет читателю и дальше находиться в режиме ожидания, то есть ожидать и дальнейшей перестройки и дополнения информации к уже имеющейся картине текста. Таким образом, картина высказывания заканчивается и переходит в более глобальную мысленную сущность – картину всего текста. Видоизменение этой картины закончится только с окончанием всего текста. И даже тогда картина текста перейдет в различные еще более общие мысленные картины, которые будут дополняться уже другими текстами (например, картина игр команды «Арсенала»).

Таким образом, на восприятие интенсивной информации влияют такие факторы, как линейное или последовательное восприятие текста, которое влечет за собой создание различных мысленных картин, основанных на полученной из текста информации. Формирование таких картин также не является моментальным, а проходит процессы изменения и дополнения. Ожидание новой информации подсказывает читателю, что процесс формирования картины еще не завершен, а находится в активном изменении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов, Е. Н. Восприятие и условный рефлекс / Е. Н. Соколов. – М.: Изд-во Московского университета, 1958. – 330 с.
2. Торсуева, И. Г. Лингвистический энциклопедический словарь / И. Г. Торсуева // Контекст. – М.: СЭ, 1990. – С. 238–239.
3. Туранский, И. И. Семантическая категория интенсивности в языке / И. И. Туранский. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
4. Carlos Tevez scored the winning spot-kick as Argentina beat Colombia on penalties to reach the Copa America semi-finals. – BBC [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/sport/football/33085867> (дата обращения: 29.06.2016).
5. Macmillan dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 29.06.2016).

Материал поступил в редакцию 29.06.16.

PERCEPTUAL FEATURES OF INTENSIVE INFORMATION

A.A. Nebylitsin, Postgraduate Student
N.F. Katanov Khakassia State University, (Abakan), Russia

Abstract. *Language intensity is the amount of expressivity. The intensity may not always be present explicitly in a text. The perception of intensity is affected by different factors central of which is the linearity to the perception of information and generation of a text's mental picture. The objective of this article is to describe these factors and trace their effect based on the examples of texts of sports journalism, where intensity can be found abundantly. These factors exist at the intersection of psychology and linguistics and have not been given scientific consideration before.*

Keywords: *language intensity, linear perception, anticipation, mental picture of a statement, picture of a text.*

════════════ **Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics** ════════════
 ════════════ **Сравнительно-историческое, типологическое** ════════════
 ════════════ **и сопоставительное языкознание** ════════════

UDC 81'42 + 81-112

**PRECEDENT NAMES OF TOLSTOY AND DOSTOYEVSKY
 IN THE NEW YORKER: DIACHRONIC ASPECT (1925-2015)**

I.V. Mikhaylov¹, V.V. Koroteeva²

¹ Assistant Lecturer, Postgraduate Student, ² Candidate of Philology, Associate Professor
Novosibirsk State University, Russia

Abstract. *In this paper, we study precedent phenomena in The New Yorker issues encompassing the period of nine decades. The phenomena under analysis relate to two preeminent writers of Russian origin – Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky. As follows from the diachronic analysis, these authors and their pieces of writing are of commensurable value to the well-educated American reader during virtually the whole time interval at hand (1925-2015).*

Keywords: *media discourse, precedent phenomena, diachronic analysis, cultural linguistics, The New Yorker, writers of Russian origin.*

The research is focused on the precedent phenomena [Караулов, 1987; Красных, 2002; Кузьмина, 2011; Васильев, 2013] pertaining to two distinguished writers of Russian origin – *Leo Tolstoy* and *Fyodor Dostoyevsky* – whose names are precedent on the pages of *The New Yorker* issues of 2015. As with our previous study devoted to *Alexander Pushkin* and *Vladimir Nabokov* [Mikhaylov, 2016], we diachronically scrutinize the attitude towards the authors mentioned, including their literary works and characters, from 1925 to 2015.

The research objectives are as follows:

1. To select the precedent phenomena connected with *Tolstoy* and *Dostoyevsky* in *The New Yorker* issues published in 1925-2015.
2. To make an interpretation of the selection with regard to the types and functions of the precedent phenomena.

Further in the text, the following designations are used: PP – precedent phenomena, PT – precedent text, PU – precedent utterance, PN – precedent name, PS – precedent situation.

We have used keyword search in *The Complete New Yorker* archive [<http://archives.newyorker.com>], regarding the authors' surnames over the period under investigation. After the careful examination of several thousand contexts, we have chosen 238 PP (111 having to do with *Tolstoy* and 127 – with *Dostoyevsky*) and performed a diachronic analysis of them. The function of the PP analyzed is mainly nominative, unless mentioned otherwise.

Diachronic analysis of the precedent phenomena in question

Leo Tolstoy

There are 111 PP relevant to *Tolstoy*, comprising: 89 PN (74 – *Tolstoy*, 3 – *Anna Karenina*, 3 – *Natasha Rostova*, 3 – *Pierre Bezukhov*, 2 – *Andrei Bolkonsky*, 1 – *Konstantin Levin*, 1 – *Princess Helene*, 1 – *peasant Karataev*, 1 – *Tolstoy's muzhik*), 18 PT (13 – '*War and Peace*', 3 – '*Anna Karenina*', 1 – '*The Death of Ivan Ilyitch*', 1 – '*Resurrection*'), 4 PU.

To begin with, no introduction of *Tolstoy* to the reader has been traced in the magazine, which testifies that when *The New Yorker* was founded, *Tolstoy* had already been well-known amid the erudite readers. The following group of extracts from the issues published in 1933-1980 reflects the fact of *Tolstoy's* personality being revered in the USA of the time: ...*Ganson begins to think seriously of transforming himself...into an American Tolstoi* [TNY Aug 26, 1933, p. 54]. ... [*Konstantine*] *Simonov hopes to become the Tolstoy of this Russian generation. He wants to do today's "War and Peace," but he doesn't want to wait fifty years, or even five years, to do it* [TNY Nov 3, 1945, p. 90]. *One distinguished man of letters at Oxford...had once summed Taylor up as "the Tolstoy of our time..."* [TNY Dec 8, 1962, p. 120]. *Novelist Judith Krantz may not be Tolstoy but can she boil a plot* [TNY Oct 13, 1980, p. 126].

At the beginning of the 21st century, *Leo Tolstoy* is held in reverence to the same degree as in the previous one, being named as 'generalissimo of the written word' and 'king of writing': *But what is "War and Peace" if not a self-consciously great and difficult work? Readers would not bother with it unless they believed in advance that its author was a generalissimo of the written word* [TNY Mar 4, 2002, p. 86]. *"Tolstoy is the king of writing," he said* [TNY Jan 28, 2008, p. 25].

Tolstoy's image in *The New Yorker* is, above all, the image of a moralist: *All Mr. Hutchinson's stories are about moral ideas – Tolstoy would have loved them...* [TNY Aug 31, 1940, p. 53].

The antonomastic adjective '*Tolstoyan*' used in combination with such words as 'insight', 'questions', 'atmosphere', 'title' in a number of contexts speaks for *Tolstoy*, the thinker: ...*this valuable and typically Tolstoyan insight: "I am conscious of myself in exactly the same way now, at eighty-one, as I was conscious of myself, my 'I', at five or six*

years of age" [TNY Oct 20, 1986, p. 130]. As late as 1991, I would go to readings in Moscow and hear audiences ask poets and novelists the old **Tolstoyan** questions: What is the meaning of life? How should we live it? [TNY Jul 18, 1994, p. 50] The quintessential **Tolstoyan** atmosphere is one in which highly particularized characters, with their hairy fingers and short lips, experience universal emotions that might easily be transferred from one character to another [TNY Nov 26, 2007, p. 160]. The **Tolstoyan** title of Sheila Heti's "How Should a Person Be?"...would surely serve for uncountably many works of fiction [TNY Jun 25, 2012, p. 66]. Let us emphasize that the mention of the adjective 'Tolstoyan' is most typical of the issues published at the end of the 20th century and in the 21st.

Leo Tolstoy appears to possess the ultimate authority among the authors of Russian origin and in general in the literary world, which might be unambiguously concluded from the following two instances where Tolstoy is compared to God twice at thirty-five-years' interval: *It is better to say that when we have finished "War and Peace" we do not feel the lack of anything. It is only when we stop short and make a list of the things Tolstoy leaves out that we realize he is a novelist, not a god* [TNY Jan 31, 1942, p. 57]. *No other author has been able to make artistic truth and people mingle as Tolstoy did in "War and Peace." Tolstoy himself is invisible in the book. Like God, he is nowhere and everywhere* [TNY Feb 14, 1977, p. 34]. We point out that nobody else of the authors of Russian origin has been compared to God on The New Yorker pages. We may conclude as well that for Americans God is not so distant from people as, let us say, for Russians. For the former, this Supreme Being is more humanlike and tangible.

Tolstoy's love of detailed descriptions is compared with that of Homer: *Tolstoy is like Homer; he does not fear banalities, because he is not aware that they are banalities* [TNY Jan 31, 1942, p. 48]. It is significant that Homer seems to be the only author with whom Tolstoy is put into comparison directly. Nevertheless, there are quite a few examples where Tolstoy's PN is referred to on a par with that of Chekhov, Lermontov, Nabokov, Turgenev, Balzac, Hugo, Proust, Dickens and, as one might expect, Shakespeare. Below come several of the examples:

1. *Dr. Cronin, after all, is neither Hugo nor Tolstoi, and when he maneuvers his characters into tremendous situations, they have to rattle around* [TNY Dec 30, 1944, p. 39]. The author means that Cronin's literary skill and life experience are insufficient, resulting in his characters being unable to overcome serious life problems in the way Hugo's and Tolstoy's characters did.

2. *But don't forget something else: there is a great local tradition, too – a tradition in Russian fiction – of the hero in search of meaning in his life. Well, maybe Aksenov's boys aren't Lermontov's Pechorin or Tolstoy's Pierre Bezukhov. But it is an honest tradition, after all, and our own* [TNY Sep 4, 1965, p. 76]. Notice that concerning Pushkin it is Pechorin's PN that is used two times on a level with Onegin's – in 1988 and 2006 [Mikhaylov, 2016]. As to the simultaneous usage of Bezukhov and Onegin's PN, we have revealed nothing of the kind on the pages of The New Yorker.

3. *He turned to me. "Now, you're a writer. Which one do you think is more talented – Jacqueline Susann or Harold Robbins?"*

"Gosh, who can say?" I protested. "It's like trying to compare Balzac with Tolstoy. I mean, they're two colossi..." [TNY Feb 12, 1972, p. 34]. It seems that 'by default' the PP function in this dialogue is nominative. At the same time, the communicative effect strongly depends here on the tone of the I-speaker – if it is joyful, the function is likely to be wordplay.

4. *The creators of "The Wire" would never say that their work is as good as that of Tolstoy or Dickens, but they can't quite resist the comparison, either* [TNY Oct 22, 2007, p. 154]. 'The Wire' (2002-2008) is an American crime drama television series highly appreciated by many critics.

The juxtaposition of Tolstoy and the most esteemed foreign writer amongst The New Yorker intellectuals, Shakespeare, merits separate consideration. Foremost, their PN have been placed on the same level only in the issues printed from 1985 and up to the present day – to put it another way, only at the end of the 20th century and in the 21st. There are four such examples; the first two have the nominative function:

1. *Napoleon in his mother's womb was already what he would become, and so were Casanova, Rasputin, Jack the Ripper, as well as such geniuses as Shakespeare, Tolstoy – you name them* [TNY Jul 1, 1985, p. 26]. Thus, these two writers are both called 'geniuses' in the 1985-year-issue.

2. *Letters alone don't produce "Hamlet" or "War and Peace." Shakespeare and Tolstoy had to put that "code" together in meaningful ways* [TNY Jan 6, 2014, p. 43]. The author of this 2014-year-issue tries to convey the idea that not everybody is able to become a prominent writer, alluding to the most outstanding writers and their best masterpieces from his perspective.

As for two more examples, where one can discern the wordplay function, they bear a direct relation to Ernest Hemingway, who made fun of himself by saying about his literary impotence in comparison with Tolstoy and Shakespeare:

3. *He [Hemingway] told me once that he wanted to be Champion of the World. "But I have that son of a bitch Tolstoi blocking me and when I get by him I run into Shakespeare," he said* [TNY May 24, 1999, p. 73]. The date when this utterance was made is unknown, but it is very likely to have happened at the end of the 1940s or at the beginning of the 1950s.

Hemingway expressed a similar idea in 1950, but with one distinction – only Tolstoy was mentioned, without Shakespeare:

4. *But nobody's going to get me [Hemingway] in any ring with Mr. Tolstoy unless I'm crazy or I keep getting better* [TNY May 13, 1950, p. 42].

Note that Hemingway trifled with himself twice and approximately at the same time (circa 1950). Hemingway's mentioning Tolstoy twice and Shakespeare once may be explained by the fact that the former was a more contemporary writer to him.

The literary characters of *Tolstoy* are occasionally placed against those of *Shakespeare* (the time difference between the first example and the rest is six decades):

1. *No one but Tolstoy could have created Pierre Bezukhov, but though he is not Hamlet, he calls out like a kinsman to the Hamlet hidden in all of us* [TNY Jan 31, 1942, p. 60]. Because of the vagueness of the meaning, the PP function in the extract may be regarded as password. Most probably, the author believes that while both of these characters speculated on the meaning of life and the reason to live for, only *Hamlet* contemplated suicide. To put it another way, *Bezukhov* resembles *Hamlet*, but he is less categorical and less apt to gloomy thoughts.

2. *Like Shakespeare's, Tolstoy's characters feel real to us in part because they feel so real to themselves, take their own universes for granted* [TNY Feb 5, 2001, p. 82].

3. *In "Anna Karenina," too, the characters are heirs to universal emotions, as Hamlet is* [TNY Feb 5, 2001, p. 87].

4. *...Natasha Rostova...falls in love with the Hamlet-like Prince Andrei and then with the scoundrel Kuragin* [TNY Mar 4, 2002, p. 86].

It is not by chance that there are a fair number of references exactly to *Hamlet*. Seemingly, the usage of his name, who first of all is a thinker, unambiguously accentuates the profundity of *Tolstoy's* characters.

In turn, there exists a subcategory of PP related to comparisons with *Tolstoy's* literary characters now and then encountered next to the writer's name and PT. The extracts given below cover a period of half a century (1953-2000): *...he was far from having been so impressed by any of the common men with whom he had been thrown in the Army as Tolstoy's Pierre, in "War and Peace," was by the peasant Karataev* [TNY May 16, 1953, p. 145]. *They are in love with the same young woman, who is a creation comparable in fullness of life, in physical and psychological radiance, to Tolstoy's Natasha* [TNY Jan 20, 1968, p. 114]. *...then I decided that she was the perfect Tolstoy heroine, with her frightening flurries of mood and the hot spots of color that would bloom on her ice-white cheeks...* [TNY Jul 31, 2000, p. 84].

The most precedent among *Tolstoy's* texts throughout all the period analyzed is, as one might guess, '*War and Peace*'. It serves as the highest literary standard unachievable by ordinary writers. The following examples from three decades demonstrate it (we may note parenthetically that the PP function in the first one may be classified as both nominative and wordplay): *Thus, though Mr. Sansom is to be congratulated on not having tried to write a "War and Peace" the first time out, he has, nevertheless, a style that bristles with ambition...* [TNY Aug 6, 1949, p. 60]. *He doesn't regard himself as capable of writing "War and Peace"...* [TNY Jul 16, 1960, p. 25]. *"Until recent years, I read only 'fundamental' books, that is, key books on key subjects, such as "War and Peace", the novel of novels..."* [TNY Oct 9, 1978, p. 59].

To make the picture complete, let us consider the persuasive function which is the most infrequent in our data sample – there are just two such examples. The first one (1963) concerns Lord Byron's unhappy marriage; the author makes use of *Tolstoy's* quote on this topic to enforce his or her point of view: *Maybe, as Tolstoy said, every unhappy family is unhappy in its own fashion, but unhappy marriages seem to dissolve identically* [TNY May 11, 1963, p. 181].

The second one (2007) represents the American viewpoint on the break-up of the Soviet Union. Its message is that Ronald Reagan did not hatch a plot against the USSR – he just performed his duties, which did not have a direct bearing on that government. Nevertheless, it happened that due to some reasons the Union ceased to exist – as if according to *Tolstoy's* maxim: *The world does change, but not according to anyone's plan. Reagan's relation to the fall of the Soviet Union brings to mind Tolstoy's maxim in "War and Peace": "It is only unself-conscious activity that bears fruit, and the man who plays a part in a historical drama never understands its true significance"* [TNY May 28, 2007, p. 76].

To generalize *Tolstoy's* precedent status in *The New Yorker*, let us call attention to figure 1. The trend is generally upward, except the 1980s. As contrasted with *Pushkin* and *Nabokov*, there was no dip in *Tolstoy's* 'popularity' in the 1990s. On the contrary – the frequency of referring to the PP connected with *Tolstoy* hit a peak in the 1990s, as well as in the 2000s. During the current decade, the great writer's status is already rather high, although only half a decade has passed.

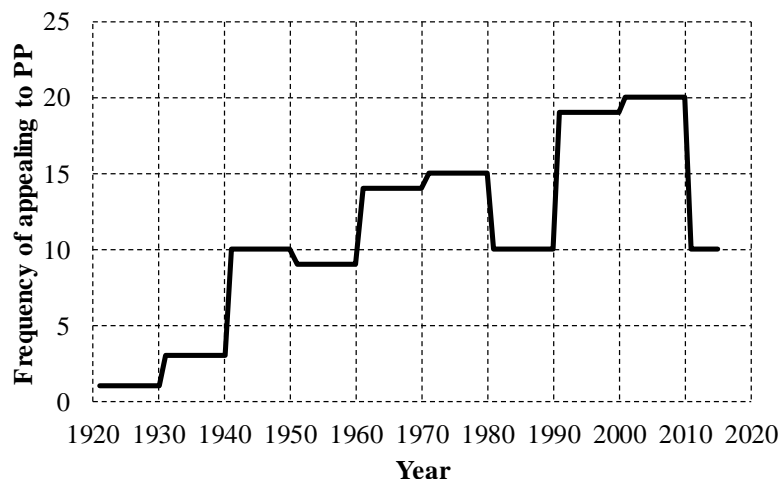

Fig. 1. *Tolstoy's* precedent status in *The New Yorker* in diachrony

The last but not least writer we will consider is *Fyodor Dostoyevsky*, whose precedent status over the period under analysis is the highest among the authors of Russian origin.

Fyodor Dostoyevsky

There are 127 PP bearing a relation to *Dostoyevsky*, in particular: 103 PN (83 – *Dostoyevsky*, 2 – *Idiot*, 2 – *Ilysha*, 2 – *Ivan Karamazov*, 2 – *Prince Myshkin*, 2 – *Sonya*, 1 – *Alexey Ivanovich*, 1 – *buffoon*, 1 – *Captain Snegiryov*, 1 – *doctor*, 1 – *Grand Inquisitor*, 1 – *Krassotkin*, 1 – *Mme. Hohlov*, 1 – *monk*, 1 – *Raskolnikov*, 1 – *Smerdyakov*), 19 PT (5 – *The Idiot*, 4 – *The Brothers Karamazov*, 3 – *Notes from Underground*, 2 – *The Gambler*, 2 – *The Possessed*, 1 – *Crime and Punishment*, 1 – *The Double*, 1 – *The Insulted and Injured*), 5 PU.

What is remarkable is that there are six different spellings of this author's name in *The New Yorker*: '*Dostoievski*', '*Dostoievsky*', '*Dostoyevski*', '*Dostoyevsky*', '*Dostoevsky*', '*Dostoevski*', the spellings being arrayed in the order of increasing frequency. The most popular spelling in the issues published in the 21st century is '*Dostoyevsky*', which we use by default.

It appears that *Fyodor Dostoyevsky*'s name is more precedent for the USA intellectual elite as contrasted with *Pushkin*, *Nabokov* and *Tolstoy*'s, which is supported by more frequent appealing to the former's name in terms of precedent. As with *Tolstoy*, there is no traceable introduction of *Dostoyevsky*, as the latter had already been renowned among *The New Yorker* exquisite readership before the magazine's founding. The very first example with *Dostoyevsky*'s name being precedent was published in the first year of the magazine's existence, i.e. in 1925: *Stand gently by, O young and cruel critics who are wont to laugh at the contemporary Phelps, extolling some treacle by Hutchinson or some carpentry by Wharton with the same high adjectives he once reserved for Marlowe and Dostoievski* [TNY Oct 24, 1925, p. 11]. The bottom line is that the author is indignant with some critics who underrate the works of William Lyon Phelps and overrate those of other writers. The highest praise, from the standpoint of the author, is to be compared to *Dostoyevsky* and *Christopher Marlowe*.

Besides *Marlowe*, there are other writers with whom *Dostoyevsky*'s PN is placed on a level at different times (1963-1990): *Franz Kafka*, *Ivy Compton-Burnett*, *Thomas Wolfe*, *August Strindberg* (as is evident, the list differs greatly from that for *Tolstoy*): *Her rules pretty well limit the novel's permissible subjects and techniques to her own...it's as intense as Dostoevski, as mysterious as Kafka, as arrogant as Ivy Compton-Burnett* [TNY May 18, 1963, p. 180]. *He says that he started drinking because he wanted to be a writer – another Thomas Wolfe or Dostoevski – and that it was his upstate-New York understanding that drink and literary distinction went hand in hand* [TNY May 25, 1981, p. 143]. *...she was a taxi dancer who imagined herself a character out of Dostoyevski or Strindberg* [TNY Oct 8, 1990, p. 99].

In the course of several decades, from the 1930s to 1970s inclusively, *Dostoyevsky*'s PN was associated with literature of the highest standard, serving as a means of distinguishing high-quality works with intricate plots from pulp fiction: *Condemned to Live, by Johann Rabener. "Herr Rabener is a discovery," said silly I. On reflection, Herr Rabener is not a discovery but a phony Dostoievsky* [TNY Dec 21, 1935, p. 97]. *There is more than a hint of Dostoevski here, but Mr. Hindus, despite the persuasiveness of many of his episodes, is not really Dostoevskian, for the simple reason that his main plot is trivial, stereotyped, and unconvincing* [TNY Sep 26, 1936, p. 88]. *...very many intelligent people...still believe that if you pick up Dostoevski there is more than statements and symbols but that if you pick a chemistry handbook there are only facts* [TNY Apr 3, 1965, p. 36]. *Geschwitz, Schigolch, and the tediously beefy Rodrigo are also afloat, and for a while the film lurches into melodrama – sub-Dostoevski with a touch of...Chandler* [TNY Jun 11, 1979, p. 54].

What is more, at the beginning of the 21st century *Dostoyevsky*'s pieces of writing were looked upon as incarnating literature itself: *Loving Dostoyevsky means loving literature* [TNY Oct 1, 2001, p. 104].

The author under discussion, on top of everything else, is regarded as an exceptional psychologist, a '*master psychologist of the nineteenth century*' [TNY Sep 12, 1977, p. 145]. The following examples, mostly from the 1980s and 1990s, foreground *Dostoyevsky*'s capacity for responding to the world around and ability to feel human soul; note that in 1984 his PN was ranked with *Nietzsche* and *Freud*'s: *Like Dostoevski he has the gift of projecting purely mental struggles vividly and graphically* [TNY Nov 23, 1929, p. 122]. *It is as difficult to represent, to analyze the tenor of twentieth-century sensibility without Dostoyevsky as it would be to do so without, say, Nietzsche or Freud...* [TNY May 28, 1984, p. 125]. *Her psychoanalytic approach was straight from Dostoyevski* [TNY Dec 23, 1991, p. 58]. *"Now," he said to me, "you must attempt Dostoyevsky." I muttered something self-deprecating about this being a little trickier, how the Dostoyevskian sensibility might be beyond my reach* [TNY May 19, 1997, p. 40].

Mostly in the 1930s and 1990s, *The New Yorker* authors referred to the so-called '*Dostoyevsky mood / theme*' associated with something gloomy, tragic, and impending:

1. *His new book [The Puritan] is definitely on a Dostoevski theme: that of the man who has planned his crime in advance, and how, in spite of his precautions, his doom overtakes him* [TNY Mar 5, 1932, p. 76]. The PP function here may be classified as password, for the reader should know that the question is about *Raskolnikov* and the plot of '*Crime and Punishment*'.
2. *When Odets heard this, the conviction grew upon him that he was living in a strange, tragi-comic world. In fact, he says, it made him feel like a Dostoevski character... Even though the Dostoevski mood has left him, Odets is still addicted to sweaters...because they are casual and convenient...* [TNY Jan 22, 1938, p. 24].
3. *...that's paranoia and it gets you nowhere. You're just in one of your Fyodor Dostoyevski moods – do yourself a favor and forget it!* [TNY Jun 21, 1993, p. 84]

As regards '*Crime and Punishment*', there is one more peculiar example. By applying the antonomastic adjectives '*Dostoyevskian*' and '*Chekhovian*', the author of the 2003-year-issue conveys the idea of the PS which is still utterly urgent for Americans – the September 11 attacks. He or she, using the password function of PP, alludes

to *Raskolnikov's* crime and to the placid cities created by *Chekhov*: *Mass killing has become, in our time, the means of expiating doubt and uncertainty, and the central reality of September 11th was that "a capacity for massive destruction, until then available only to a few, was suddenly in every hand, in countless pockets, and in millions of deranged minds."* *Dostoyevskian* killers were descending on *Chekhovian* cities [TNY Sep 1, 2003, p. 35].

Regarding *Dostoyevsky's* literary characters, *Idiot's* / *Prince Myshkin's* PN is referred to most frequently. The New Yorker journalists put in comparison such his qualities as apparent simplicity, unselfishness, amicability, as well as the ability to 'resurrect' human souls and bring people together: *In a small southern mill town lives John Singer, a deaf-mute with some of the qualities of Dostoevski's saintly idiots. Singer is nothing in himself, but he's a sort of catalytic agent. Through him, other people get in touch with themselves* [TNY Jun 8, 1940, p. 77]. ...*Billy Barrett behaves persistently like the kind of "idiot" Dostoevski brought to our attention a century ago* [TNY Oct 9, 1978, p. 72]. *Like Prince Myshkin in Dostoyevski's "The Idiot," he is looking for some poor soul to befriend* [TNY Mar 7, 1994, p. 65].

There is no likening of *Dostoyevsky's* characters with those created by other writers, but one exception – in 1968 *Myshkin* was compared to *Hamlet*, in the context of frequent and detailed descriptions of their inner worlds and feelings: *Dostoevski, too, "needed" Myshkin to bless his undertaking. Like Hamlet's, the personality of the Prince overflows the plot...* [TNY Oct 5, 1968, p. 160].

Among *Dostoyevsky's* literary works the most sought-after is '*The Idiot*':

1. *Miracle in Milan (1951) – Part social satire, part fantasy, this Vittorio De Sica film suggests a childlike view of Dostoevski's "The Idiot." A fun-loving old lady finds a newborn baby in a cabbage patch. The baby becomes Toto the Good, the happy man who loves everyone...* [TNY Nov 25, 1974, p. 23]. It is seen that the protagonist's all-encompassing love is associated with that of *Myshkin*.

2. ...*I knew I could never write something as great as "The Idiot"* [TNY Jan 24, 2000, p. 69]. That is to say, the novel is something unattainable, a hallmark of high literature.

3. *Life is short, "The Idiot" long* [TNY Nov 7, 2005, p. 100]. This extract can be regarded from different perspectives. On the one hand, a humorous effect is observed here, pointing at the wordplay function. On the other hand, we can also reveal the password function, as long as not every reader is able to recognize Latin roots of this utterance, namely a quasi-quotation of the Latin saying 'Vita brevis, ars longa est' traced back to the Greek physician Hippocrates.

As for the other PT, below is given one of the recent (2013) examples related to the problem of social inequality in China, raised in the film 'A Touch of Sin', where the oppressed blue-collar workers are called after '*The Insulted and Injured*': *The film's...interconnected stories concern working people who endure the unchecked arrogance of new plutocrats in pop-up cities...Jia...channels the spirit of Dostoyevsky into a documentary-like vision of China's insulted and injured* [TNY Sep 30, 2013, p. 15].

The persuasive function in case of *Dostoyevsky* is used just once, in 1969, when discussing the problems of pictorial art. The article's author makes a reference to the PU from the very end of '*Notes from Underground*', where *Dostoyevsky* mulls over the opposition of the individual self and a throng. The author noticed that Newman and *Dostoyevsky* expressed identical ideas and to a certain degree recommends Newman interposing *Dostoyevsky's* authority, because it is very likely to reinforce the former's principal idea: *Everything had to be created anew, and out of nothing... Art had to achieve the idea that could make new being possible. Newman might have repeated the concluding thought of Dostoevski's "Notes from Underground": "Soon we shall contrive to be born somehow from an idea"* [TNY Apr 19, 1969, p. 136, 138].

Figure 2 summarizes the distribution of the PP related to *Dostoyevsky* throughout the years under scrutiny. The highest frequency of resorting to these PP is observed in the 1970s, 1990s and 2000s. Also we may claim *Dostoyevsky's* precedence in 2011-2015 to be quite high already, regardless of the fact that only half a decade has elapsed.

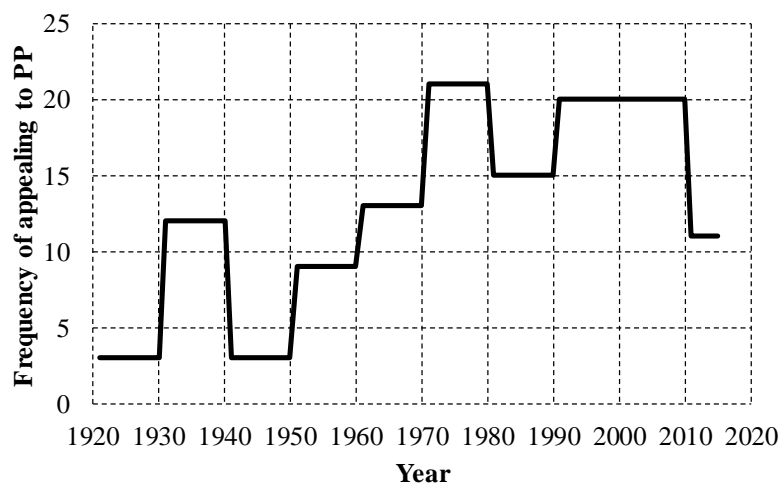

Fig. 2. *Dostoyevsky's* precedent status in *The New Yorker* in diachrony

Leo Tolstoy versus Fyodor Dostoyevsky

In this section we simultaneously and briefly examine *Tolstoy* and *Dostoyevsky*, who happen to be equally revered on the pages of *The New Yorker* five times: in 1930, 1948, 1972, 1990 and 1992, which underlines the commensurately high statuses of these two authors. In the first two examples the authors' PN serve as synonyms of the highest-quality literature: *Bystander*, by Maxim Gorki...*A novel of the revolution of the individual soul that will probably rank with the best of Tolstoi and Dostoievski* [TNY Apr 19, 1930, p. 105]. *Mailer has an uneasy feeling that Dostoevski and Tolstoy, between them, have written everything worth writing, but he nevertheless means to go on turning out novels* [TNY Oct 23, 1948, p. 25].

A similar example comes from *The New Yorker* cartoon where two drinking men are depicted. The PP function is wordplay, since even alcohol addicts respect *Tolstoy* and *Dostoyevsky* and realize that mentioning them in the same breath is too much: *'How can you mention Feodor Mikhailovich Dostoevski and Lev Nikolaevich Tolstoi in the same breath?'* [TNY Apr 15, 1972, p. 46]

The fourth extract is about the sessions of the Congress of People's Deputies of the Soviet Union, accompanied by shouting and fighting. According to an American journalist Jane Kramer, the fact of them being broadcasted on Russian state television is weird: *The decision to tape two thousand two hundred and fifty deputies arguing about politics the way people in Dostoyevsky argue about the existence of God and people in Tolstoy argue about the meaning of history, and to broadcast their arguments, seriatim, was right in the Russian spirit* [TNY Mar 12, 1990, p. 80].

The fifth excerpt focuses on the collection of essays 'That Mighty Sculptor, Time' by a French writer Marguerite Yourcenar, analyzed by an American novelist and literary critic John Updike. Apparently, the idea is that both *Dostoyevsky* and *Tolstoy* to a great extent pondered over the relationship between people and religion, specifically Christianity, which was often the basis for their works: *She attempts to fabricate the immediacy of voice...in a retelling of the Easter story's high points as if "we found them in Dostoevsky or Tolstoy"* [TNY Jul 13, 1992, p. 86].

Finally, let us consider two extracts from the articles 'The Exile Returns' and 'Reds Scared' by David Remnick, confined to Alexander Solzhenitsyn's repatriation on May 27, 1994. It is remarkable that Remnick draws analogies between Solzhenitsyn, *Tolstoy* and *Dostoyevsky*. The first extract concerns similar sequences of creating major literary works (and those of lower value) by Solzhenitsyn and *Tolstoy*. The second one is about comparing Solzhenitsyn and *Dostoyevsky's* beards: *Now his literary old age does seem Tolstoyan: Tolstoy, in his last years, his great novels done, worked on much shorter fiction... [TNY Feb 14, 1994, p. 83]. And, besides, his beard is ridiculous – too much like Dostoyevski's* [TNY Oct 30, 1995, p. 110].

The diagrams from figure 1 and figure 2 are juxtaposed in figure 3, which allows us to compare visually *Tolstoy* and *Dostoyevsky's* precedent status in diachrony. We see that except the 1940s the trends are essentially the same, which testifies to similar significance of these authors to educated Americans.

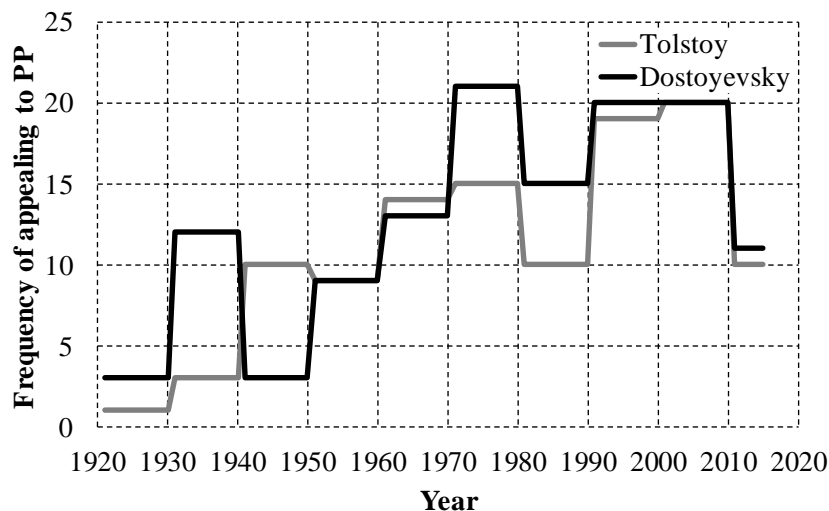

Fig. 3. Tolstoy and Dostoyevsky's precedent status in *The New Yorker* in diachrony

Conclusion

The diachronic analysis of 238 precedent phenomena concerned with *Leo Tolstoy* (111) and *Fyodor Dostoyevsky* (127) in *The New Yorker* issues embracing the period from 1925 to 2015 speaks to the fact that the precedent name predominates among the other types of the phenomena (192, 80.7%), following which come the precedent text (37, 15.5%) and utterance (9, 3.8%). In regard to the precedent situation, it is entirely missing. The nominative function of precedent phenomena prevails among wordplay, password, and persuasive.

The writer's precedent status varies with time. Along with that, no introduction of *Tolstoy* and *Dostoyevsky* has

been traced in the magazine, which testifies that when *The New Yorker* was founded, these writers had already been well-known among the erudite readers. *Tolstoy* is the only writer mentioned on a level with *Shakespeare*, four times at that. Moreover, he is twice compared to God at thirty-five-years' interval. All of this points to the fact that *Tolstoy* is the most revered writer of Russian origin. *Dostoyevsky*, in turn, is the most precedent writer, since his name is the most resorted to during the time period under consideration. Beyond that, *Tolstoy* and *Dostoyevsky* are equally respected in five contexts (the years from 1930 to 1992), which stresses their similar precedent statuses.

It should also be mentioned that *The New Yorker* authors have managed to save the unique narrative style typical of this magazine during nine decades, which is clearly seen in diachrony.

REFERENCES

1. Васильев, А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие / А. Д. Васильев. – М. : Флинта, 2013. – 342 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
4. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] / Н. А. Кузьмина // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 30.06.2016).
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://archives.newyorker.com>.
6. Mikhaylov, I. V. Precedent Names of Pushkin and Nabokov in *The New Yorker*: Diachronic Aspect (1925-2015) / I. V. Mikhaylov, V. V. Koroteeva // *Philology*, 2016. – № 3 (3). – P. 126–131.

Материал поступил в редакцию 30.06.16.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО В «НЬЮ-ЙОРКЕРЕ»: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1925-2015)

И.В. Михайлов¹, В.В. Коротева²

¹ ассистент, аспирант, ² кандидат филологических наук, доцент
Новосибирский государственный университет, Россия

Аннотация. В рамках данной работы рассматриваются прецедентные феномены в выпусках журнала «Нью-Йоркер», охватывающих девяностолетний период. Анализируются феномены, имеющие отношение к двум знаменитым писателям российского происхождения – Льву Толстому и Фёдору Достоевскому. Из диахронического анализа следует, что для хорошо образованного американского читателя значимость этих авторов и их произведений соизмерима на протяжении практически всего рассматриваемого временного интервала (1925-2015).

Ключевые слова: медиа дискурс, прецедентные феномены, диахронический анализ, лингвокультурология, «Нью-Йоркер», писатели российского происхождения.

Applied and Computational Linguistics
Прикладная и математическая лингвистика

UDC 80

USING COMPUTER PRESENTATIONS AT THE LESSONS OF ENGLISH LANGUAGE

M.E. Mamarajabov¹, R.N. Normatova²

¹ Candidate of Pedagogical Sciences of Department for “Methodology of Teaching Informatics”, Docent,

² Student of Faculty for “Physics and Mathematics”

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

Abstract. This article is devoted to the theme of using computer presentations at lessons of English language. In work the primary goals of interactive training are described. The emphasis is placed on method of projects, on research method. Besides, in article the attention is focused on application of multimedia technologies, especially presentations, their basic functions, didactic problems.

Keywords: pedagogical technologies, modern computers, electronic resources, creativity.

Today the purposes and the problems facing modern formation, vary – the accent is transferred from mastering the knowledge to competence formation. There is its reorientation to the private-focused approach.

Schools are provided with modern computers, electronic resources, access to the Internet. It promotes introduction of new pedagogical technologies in teaching and educational process.

Application of educational computer programs at the lessons of English language is the basic sign of positive results of creative activity that involves increase of motivation of pupils. Thus each teacher applying educational computer programs at lessons of English language should know that any educational technology should correspond to the following methodological requirements:

- *conceptuality*: the scientific concept including a psychological and socially-pedagogical substantiation of achievement of the educational purposes;
- *systemic*: presence of all signs of system (the logician of process, interrelation of all its parts, integrity);
- *efficiency*: guaranteeing the results corresponding to educational standards;
- *flexibility*: possibility of variations in the maintenance for maintenance of comfort and freedom of interaction of the teacher and pupils taking into account concrete conditions of the pedagogical validity;
- *dynamism*: possibility of development or transformation of used technology;
- *Reproducibility*: possibility of use of technology other teachers in the given educational institution or in others. The educational space is flooded today with computer training programs which, certainly, are quite good help in training. But, nevertheless, introduction of computer educational programs in mass school shows, that the role of the teacher still remains rather essential. Despite huge advantage of the computer, in comparison with other technical and evident tutorials, the teacher can provide integrity and systemic character in training. In training practice by information technologies name all technologies using special technical information means (the computer, audio, cinema, video). Researches of scientists show, that the computer is priority information means which allows to carry out new qualitative changes in an education system, including and training to foreign languages. We have come to conclusion, that today, considering the big and serious interest of pupils computer technologies, the teacher can use this possibility as means of development of creative abilities at foreign language lessons.

Computer technologies represent the powerful tool of motivation, and at skilful use the effective tool of development of creative abilities. Computer use helps:

- improve independent work of pupils;
- provide process by new earlier inaccessible materials which do educational activity more effective and interesting;
- present a language material visually, and also create conditions approached to the real environment etc.

The analysis of researches of problem of creativity shows that creativity is an ability which gives to the person an opportunity to generate new and unusual ideas, to deviate in thinking and behaviour traditional schemes and stereotypes, to resolve problem situations. It contains in herself set of cogitative and personal qualities which define ability to creativity.

As shows experience, the foreign language represents a fertile field of formation and development of the person of the child. At training to a foreign language (in particular, to English) the intelligence, imagination, attention,

observation, abilities and creativity develops. And the teacher should give special attention to development creativity.

Doubtless advantage of use of computer technologies is carrying over of accent from verbal methods of training on methods of search and creative activity. Our system of work helps to influence actively formation of the language competence of pupils, thus developing their language taste and a scent to form and develop skills. Being aware of formation, the teacher acts as the director, which urged to direct an information stream with a view of the most effective training. The teacher should approach pragmatically to use of information-computer technologies, and look at the computer not as on the competitor, and as on more perfect in comparison with other tutorials the tool.

Application of computer programs in training to English language, by no means, does not stir to the decision of a communicative problem, and on the contrary, raises its efficiency as the teacher can design such lesson which could reach most effectively the discussed educational aims. To show a small fragment much more effectively, rather than to show completely the educational video film calculated on the whole lesson, and sometimes and more.

REFERENCES

1. Dontsov, D. English on computer. We study, we translate, we speak / D. Dontsov. – M, 2007.
2. Vladimirova, L. P. Internet at foreign language lessons / L. P. Vladimirova. – №3, 2002. – P. 33–41.

Материал поступил в редакцию 06.06.16.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕЗЕНТАЦИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М.Е. Мамаражабов¹, Р.Н. Норматова²

¹ кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Методика преподавания Информатики»,
² студент факультета «Физика-Математика»

Ташкентский государственный университет им. Низами, Узбекистан

***Аннотация.** Данная статья посвящена теме использования компьютерных презентаций на уроках английского языка. В работе освещаются основные задачи интерактивного обучения, Делается акцент на методе проектов, на исследовательском методе. Кроме того, в статье акцентируется внимание на применении мультимедийных технологий, особенно презентаций, их основные функции, дидактические задачи.*

***Ключевые слова:** педагогические технологии, современные компьютеры, электронные ресурсы, креативность.*

**Languages of Peoples of European, Asian,
African countries, Aborigines of America and Australia**
**Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии**

УДК 371.38

**ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА НАД ТИПИЧНЫМИ ОШИБКАМИ, ВОЗНИКАЮЩИМИ
У ТУРЕЦКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА**

Н.С. Жаркова¹, Н.В. Кондрат², П.Н. Саволук³

^{1, 2, 3} ассистент кафедры русского языка как иностранного

Обнинский институт атомной энергетики – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет – Московский инженерно-физический институт» (ИАТЭ НИЯУ МИФИ), Россия

***Аннотация.** В данной статье представлено обзорное сопоставление значений родительного падежа и турецких аналогов его выражения в объеме, необходимом для изучения иностранными студентами на элементарном и базовом уровнях. Кроме того, на основании полученных выводов в результате сравнительного анализа представлены возможные ошибки, допускаемые турецкими студентами при изучении родительного падежа и практические задания, помогающие предотвратить данный тип ошибок или скорректировать их.*

***Ключевые слова:** родительный падеж, турецкий язык, притяжательный изафет, исходный падеж, практические упражнения.*

В русском языке родительный падеж занимает первое место по количеству выражаемых им значений, вследствие чего является наиболее трудным для изучения иностранными студентами. Наличие в родном языке студентов падежной системы не означает, что падежные значения родительного падежа полностью идентичны их русскому эквиваленту, что может повлечь за собой ряд ошибок в его употреблении.

В данной статье мы рассмотрим родительный падеж и его турецкий аналог. На основании полученных в результате сравнительного анализа выводов представлены возможные ошибки, допускаемые турецкими студентами при изучении родительного падежа, а также практические задания, способствующие устранению или же предотвращению данных ошибок. Статья ориентирована на представление родительного падежа в турецкоговорящей аудитории элементарного и базового уровней владения русским языком.

При обучении иностранному языку одной из главных задач является формирование у студентов языковой компетенции. Овладение морфологией изучаемого языка позволяет учащимся успешно использовать накопленный учебный языковой материал в собственной речевой практике.

Русский язык относится к языкам флективного типа. В связи с этим на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному (на элементарном и базовом уровнях) значительное внимание уделяется изучению предложно-падежной системы русского языка.

Падеж – это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи [4, с. 108]. При помощи падежных форм имён существительных в языке передаются пространственные, временные, притяжательные, уступительные, причинно-следственные, целевые и прочие отношения.

Падежная система русского языка является шестикомпонентной и бинарной: именительный падеж противопоставлен пяти косвенным падежам. Трудности в освоении предложно-падежной системы русского языка обусловлены тем, что грамматическая категория падежа в русском языке непосредственно связана с грамматическими категориями рода и одушевленности. Кроме того, семантика падежа зависит от управляющих слов и предлогов. Каждый падеж способен передавать определенный набор значений, выражать определенные синтаксические отношения и выступать в характерных для него синтаксических функциях [4, с. 110].

Родительный падеж в русском языке может употребляться как при именах, так и при глаголах. Выделяются следующие значения:

1) принадлежность: пьеса А. П. Чехова, тетрадь Антона; 2) субъект действия: опыт учёного, пение птиц; 3) объект действия: чтение книги, производство холодильников; 4) носитель признака: доброта отца, храбрость солдата; 5) количество: стакан сока, килограмм яблок, пачка масла, много рыбы; 6) определительные отношения: женщина средних лет, золотых дел мастер; 7) прямой объект, на часть которого распространяется действие: выпить воды, налить молока; 8) прямой объект при глаголах с отрицанием: не ожидали дождя, не видел сообщения; 9) косвенный объект действия: избегать разговора, лишиться уверенности, добиваться

результата, ждать чуда; 10) исходная точка движения (с предлогами из, с, от): выхожу из дома, пришёл с почты, отъехал от станции; 11) время и дата: десять часов утра, пятое марта, восемнадцатое июня одна тысяча девятьсот девяносто второго года, первого января [4, с. 110].

При обучении русскому языку как иностранному на элементарном и базовом уровнях владения языком изучаются такие значения родительного падежа, как: обладание (у кого?); отрицание наличия (нет кого / чего?); направление движения (откуда / от кого? с предлогами из, с, от); количество (2, 3, 4... 5 – 20, много / мало / несколько / килограмм чего?); время и дата (какого числа? какого года?); определение (какой? какая? какое? какие?) [1, с.80].

Перечисленные выше значения родительного падежа предъявляются иностранным студентам на базе простых предложений и усваиваются ими как речевые модели / образцы.

Родной язык иностранных студентов, изучающих русский язык, не может не оказывать влияния на усвоение ими грамматического материала. Наличие в родном языке иностранных студентов грамматических категорий, присущих русскому языку, может обуславливать появление в их речи некоторых ошибок. Такие ошибки в большинстве случаев связаны с несовпадением способов выражения того или иного значения внутри данной грамматической категории в русском языке и родном языке студентов.

Так, в русском и турецком языках, относящихся к языкам различных типов: флективному и агглютинативному соответственно, присутствует категория падежа. Однако структуры падежной категории в русском и турецком языках не совпадают полностью [3, с. 1863]. При изучении предложно-падежной системы русского языка и, в частности, родительного падежа, турецкоговорящие студенты делают ошибки в выборе падежной формы при выражении некоторых значений в результате возникновения межъязыковой интерференции.

Исходный падеж (-den hali) в турецком языке представляет значения направления: от кого? чего? Например: Этот студент приехал из Турции (Bu öğrenci Türkiye'den geldi); Я иду от своего друга (Arkadaşımdan gidiyorum).

Значение принадлежности выражается в турецком языке с помощью притяжательного изафета – конструкции, похожей на выражение притяжательного значения в русском языке: лисий хвост, воробьиные стаи, но изменяются формы обоих слов.

Аффикс родительного падежа имеет форму -m, -in, -un, -tin, -nin, -nün, -nun. Притяжательно-местоименный аффикс имеет форму -i, -i, -u, -ü, -si, -si, -su, -sü. Определение выражено аффиксом родительного падежа, а определяемое – притяжательно-местоименным аффиксом. Определение в турецком языке всегда стоит перед определяемым. Такой порядок слов в изафете является его первым и основным свойством [2, с. 213]. Например: Это тетрадь Ахмета (Ahmet'in defteri).

Значение обладания (наличия) также выражается с помощью притяжательного изафета. Например: У Мехмета есть новый телефон (Mehmet'in yeni telefonu var). Тот же способ выражения используется, если мы говорим о факте отсутствия обладания (у кого? нет чего?). Например: У Мехмета нет сестры (Mehmet'in kız kardeşi yok). Однако, если мы говорим только о факте отсутствия (где / когда нет / не было / не будет чего?), в турецком языке используется основной падеж. Например: В Анкаре нет моря (Ankara'da deniz yok).

Значение количества и любое указание количества в турецком языке сопровождается формой существительного в именительном падеже единственного числа (iki öğrenci – два студента, çok araba – много машин).

Таким образом, зная особенности выражения значений родительного падежа, можно представить следующие ошибки, возникающие при его изучении турецкими студентами:

1. Выражение направления удаленности в русском языке выражается с помощью окончаний родительного падежа и предлогов от / из / с. В турецком же языке только с помощью присоединения аффиксов den / dan / ten / tan, вследствие чего студенты могут игнорировать наличие предлога при образовании форм родительного падежа.

Для усвоения предлогов из / с / со необходимо произвести сопоставление форм родительного падежа с формами винительного падежа в значении направления движения:

Куда? П4 (в / во / на) – Откуда? П2 (из / с / со); в / во → из; на → с / со.

Рекомендуется работа с упражнениями на замену винительного падежа родительным: в магазин → из магазина; на стадион → со стадиона; на почту → с почты; во Францию → из Франции. По мере усвоения предложенной модели необходимо расширить схему: Куда? (в / во / на + П4) К кому? (к + П3) → Откуда? (из / с / со + П2) От кого? (от + П2).

На данном этапе студентам необходимо усвоить разницу между вопросами «откуда?» и «от кого?». Наиболее эффективными являются упражнения на разграничение этих значений (Мы пришли – общежитие, подруга / Я получил письмо – Китай, друг) и на замену падежных форм (Поехать в Москву к сестре. → Приехать из Москвы от сестры).

2. Порядок слов при выражении значения принадлежности, характеристики, который, как уже было сказано выше, является обратным в турецком языке.

Турецкоговорящей аудитории следует продемонстрировать постпозицию родительного падежа сначала в словосочетаниях, а затем в предложениях: дом брата / сумка мамы / Это телефон друга / Ручка Анны на столе / Мы читали журнал преподавателя. Возможно прочтение примеров с постановкой вопроса: дом (чей?) брата;

сумка (чья?) мамы или ответы на вопросы: чьи это вещи? (Иван, Игорь, Ольга, Марина, Юлия). Схематичная демонстрация главного слова и зависимого поможет визуально запомнить порядок слов: × /—↓ Ручка подружки на столе.

В процессе работы над этой моделью эффективны также подстановочные упражнения: Я взял книгу друга (подруга / товарищ / учитель).

3. Сложности с построением конструкций обладания наличия / отсутствия, возникающие в результате того, что в первом случае родительный падеж используется только один раз для обозначения possessивности, а во втором случае добавляется значение отсутствия. Кроме того, при обозначении отсутствия, которое относится не к субъекту, а к месту, турецкие студенты также обычно используют конструкцию родительного падежа (у кого?) вместо предложного (где?). Пример типичной ошибки: «У Анкары нет моря».

Предупредить подобные ошибки можно с помощью упражнений, в которых требуется дать отрицательные ответы на вопросы. Например: У тебя есть учебник? – Нет, у меня нет учебника. / В общежитии есть бассейн? – Нет, в общежитии нет бассейна. Усвоению способов выражения значения отсутствия также способствуют задания на раскрытие скобок с выбором форм предложного или родительного падежей: (Комната) нет (диван) → В комнате нет дивана. (Мария) нет (телевизор) → У Марии нет телевизора) или задания на распределение примеров по двум моделям (отсутствие у субъекта и отсутствие в определенном месте):

У + П2 + НЕТ + П2

В + П6 + НЕТ + П2

Иван – ручка, аудитория – шкаф, Ирина – машина, город – аэропорт.

4. Наконец, выражение количества после числительных и количественных слов вызывает трудности, вследствие чего часто возникают ошибки по причине отсутствия изменения формы слов в турецком языке в подобных конструкциях. Необходимо представить учащимся следующую схему: Один / одна / одно + П1; Два / две, три, четыре + П2 (единственное число); 5 – 20, сколько, несколько, много, мало + П2 (множественное число). На следующем этапе усвоения грамматических форм родительного падежа в единственном и множественном числе можно использовать задания вопросно-ответной формы: Сколько на столе учебников? (3) → На столе три учебника. Сколько в городе музеев? Сколько студентов в аудитории?

Использование предложенных упражнений в турецкоговорящей аудитории должно способствовать акцентированию внимания студентов на различиях в способах выражения значений родительного падежа в русском и турецком языках. Таким образом, принимая во внимание особенности выражения падежных значений в родном языке студентов, можно более эффективно организовать работу с грамматическим материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, В. Е. Дорога в Россию. Учебник русского языка (базовый уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, М. В. Сафонова и др. – М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2013. – 258 с.
2. Ахметова, Л. С. Изафет в турецком языке и его значения / Л. С. Ахметова // Вестник Челябинского университета. Сер. 2, Филология. – Челябинск, 2000. – № 1. – С. 211–216.
3. Самарханова, Ш. Особенности категории падежа в русском и турецком языках / Ш. Самарханова, С. Жаныбек // Сборник материалов IX Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Наука и образование – 2014». – Астана, 2014. – С. 1863–1865.
4. Шанский, Н. М. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

Материал поступил в редакцию 16.05.16.

PRACTICAL CORRECTION OF THE MOST COMMON ERRORS MADE BY TURKISH STUDENTS LEARNING GENITIVE CASE

N.S. Zharkova¹, N.V. Kondrat², P.N. Savolyuk³

^{1, 2, 3}Teaching Assistant of the Department of Russian as a Foreign Language

Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering – branch of National Research Nuclear University – Moscow
Engineering Physics Institute, Russia

Abstract. The article gives a review comparison of the meanings of genitive case and its Turkish analogues in the scope required for learning by foreign students on elementary and basic levels. Besides, based on the conclusions resulting from the comparative analysis, the author presents possible errors made by Turkish students when learning genitive case and practical exercises helping prevent such type of errors or to correct them.

Keywords: genitive case, Turkish, possessive ezafe, ablative case, practical exercises.

УДК 32:808.51

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГОДНИХ РЕЧЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР

А.В. Семенов, кандидат исторических наук, профессор кафедры восточных языков
Дипломатическая Академия МИД РФ (Москва), Россия

Аннотация. В статье рассматриваются новогодние выступления высшего руководства КНР с точки зрения политической риторики. Уделяется внимание анализу выразительных и изобразительных стилистических средств языка.

Ключевые слова: председатель КНР, политическая риторика, лексика, тропы и фигуры речи.

Новогодние обращения Председателя КНР как жанр политической коммуникации имеют своей целью речевое воздействие на широкую аудиторию, убеждение народа в правильности своих политических оценок и побуждение людей на соответствующие политические действия. Выступая со своей политической позицией, он выбирает наиболее эффективные языковые средства, соответствующие времени и месту. Описанием лингвистического способа презентации политической речи и занимается политическая риторика. Она подчиняет форму речевого выступления его содержанию, тем самым делает его более убедительным и доступным пониманию.

Материалом для данного исследования служат обращения Председателя КНР по случаю Нового года 2014, 2015 и 2016 гг.

Политическая риторика новогодних речей Председателя КНР строится на использовании изобразительного и выразительного ресурса языка. К изобразительным языковым средствам относятся разные виды употребления слов в переносном значении, так называемые тропы, и фразеологизмы – идиомы, пословицы и поговорки. В связи с тем, что изобразительные языковые средства несут и эмоционально-оценочную нагрузку, то их более точное определение будет «изобразительно-выразительная лексика и фразеологизмы».

К выразительным языковым средствам относятся эмоционально-оценочные слова и фразеологизмы в прямом значении, а также выразительные синтаксические конструкции, называемые фигурами.

Переносное использование слов и словосочетаний или метафоризация является важным риторическим приемом для углубления их семантики, появления добавочных экспрессивных значений, усиления образности языка.

Метафора через наглядное представление и через конкретный образ помогает аудитории понять политическую ситуацию.

В рассматриваемых нами новогодних речах Председатель КНР использовал несколько ключевых метафор.

Метафора «путь» связана с вектором движения вперед.

В речи 2014 года она была актуализирована с помощью существительного «путь, дорога» (道路) и семантически связана с политикой реформ (На пути реформ мы сделаем новый шаг>我们将在改革的道路上迈出新的步伐). Эта метафора также была выражена глаголом с семой движения «двигаться вперед» (前进): *На нашем поступательном пути вперед еще будут встречаться разные опасности и вызовы*我们在前进的道路上, 还会遇到各种风险和挑战).

В выступлении 2015 года Си Цзиньпин уже использует более динамичные глаголы, которые побуждают к движению: «*продвигать вперед*» (推动) – в словосочетании продвигать реформы (推动改革); и «*содействовать, стимулировать*» (促进): *содействовать развитию государства* (促进国家发展). В этом выступлении морфема «путь» актуализируется через параллельный фразеологизм с двойным отрицанием: *если остановиться на полпути, то не добьешься никакого результата* (半途而废必将一事无成). Посредством двойного отрицания усиливается и подчеркивается утверждение, что в реформах нужно идти только вперед. Данная метафора возникает и при оценке взаимоотношений Китая и мирового сообщества: *Китайский народ уделяет пристальное внимание перспективам своей страны, и также уделяет пристальное внимание перспективам (букв. путь, который впереди – прим. перевод.) мира* (中国人民关注自己国家的前途, 也关注世界的前途).

В новогоднем выступлении 2016 года морфема «путь» была конкретизирована и было указано «направление развития государства на будущие 5 лет» (明确了未来5年我国发展的方向). Здесь широко использовались все уже известные нам глаголы с семой «движения»: «*продвигать вперед реформу и открытость*» (推进改革开放), «*содействовать равенству и справедливости в обществе*» (促进社会公平正义). Конкретизирована цель – это всестороннее построение общества среднего достатка, которому нужно двигаться для обеспечения жизни 1,3 млрд. населения Китая (全面建成小康社会, 13亿人要携手前进).

Анализ метафоры «путь» демонстрирует динамику движения общества к цели: новое руководство дает

стимул к движению вперед, вдохновляет на преодоление трудностей и содействует широкому поступательному продвижению к конкретной цели.

Метафора «строительства» связана с целеполаганием руководства Китая. В своей речи 2014 года председатель говорит об общем проекте углубления реформ и величественном плане будущего развития (我们对全面深化改革作出了总体部署, 共同描绘了未来发展的宏伟蓝图), тем самым конкретное дело заменяется предложениями с общей семантикой. Во внешней политике Си Цзиньпин выражает надежду, что народы всех стран мира будут *строить* на Земле прекрасный общий дом (世界各国人民……把我们……的地球建设成为共同的美好家园).

В 2015 году метафора «строительство» обретает свой каркас. В речи председателя КНР появилось конкретное достижение в области строительства. 12 декабря 2014 года была введена в эксплуатацию первая ветка канала Юг-Север по переброске вод реки Янцзы. Также была актуализирована цель – всестороннее строительство общества среднего достатка (全面建成小康社会的目标如期实现).

В речи 2016 года данная метафора выражается с помощью глагола «строить» (建成), который относится к построению общества среднего достатка; и глагола «создавать» (构建) в абстрактном значении, который употреблялся для создания сообщества общей судьбы человечества (构建……人类命运共同体).

Развитие метафоры «строительство» происходило от предложения планов и проектов через презентацию конкретных достижений, утверждения внутренних и внешних задач, и в результате мы приходим к началу интенсивного строительства для осуществления целей развития государства.

Метафора «боевых действий» и метафора «игры» описывают способы достижения цели. В речи 2014 года Си Цзиньпин, говоря об итогах прошедшего года, употребляет глагол с семой «победа»: *«победили все трудности и вызовы»* (战胜了各种困难和挑战). Глагол «победить» (战胜) имеет морфему «война, бой» (战), что в полной мере отражает саму метафору.

Метафорический ряд «боевых действий» включает эмоционально окрашенные словосочетания *«пропитать потом и кровью»* (凝聚了心血和汗水). Хотя это выражение в большей степени относится к упорному труду, но в данном контексте – это труд-борьба, труд, приближенный к боевым действиям. Поэтому и используемые дальше по тексту фразеологизмы *«героически бороться во имя ...»* (为之奋斗), *«упорная борьба»* (艰苦奋斗) и словосочетания *«добиться новых блестящих побед»* (创造出新的辉煌) – могут одинаково быть использованы как в мирной трудовой жизни, так и во время военных испытаний.

В новогоднем обращении 2015 года метафора «боевых действий» была выражена более экспрессивно. Метафорическое поле расширилось и во времени, и в пространстве. Продвижение реформы описывается в эмоционально жестких выражениях, таких как *«мы разгрызли немало твердых орехов»* (букв. твердых костей – прим. перевод.), (啃下了不少硬骨头). С одной стороны, углубление реформ, как *«стрела, выпущенная из лука, которую нельзя повернуть назад»* (开弓没有回头箭), а с другой, – *«в решающий момент реформ побеждает смелый»* (改革关头勇者胜). Эти два фразеологизма не только придают дополнительную остроту вполне мирному процессу реформ, но и предлагают в решающий момент быть готовым к «боевым действиям», причем *«победить можно, только действуя стойко и непреклонно»* (坚忍不拔才能胜利). Любопытно, что если словосочетание «героическая борьба» (奋斗) в предыдущем выступлении использовалось в глагольном значении в динамике, то в 2015 году оно превратилось в статичную номинативную конструкцию, выступая как постоянный фактор движения реформ, которые сталкиваются с величайшими трудностями (我们的奋斗必将是艰巨的).

Второе направление актуализации метафоры «боевых действий» – это борьба с коррупцией. Председатель КНР использует максимально экспрессивные выражения политической направленности, чтобы обозначить позицию государства против этого явления: *«усилить динамику борьбы против коррупции»* (加大反腐败斗争力度), *«строго наказывать коррупционеров с позиции нулевой терпимости»* (以零容忍的态度严惩腐败分子), *«демонстрировать твердую решительность, чтобы побороть коррупцию и наказать зло»* (显示了反腐惩恶的坚定决心), *«высоко держать острый меч борьбы с коррупцией»* (高举反腐的利剑). Усиливают впечатление параллельные конструкции с эмфазой объекта – коррупции: *«обнаружишь коррупционера – отдавай его под суд»* (腐败分子发现一个就要查处一个), *«за коррупцию непременно наказывать, с казнокрадством надо покончить»* (有腐必惩, 有贪必肃). Они звучат как политические лозунги, призывающие на борьбу.

В новогоднем послании 2016 года метафора «боевые действия» актуализируется по разным направлениям. Си Цзиньпин говорит об углублении борьбы с коррупцией (反腐败斗争深入进行), о вступлении строительства общества со средним достатком в решающий (букв. победный) этап (进入全面建成小康社会决胜阶段) и о необходимости выработать убеждения для уверенности в победе (树立必胜信念). В речи используется эмоционально окрашенная лексика, которая входит в метафорическое поле «боевые действия»: *борьба, победоносный, победа*.

Невербальный контекст данной метафоры как празднование 70-летия победы в войне сопротивления и в мировой войне против фашизма, а также проведение военного парада дополняются эмоциональным высказыванием председателя КНР о том, что эти мероприятия *«продемонстрировали истину, что справедливость»*

обязательно победит, мир обязательно победит, народ обязательно победит» (昭示了正义必胜、和平必胜、人民必胜的真理). Дополнительную экспрессию придают последовательный параллелизм и стилистический повтор.

В 2016 году решение проблемы бедности выдвигается как одна из основных задач партии и правительства. Си Цзиньпин использует образительные средства метафоры «боевые действия», чтобы заострить внимание аудитории на этой проблеме и на предпринимаемых мерах. Выражение «*трубить в рог*» (吹响了……号角) говорит о начале «сражения». Словосочетание «*штурмовать укрепления*» (攻坚战) свидетельствует об остроте проблемы и больших трудностях, которые надо преодолеть. Четырехморфемное сочетание «*победить бедность*» (打赢扶贫) выражает уверенность в своем успехе.

Во внешней политике метафора «боевые действия» проявляется в своей противоположности – стремлении к миру. Си Цзиньпин использует как понятийно-логические, так и эмоционально-образные средства. Он призывает, чтобы «*было чуть больше миролюбия, чуть больше сотрудничества, превратим конфронтацию в сотрудничество, заменим мечи и копыя на нефрит и шёлк*» (多一份平和, 多一份合作, 变对抗为合作, 化干戈为玉帛). Парные параллелизмы и использование идиоматических выражений усиливает экспрессию послыла председателя КНР.

Метафора «игры» появляется только в новогоднем послании 2016 года. Си Цзиньпин использует термины из игры «облавные шашки», которую китайцы сравнивают с военным искусством, а игрока в облавные шашки – с полководцем на поле боя. Упомянув об итогах прошедшего года, он говорит об успешном завершении 12-ой пятилетки (букв. наступил благополучный эндшпиль) «*двенадцать*» 规划圆满收官, а 2016 год, по его мнению, – это год начала (букв. дебюта) решающего этапа строительства общества среднего достатка (建成小康社会决胜阶段的开局之年), и надо хорошо начать партию (开好局). Игра, как и война, боевые действия являются выражением конфликтной ситуации, подчиненные определенным правилам и имеющие своей целью выиграть – победить. Только боевые действия представляют собой реальное и острое противоречие в жизни, а игра – модель боевых действий в мирное время. Снижение пафоса военной метафоры к 2016 году и переход к метафоре игры означает, что острая фаза внутренней борьбы в Китае пройдена, и наступил период политической игры.

Стилистическое значение определительных отношений в риторике трудно переоценить. В новогодней речи 2014 года Си Цзиньпин с помощью прилагательных дает эмоционально-оценочную характеристику объектам, которые необходимо выделить для аудитории. Важность объекта дополняется качественными и оценочными характеристиками. Так, прошедший год описывается как «*необычный*» (很不平凡的一年), родина – «*великая*» (伟大祖国), работа на благо родины как «*усердная, старательная*» (辛勤工作), миссия военнослужащих как «*славная*» (光荣使命).

Экспрессивно изображается тема реформы. Си Цзиньпин говорит о реформе как о «*великом деле*» (伟大事业) и «*великой*» практике (伟大实践), о «*грандиозных*» планах (宏伟蓝图), «*значительных*» успехах (显著成就), «*многочисленных блестящих*» достижениях (无数辉煌). Международная стратегия Китая тоже эмоционально окрашена. Председатель КНР призывает построить на Земле «*прекрасный*» общий дом народов всех стран (世界各国人民共同的美好家园).

В новогодней речи 2015 года усиление патриотического пафоса отражается и на предлагаемых языковых средствах, в частности прилагательных. Си Цзиньпин заостряет внимание на *торжественных мероприятиях* (隆重活动), посвященных памятным датам, говорит о *драгоценных жизнях* (宝贵的生命), отданных за родину. Касаясь политики реформ, он использует эмоционально-логические приемы – эмпазу прилагательного. Председатель КНР говорит, что «*дело, которые мы осуществляем, (поистине) великое*» (我们正在从事的事业是伟大的), *наши планы – величественны* (我们的蓝图是宏伟的) и *наша героическая борьба непременно будет трудна* (我们的奋斗必将是艰巨的). В отличие от предыдущей речи, в этом выступлении Си Цзиньпин употребляет прилагательные в качестве предиката, тем самым придавая дополнительную динамику и экспрессию тексту.

Новогодняя речь 2016 года оказалась более информативной и менее эмоциональной. Си Цзиньпин предпочел выделить празднование 70-летия победы в войне сопротивления и победы над фашизмом: «*торжественно отметили*» (隆重纪念), *грандиозный парад* (盛大阅兵); а также заострить внимание на политике открытости: «*Китай будет всегда открывать миру свои объятия*» (中国将永远向世界敞开怀抱).

Эмоционально-оценочное значение имеет новая лексика, которая используется в сети Интернет. Председатель КНР впервые использовал ее в своей новогодней речи 2015 года. Так, для выполнения работы кадровые работники всех уровней очень *сильно выкладывались* (为了做好这些工作, 我们的各级干部也是蛮拼的). Си Цзиньпин также предложил «*за поддержку поставить великому китайскому народу “лайк”*» (我要为我们伟大的人民点赞). В речи 2016 года он заявил: «*пусть “круг друзей” Китая становится все шире и шире*» (让我们的“朋友圈”越来越大). Использование современной сетевой лексики увеличивает аудиторию и усиливает экспрессию высказывания. Закавычивание необходимо для расширения семантического значения этого словосочетания и привлечения к нему особого внимания.

С целью дополнительного воздействия на аудиторию в новогодних речах Си Цзиньпина широко используются разные фигуры речи в форме синтаксических структур с эмоционально-выразительным значением (эмфаза), переосмысленных синтаксических структур (двойное отрицание) и композиционных построений синтаксических структур (антитезы, анафоры, эпифоры, параллелизмы, повторы и т. д.).

В новогоднем обращении 2014 года председатель КНР актуализировал свою речь с помощью **эпифоры**: *основная цель нашего продвижения реформ - это чтобы государство становилось более мощным, чтобы общество становилось более справедливым, чтобы жизнь народа становилась все более прекрасной* (让国家变得更加富强、让社会变得更加公平正义、让人民生活得更加美好), **синтаксических параллелизмов – парного построения**: *что посеешь, то и пожнешь* (一分耕耘, 一分收获), *понимать друг друга, помогать друг другу* (相互了解, 相互帮助), **четырёхморфемных ритмических словосочетаний**: *защита и помощь друг другу, сообща преодолевать несчастье* (букв. *находиться в одной лодке и помогать друг другу* – прим. перевод.), *совместно развиваться* (守望相助、同舟共济、共同发展) и др.

В новогоднем выступлении 2015 года Си Цзиньпин использует **эмфазу условного придаточного**: *если бы не было поддержки народа, эту работу трудно было сделать* (没有人民支持, 这些工作是难以做好的); **эмфазу уступительного придаточного**: *как бы ни менялись эпохи, мы всегда будем помнить их жертвы и вклад* (不管时代怎样变化, 我们都要永远铭记他们的牺牲和奉献); **анафору лексическую**: *в этот год.....в этот год (6 раз)* (这一年.....这一年); **анафору синтаксическую**: *мы должны продолжать прилагать усилия... мы должны всесторонне углублять реформу....мы должны всесторонне содействовать управлению государством* (我们要继续努力.....我们要继续全面深化改革.....我们要全面推进依法治国.....); **эпифору лексическую**: *обнаружишь коррупционера, сразу отдавай его под суд* (腐败分子发现一个就要查处一个); **последовательное наложение – градацию с нарастанием**: *китайский народ внимательно следит за перспективой своего государства, также внимательно следит за перспективой всего мира* (中国人民关注自己国家的前途, 也关注世界的前途); **градацию с ослаблением**: *народы стран всего мира совместно прилагают усилия, чтобы все люди..... все семьивсе дети* (世界各国人民共同努力, 让所有的人民....., 让所有的家庭....., 让所有的孩子.....); **четырёхморфемные ритмические параллельные словосочетания**: *совместный поиск решения и использование благоприятных шансов, в духе полного единства отвечать на вызовы, быстро и оперативно решать трудные проблемы, воодушевленно и целеустремленно осуществлять инновации* (集思广益用好机遇, 众志成城应对挑战, 立行立改破解难题, 奋发有为进行创新).

В новогодней речи 2016 года председатель КНР использовал синтаксические фигуры для придания большей экспрессии своему выступлению. Выразительности речи служит **реприза члена предложения**: *у нас только одна земля, это общий дом народов всех стран* (我们只有一个地球, 这是各国人民共同的家园); **эмфаза условного придаточного с субъективно-модальным значением предположительности**: *стоит только придерживаться (своей линии), и мечта всегда сможет осуществиться* (只要坚持, 梦想总是可以实现的); *сколько вложишь, столько и получишь* (有付出, 就会有收获); **эмфаза уступительного придаточного со значением предположительности**: *пусть жизнь десятков миллионов жителей деревни улучшится – вот то, что меня заботит* (让几千万农村贫困人口生活好起来, 是我心中的牵挂); **лексическая анафора**, которая делит текст на периоды: *в этот год.....в этот год.....(4 раза)* (这一年.....这一年); **лексическая эпифора**: *справедливость обязательно победит, мир обязательно победит, народ обязательно победит* (昭示了正义必胜、和平必胜、人民必胜); **антитеза**: *у нас были и радость, и горе* (我们有欣喜, 也有悲伤); *вечный покой умершим и доброго здравия живым* (愿逝者安息、生者安康); разные виды параллелизма: **парное построение**: *мир такой большой, проблем так много* (世界那么大, 问题那么多); *слышать голос Китая, видеть проекты Китая* (听到中国声音、看到中国方案); *раскрыть объятия..... протянуть руку помощи* (敞开怀抱,伸出援手); *чуть больше мира, чуть больше сотрудничества* (多一份平和, 多一份合作); *превратить конфронтацию в сотрудничество, заменить мечи и копья на нефрит и шелк* (变对抗为合作, 化干戈为玉帛); **последовательное построение**: *мы будем..... отдавать все силы для продвижения структурных реформ, отдавать все силы для продвижения реформы и открытости, отдавать все силы для содействия справедливости и равенству.....(我们要.....着力推进结构性改革, 着力推进改革开放, 着力促进社会公平正义); реально гарантировать народу безопасность жизни и имущества, гарантировать народу улучшение жизни, гарантировать народу крепкое здоровье* (切实保障人民生命财产安全、保障人民生活改善、保障人民身体健康); **градация**: *у нас должны быть сострадание и сочувствие, еще в большей степени у нас должны быть ответственность и действия* (我们要有悲悯和同情, 更要有责任和行动).

Подводя итоги риторическим построениям новогодних речей Си Цзиньпина, мы можем отметить чрезвычайно разнообразие выразительных и изобразительных стилистических средств языка. С новогодней речи 2014 года до выступления 2016 года образность, изобразительность и метафоричность тропов уступают место эмоционально-логическим и экспрессивно-синтаксическим конструкциям. Если в 2014 – 2015 гг. в связи

со сложными внутривластными событиями для формирования позиции народа необходимо было прибегать к эмотивным формам убеждения, то в 2016 году преобладает логико-информативный подход с привлечением большого количества экспрессивных синтаксических структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова, М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальности 10.02.01 – Русский язык. Научный консультант д.ф.н., проф. В.В. Колесов / М. В. Гаврилова. – Санкт-Петербург, 2005. – 468 с.
2. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. – М.: «Просвещение», 1979. – 192 с.
3. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
4. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальности 10.02.01 – Русский язык, 10.02.19 – Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. Научный консультант д.ф.н., проф. В.И. Шаховский / Е. И. Шейгал. – Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 440 с.
5. 国家主席习近平发表2014年新年贺词 戈цяя чжуси Си Цзиньпин фабяо 2014 нянь синьянь хэцы (Поздравление Председателя КНР Си Цзиньпин с Новым 2014 годом). – «Жэньминь жибао», 01.01.2014.
6. 国家主席习近平发表2015年新年贺词 戈цяя чжуси Си Цзиньпин фабяо 2015 нянь синьянь хэцы (Поздравление Председателя КНР Си Цзиньпин с Новым 2015 годом). – «Жэньминь жибао», 01.01.2015.
7. 国家主席习近平发表2016年新年贺词 戈цяя чжуси Си Цзиньпин фабяо 2016 нянь синьянь хэцы (Поздравление Председателя КНР Си Цзиньпин с Новым 2016 годом). – «Жэньминь жибао», 01.01.2016.

Материал поступил в редакцию 16.05.16.

RHETORICAL FEATURES OF THE CHINESE PRESIDENT'S NEW YEAR SPEECHES

A.V. Semenov, PhD in History, Professor of the Oriental Languages Department
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), Russia

Abstract. *The article deals with the New Year speeches of the top leader of the Peoples Republic of China in terms of political rhetoric. Attention is paid to the analysis of the expressive and visual stylistic means of language.*

Keywords: *The Chinese president, political rhetoric, vocabulary, tropes and figures of speech.*

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 4 (4), июль / 2016

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 11.07.2016 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 95.